

Л 63
Т 93

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

5 / 97
(25)

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

5/97
(25)

Время Общество Знание

- В гостях. Очарованный красотой 6
Семейный альбом. Родительский свет 8
К 200-летию губернии. "Костромская сторона" 12

Свидетельство Архивы Документы

- Федор Голубинский, ученый и мудрец 16
Как отмечались юбилеи семинарии 20
Воскреситель веры. Св. Иоанн Кронштадтский в Костроме 23
Земная жизнь епископа Виссариона 27
Из американских дневников Павла Свинына 31
Александр Радищев и костромской край. Загадка Рубановского 35
О трактирном промысле в губернии 42
Генерал с солдатским Георгием 45
Жил-был Иван Иванович 48
Трухины из усадьбы Паникарпово 51
Улицы старой Костромы 57

Литература Искусство Культура

- Продолжаем тему. Возвращение Сергея Жарова 66
Коллекционеры и коллекции. Завещание 70
Творчество. Стихи и рассказы костромских литераторов 73
Народное краснословие. Чухломские частушки. 76

Учредитель — администрация Костромской области.
Попечители: областной государственный архив,
Костромское епархиальное управление, объединение «Костромакурорт»,
областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).
Регистрационный номер Т-0162.

Прошло 5 лет

Первый номер журнала “Губернский дом” появился на свет 22 декабря 1992 года, когда в Костроме отмечалось 200-летие поэта и драматурга Павла Катенина, двадцать пятый выходит к 200-летию философа и богослова Федора Голубинского. Совпадения эти случайны, но, может, и символичны, ибо в любом рождении и продолжении новой жизни всегда есть некая тайна.

Если театр начинается с вешалки, то журнал — с обложки. Благодарим за хорошее начало художника Ирину Соглачаеву и с удовольствием представляем творчество других авторов, всех, кто был с “Губернским домом” со времени его рождения, а также двоих гостей — из Москвы и С.-Петербурга.

Прошло пять лет: будем вместе жить дальше.

Редакция.

«ПРОХОЖИЕ И БЛИЗКИЕ»

Фотоконкурс журнала, посвященный 200-летию губернии

«Здравствуйте!» Фото Сергея Калининна.

НА СВЕТ “ГУБЕРНСКОГО ДОМА”

Сердечно приветствую коллектив журнала “Губернский дом” в связи с первой юбилейной датой — пятилетием со дня учреждения журнала. За столь короткий срок вам удалось создать серьезное и интересное, ставшее необходимым многим читателям-россиянам издание. Сегодня с уверенностью можно сказать, что журнал состоялся.

Первый номер “Губернского дома” вышел в свет в сложной обстановке 1992-го года. В концепции журнала отразились идейная убежденность, исторические и литературные знания, жизненный опыт создателей и авторов, скрепленные горячей любовью к Костромскому краю, желанием поделиться с читателями богатством духовных и нравственных ценностей из сокровищницы истории Отечества.

Научная основательность, четкость гражданской позиции, серьезная профессиональная подготовка, развитый художественный вкус редакции — эти составляющие определили творческое лицо журнала.

С первых номеров “Губернский дом” обратился к проблемам, которые занимают ум и сердце не только костромичей, но и всех россиян и ответы на которые можно дать, лишь глубоко изучив историю родного края как части истории Государства Российского. Без серьезного исследования прошлого не постичь исторический смысл происходящих в наши дни событий, причин, побуждающих сегодня

Иван Дмитриевич Лаптев многие годы был главным редактором газеты “Известия”, затем работал председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, с 1995 года — председатель Государственного комитета Российской Федерации по печати. Доктор философских наук, академик Международной Академии информации.

людей к действию по возрождению Отечества.

Журнал уделяет значительное внимание теме нравственного воспитания, публикуя на своих страницах художественные произведения.

Авторов и редакцию “Губернского дома” отличает глубокая сыновняя привязанность к костромской земле, исконно русской, сказочно-былинной, в которой складывались вековые традиции великого народа. Влюбленностью в Костромской край, теплотой и сердечностью проникнуты страницы журнала.

Дорогие друзья, понимаю, в каких трудных условиях придется вам работать, как и многим другим литературно-художественным изданиям, которые далеки от коммерции, не являются прибыльными в смысле финансовом, но приносят нашему обществу огромную прибыль в другом, высоком смысле, сея “разумное, доброе, вечное” в человеческих душах.

Желаю Вам, дорогие друзья, чтобы журнал и в дальнейшем помогал читателям постигать духовные и нравственные ценности российской истории, укреплять жизненные устои нашего народа. Пусть все больше читателей приходит на добрый свет “Губернского дома”.

Имеет сообщить

В разные годы доброе слово в журнале говорили Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II; академик Дмитрий Сергеевич Лихачев; министр культуры России Евгений Юрьевич Сидоров; актер, председатель Союза театральных деятелей России Михаил Александрович Ульянов; писатель, главный редактор журнала “Новый мир” Сергей Павлович Залыгин; директор Центра музыкальных древностей Владимир Иванович Поветкин; другие известные деятели отечественной культуры.

Имеет сообщить

Героями рубрик отдела ВОЗ "Город мастеров", "Собиратели и хранители", "В гостях" были люди, не потерявшие в наше время достоинства и желания честно и плодотворно трудиться: ученые, художники, музыканты, коллекционеры, мастера-умельцы. В рубриках "Семейный альбом" и "Моя родословная" рассказывалось о нескольких поколениях известных костромских фамилий — Черновых, Чумаковых, Баженовых, состоялись встречи с продолжателями дел своих знаменитых предков — внуком книгоиздателя Сытина и правнуком педагога Ушинского. Авторами публикаций, кроме журналистов, были литературный критик Игорь Дедков, драматург Виктор Розов, писатель Виктор Хохлов, литературоведы Юрий Лебедев и Станислав Лесневский, поэт Владимир Леонович, художник Георгий Вopilов, искусствовед Виктор Игнатъев...

«ПРОХОЖИЕ И БЛИЗКИЕ»
Фотоконкурс «Губернского дома»

«Конкуренты». Фото Вячеслава Белоусова.

РАЗВИВАЯ БОГАТЫЕ ТРАДИЦИИ

Учрежденный пять лет тому назад администрацией области краеведческий и просветительский журнал "Губернский дом" занял свое полезное место в костромской культурной жизни.

Зачем нужен был власти такой журнал? Думаю, все дело в его миротворческой идее, восстанавливающей равновесие в общественном сознании, "покалеченном" политическими страстями. Все дело в той важной задаче, которой служит "Губернский дом", — консолидации творческих сил провинции, с тем чтобы энергия такого союза шла не на разрушение, а на созидание нового в культуре края, развивая ее богатые традиции. Все дело в последовательной просветительской работе, которую ведет журнал. Само по себе ценно появление издания, главным мотивом которого стала мысль о необходимости уважения к личности, опыту отдельной человеческой жизни. Ведь именно с этого начинается элементарная культура и каждого гражданина, и общества в целом. С этого же начинается и авторитет власти.

Костромская земля таит богатый материал, дающий возможность узнать о нашем обществе многое, что позволяет гордиться им. Помочь человеку лучше понять свою родословную, обрести себя в это сложное время, возродить в себе гордость за свою малую родину, за Отечество наше — эту патриотическую задачу

Виктор Андреевич Шершунов избирался заместителем председателя областного Совета народных депутатов, был начальником административно-правового управления города Костромы. В 1996 году всенародно избран главой администрации Костромской области.

также успешно решает "Губернский дом", на страницах которого имеют возможность публиковать свои исследования и произведения костромские ученые, краеведы, литераторы.

Кроме самого журнала, редакция "Губернского дома" выпускала другие

издания, приложения к нему: фото-буклет "Привет из Костромы", книги костромских писателей, культурно-духовный альманах "Светоч", книгу "Памятники архитектуры Костромской области". Учитывая опыт "Губернского дома", администрация области предусматривает создание на его базе издательского центра, который будет выполнять культурно-просветительские и образовательные задачи, выпускать краеведческую, художественную и иную литературу на основе сотрудничества с организациями-заказчиками.

Уважение, какое питает к "Губернскому дому" костромская общественность, надеюсь, позволит ему найти помощников в лице Дома народного творчества, Костромского музея-заповедника, областной научной библиотеки, литературного и художественного музеев, института усовершенствования учителей, среди других хранителей культурного наследия, собирателей старины и фольклора, просветителей, чей творческий опыт достоин обобщения. Издательские предложения этих уважаемых очагов культуры можно было бы осуществить в серии приложений к журналу.

Хочется пожелать "Губернскому дому" творческих удач в этом новом качестве, прочности заложенному фундаменту и надежной крыше над головой. Спасибо всем, и авторам, и героям — за построенный ими дом.

Игорь ТАРАКАНОВ

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

Рождение в Костроме "Губернского дома" считаю событием отпадным: такой журнал сейчас необходим — и не только для того, чтобы просвещать людей, но и объединять их, примирять друг с другом. Сегодня, когда вокруг так много сепаратистских идей, "Губернский дом" ищет и находит общее между нами — и в нашей истории, и в сегодняшней жизни. С самого начала я понял смысл и

цель журнала, стал читать и собирать все номера, и хотя сам не костромич, но историей костромской земли серьезно интересуюсь, кстати, во многом благодаря "Губернскому дому".

Хорошо, что журнал не политический, ведь вокруг так много политической информации, от нее устаешь, но большому счету, чтение такой информации не дает никакого развития и не создает положительного настро-

ения. Впрочем, в "Губернском доме" есть тоже своя политика: если мы будем хорошо знать свою историю, то не станем повторять старых ошибок. Все ведь когда-то уже было, но мы этого не знаем или не хотим знать, не учимся на уроках прошлого. Вот давно уже ищут и говорят: у нас нет государственной идеологии. О чем-то спорят, что-то придумывают. А зачем? Русская история, культура, духовность

Полемисты

— это и есть наша национальная идея, это единственное, что сможет нас объединить.

Журнал "Губернский дом" идет по этому пути: возвращает нам историческую память, рассказывает о людях, которые сегодня продолжают добрые традиции. Вот, например, в столичных школах введен курс "Московедение", хорошо бы и у нас сделать подобное, а в основу такого курса должно лечь пятилетнее содержание "Губернского дома". Журнал этот нужен каждой школе, каждой библиотеке, чтобы его читали и учителя, и дети. Разговоры о том, что на его подписку в библиотеке нет денег, несерьезны и необидительны. Я сам хожу в библиотеку и вижу, что на полке стоит журнал "Лиза", а "Губернского дома" нет. Я не против "Лизы" или "Маши", сам иногда читаю такие журналы, если нравится — можно кушать. Но "Губернский дом" полезно читать студентам и школьникам, у которых на журналы нет денег; поэтому, повторюсь, он должен быть в каждой библиотеке

Игорь Алексеевич Тараканов работает генеральным директором объединения "Костромакурорт" и одновременно главным врачом санатория "Костромской". Благодаря его попечительству, "Губернский дом" читают отдыхающие в здравницах Костромской области.

области: в маленькой — один, в крупной — два-три.

Каждый номер "Губернского дома" хорош по-своему, хотя, конечно, есть и общая линия. По направленности, языку, оформлению он выгодно отличается от других изданий, поэтому я с удовольствием дарю его своим гостям или беру с собой, когда сам еду в гости. Конечно, по содержанию "Губернский дом" разнообразен, но есть много тем, которых он еще не касался. Мне представляется, что был бы интересен номер о костромском лесе. Причем в широком смысле этого слова. Связанные с лесом промыслы и ремесла, обычаи и обряды, легенды и сказания — это ведь не только интересно, но и поучительно. Чтобы нынешние лесозаготовители понимали, что лес — это не только древесина, строительный материал, а богатство народное. Более того — объединительная идея нашей области. То же самое можно сделать и по льну, по текстилю. Мы, к сожалению, стали забывать, а то и вовсе не знаем того, за что должны держаться и чем гордиться.

Ольга СМУРОВА

Читатели

ЖИВОЙ ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА

Преподаватели нашей кафедры — постоянные читатели "Губернского дома". В прошлом году мы сделали первый набор на специальность "Социально-культурный сервис и туризм". Кроме теории, начиная с первого курса, учащиеся имеют практику, работая в студенческой турфирме, открытой при кафедре на принципах учебной лаборатории. Здесь, как будущие экскурсоводы, студенты начали освоение краеведческого материала, стали работать над созданием собственных текстов экскурсий по городу. И помогают им в этой работе сотрудники историко-архитектурного музея-заповедника и публикации вашего журнала. Само его название — "Губернский дом" — уже вызывает радость и вселяет в души уверенность: при наших нестроениях где-то есть "дом". За прошедшие пять лет одним из достоинств журнала, на наш взгляд, явилось возвращение в историю конкретных людей с их мыслями и деяниями, оцененных не за какие-то выдающиеся заслуги, а за

Ольга Вениаминовна Смурова преподает на кафедре культурологии и туризма Костромского государственного технологического университета. Новый курс, который она ведет, пользуется большой популярностью.

ционными публикациями, но, с другой стороны, благодаря им, мы слышим живой голос человека минувшей эпохи, и нам никто не навязывает своей интерпретации.

Хочется уберечь студентов от распространенного типа "скучных" экскурсий, в которых "сыплют" датами и архитектурными терминами и где отсутствует ощущение тончайших нитей жизненной ткани историко-культурной среды. Журнал учит такому подходу и дает конкретный материал. Студенты технологического университета, возможно, могли бы стать и авторами публикаций, так как занимаются исследовательской работой краеведческого содержания.

"Губернский дом" помогает читателю стать костромичом не только по рождению, но и по обжитости в мыслях каждого дома, каждого рода, каждого феномена природно-культурной среды.

Примите от всех нас широкое пожелание дальнейших успехов.

то, что они люди. Порой казалось, что "Губернский дом" увлекся дореволю-

ОЧАРОВАННЫЙ КРАСОТОЮ

Мы уже знаем, что в погожий день трудно застать Леонида Ивановича дома, поэтому в Крутик приехали пораньше.

Крутик — деревня километрах в двадцати от Костромы, на крутой взгорок забралась, оттого, видимо, и Крутик. Уютно там укрылись под мощными кронами вековых лип старые дома, такие непохожие друг на друга: что ни дом, то свой характер. Зато новой улице стандартных колхозных домов ой как, наверно, беспрютно в чистом поле. Но мне в старый Крутик, в старинный, с метровой почти толщины кирпичными стенами дом — такой и зимним морозам, и ветрам не пронять, и летний зной не больно-то пускают эти стены...

А хозяин уже работает. На столике в веранде, которая служит Леониду Ивановичу мастерской, — букет ландышей. Капельки росы еще вздрагивают на цветках и листьях, а Туринцев — у мольберта, с кистью в руках.

— Вот, понимаешь, тороплюсь. Хочется эту чистоту, свежесть отобразить. Немного постоят цветы — уже не то...

Леонид Иванович вообще спешит: "Годков-то ведь мне уже немало". Он убежден: "В каждом человеке какой-то свой талант есть, вот только часто он так и не опознан. Не каждый этот талант в себе сумел открыть".

Сам он с детства любил картинку смотреть. В Кострому, бывало, с матерью придут, стоит что-то нарисованное в витрине или на вывеске увидеть — не оторваться. Мать за руку тянет: "Пойдем, сынок, а то опоздаем". И самому давно хотелось попробовать, но некогда было, все некогда.

— Отец умер, мне всего было три года. На руках у матери нас четверо осталось. Только четыре класса в сельской школе и закончил. Я бы рад-радешенек поучиться, а пришлось с десяти лет пасти, с одиннадцати лапти плести. А что делать? Лапти три рубля стоили, а где их взять? Мать и говорит: "Учись сам

Журналист Владимир Константинович Сморчков с весны 1994-го по осень 1997-го служил в "Губернском доме", автор журнальных рубрик "Собиратели и хранители", "В гостях", "Пародное красноречие". Сейчас — руководитель творческого объединения "Вечерний эфир" на областном радио.

плести". И научился ведь. Позже — сапожничать стал...

В начале 42-го взяли в армию. Попал на Дальний Восток, на границу, потом воевал с японцами, дошел до Харбина. В 48-м вернулся домой. Домишко развалился, совсем плохой. Женился, дети пошли — надо было свой дом справлять. Чтобы как-то прожить, мало было колхозной работы, по зимам еще в лесу приходилось вкалывать. Опять не до рисования.

Вот уже дети подросли, жить чуть полегче стало — нет-нет да и брался за кисти. Сначала делал копии с репродукций в "Огоньке", но чужое срисовывать быстро надоело. А на сенокосы, на пожню ездили раньше здешние колхозники на целый месяц за Костромское море. Вот и стал Леонид Иванович с собой кисти, краски да картон захватывать. Выдастся свободное время — кто на рыбалку,

кто "козла" забивает, а Туринцев свое хозяйство забирает и — на реку, местечко подбирает поинтереснее, чтобы порисовать.

Потом немножко осмелел и в своей деревне рисовал так же, урывками.

— Картинку-то зарисуешь — се в солнечный день надо, в одно время дня. Прибегу на обед — где бы поест и отдохнуть, а я — рисовать. Не успел оглянуться — надо опять на работу бежать, а я еще не сдал. Ну, наплевать, схватишь кусок хлеба — и бежать. Вот таким манером...

И вот только тогда, когда на пенсию вышел, смог Леонид Иванович выплеснуть свою давнюю, переполнявшую его мечту на картон — в пейзажи и натюрморты.

А тут еще прознала про увлечение Туринцева заведующая клубом Александра Васильевна Потанина — выставку организовала, сначала в своем клубе, потом уж, благодаря ей, и в Костроме узнали о самостоятельном живописце из деревни Крутик.

...Девять лет назад областной музей изобразительных искусств отдал под вернисаж любителя три небольших своих зала. И что интересно, обычно выставки профессионалов "живут" здесь месяц, не больше. А тут целых три летних месяца — разгар туристского сезона — и большой успех у зрителей.

У меня сохранились выписки из книги отзывов. Приведу две, очень краткие, но в которых, по-моему, самая суть: "Выставка ваша, дорогой Леонид Иванович, удивительно русская и теплая по своим чувствам", "Вы — очень счастливый человек, потому что не отступились от своей мечты".

Чем же греют зрителей бесхитростные картины Л.И. Туринцева? По моему, дело не только в некоторой нынешней моде на наивное искусство, на которое набросились люди, пресытившись профессиональной изощренностью. Главное — что на картинах деревенского живописца отсвет его души, трепетно ощущаю-

шей тот праздник природы, праздник жизни, к которому наш глаз, вроде бы, и привык так, что в суете порой не замечаем этой радости. Леонид Иванович говорит об этом по-своему:

— Другой идет лесом, тропкой, мимо ржаного поля — и это хорость-во ему ни к чему. И ведь сколько хороших мест проходим. А я где ни иду: "Ах, место-то какое! Композиция хорошая..." И сразу решаю: утром пораньше, в середине дня или на закате сюда прийти. Вот выбираешь и рисуешь...

Впрочем, и по работам Леонида Ивановича замечаешь, да и сам он в этом признается: самое любимое его время — ясный солнечный день. Пасмурных полуден он не любит. И Крутик, и окрестности родной деревни у Леонида Ивановича всегда напосны светом, в какую бы пору он их ни рисовал: весной, летом, осенью или зимой.

В какой-то мере декоративны и ярки и натюрморты Туринцева. И рождаются они, вроде бы, невзначай. Вот об очень любимых мною "Грибах" узнаю, например, такое:

— Шел лесом как-то в августе. Белых около десятка нашел. Дорогу-то шел и не думал, что рисовать буду. Думал поджарить. Пришел да и вывалил в блюдо. И вдруг: а что если... А времени-то не было. Я

Дом деревенского художника.

тогда еще на ферме работал. Ах ты, елки зеленые! Накрыл газетой. Вечером стал рисовать. И хорошо, что самое-то главное схватил. А то утром на другой день встал в четыре часа, чтобы еще до работы порисовать, вижу: стали они блекнуть, уже не такие, грибки-то...

Прослышав о деревенском живописце, увидев на выставках работы Леонида Ивановича, обращаются к нему горожане, и сегодня пейзажи Крутика и окрестных мест согревают людей в столичных и Санкт-Петербургских квартирах, в Прибалтике и в Крыму. Есть они и в Суздальском музее, и в Костромском. Висят они и

Натюрморт.

«Заветное место».

здесь, в Крутике, в сельской библиотеке, у А.В. Потаниной. "Значит, люди что-то находят", — говорит по этому поводу Леонид Иванович. И вновь жалеет, что столько лет жизни потеряно, что учиться нигде не пришлось.

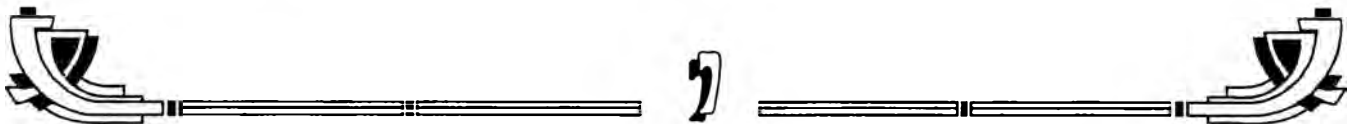
Да, вроде, лет человеку уже и немало, но и душа, и глаз у него молодые, и сохранилось стремление постигать новое. Раньше столько бондарей было в округе, а тут столкнул-

Леонид Иванович Туринцев.

ся Туринцев с проблемой: не в чем огурцы засолить — кадки (дощаника по-здешнему), негде купить. И освоил и это ремесло — безо всяких учителей и учебников. Теперь от соседей отбоя нет. А то вот еще одно дело несколько лет назад к нему пришло. Зимой на морозе долго не рисуешь. Времецко свободное выдалось. Да еще как пройдет по новой улице — глазу здесь не на чем остановиться. А бригадир Галина Макарова задумала новый свой дом обшить тесом. Остановился раз посмотреть, как хозяин работает, да возьми и скажи вслух: "Вот бы такой дом да обделать кружевом..." А Галина тут как тут: "Вот и возмись, Леонид Иванович, — ты сделаешь". — "Да что ты, у меня этого дела и в руках никогда не бывало". А про себя: "Надо попробовать". И попробовал: и пилки сам придумал для этого, и узоры. И за зиму напилил кружев деревянных восемьдесят с лишним метров. А как макаровский дом "запел", так и другие новоселы: "И нам бы, Леонид Иванович..."

...Леонид Иванович верит, что красоте души людей не очерствели. А вот что стали руки ленивы к ремеслу — так это пройдет. Вот только немножко уйдемся мы, к какому-то берегу прибьемся от суеты нашей...

РОДИТЕЛЬСКИЙ СВЕТ

Издавна в этом доме, в этой семье почитались отец и мать. Духовный свет их жизни, их судьбы, их смирения был столь благороден и чист, что помогал детям и тогда, когда родители покидали дом.

Екатерине Павловне Домерниковой 90-лет, она последняя в некогда известной старинной костромской фамилии.

Первое упоминание об этой фамилии относится к 1636 году и зафиксировано в рукописной книге — сказаниях о чудесах, творимых Федоровской иконой Божией Матери.

Ирина, жена некоего посадского человека из Костромы по имени Савелий Домерников, после усердной молитвы перед образом и отслуженного молебна была исцелена. Почитание Федоровской святыни сохраняется в семье с тех далеких времен.

Семейные предания, воспоминания, старинные снимки. Все это бережно хранилось, передавалось из поколения в поколение.

Дочери Екатерины Павловны, Лидии Владимировне Карпинской, удалось добыть в центральных архивах и книгохранилищах ксерокопии некоторых документов. Вот, например, этот формулярный список 1878 г. о службе товарища Председателя Московского окружного суда, Действительного стат-

Журналист Татьяна Григорьевна Гончарова имеет самое непосредственное отношение как к строительству "Губернского дома", так и к его дальнейшему обустройству. Ведет в журнале рубрики "Семейный альбом", "Моя родословная", "Город мастеров".

ского советника Николая Васильевича Домерникова, свидетельства о рождении его детей, документы о дворянстве

Николай Васильевич Домерников (3-й слева в первом ряду) среди чиновников. Середина прошлого века.

рода Домерниковых, данном фамилии благодаря честнейшей службе Николая Васильевича Отечеству. Начиная свою биографию чиновника в Костроме, где и родился. Первый чин — губернского секретаря канцелярии начальника Костромской губернии — получил почти сразу же после окончания Демидовского лицея в Ярославле. Потом служил помощником столоначальника в Костромском приказе общественного Призрения. В 1856 г. получил первую свою награду за государственную службу — бронзовую медаль на Владимирской ленте. Очень удачным был для него 1858 г.: высочайшим указом он произведен в коллежские асессоры, а затем — в титулярные советники.

В 1865 г. по представлению Министрства юстиции Николай Васильевич получает орден св. Станислава II степени за усердную службу, в 1876-м — ему присвоен чин Действительного статского советника за отличную службу в качестве Губернского прокурора (Кострома), затем члена и председателя окружного суда (Рыбинского, Нижегородского, Сарапульского).

Этот формулярный список говорит об удачно сложившейся карьере Николая Васильевича Домерникова, завершившейся в Москве. Императорским указом и решением Правительствующего сената по департаменту Герольдии 25 ноября 1878 года, благодаря заслугам, Домерниковы были утверждены в дворянском роде. Через пять лет после этого семейного события, в 1883-м, он умер в День Рождения Христова, едва дожив до 50 лет, и был похоронен на кладбище Алексеевского женского монастыря в Москве. Попечение над троими его детьми и вдовой, Инной Григорьевной (Зосимской), повенчанной с ним вторым браком 7 июня 1872 г., взял брат, Павел Васильевич Домерников, служивший чиновником в Петербурге. Так, благодаря ему, оставшиеся сиротами 11-летняя Анна, 9-летний Павел и 8-летняя Надежда смогли получить образование. Анна была воспитанницей Императорского Воспитательного общества благородных девиц, в 1904 г. она окончила жен-

ский медицинский институт, став одной из первых женщин-врачей. Надежда окончила в 1915 г. педагогические классы при Императорском воспитательном обществе. А Павел пошел по отцовской и дядюшкиной линии, после окончания Московского университета став чиновником Департамента таможенных сборов. Это и был будущий отец Екатерины Павловны.

— Помню портрет дедушки в овальной раме, что висел в нашей квартире в Петербурге, — рассказывает Екатерина Павловна. — Его очень почитали в семье, как и город Кострому — родину предков. С какой радостью всегда вся семья собиралась туда на лето. Костромой пронизаны были все мои детские воспоминания.

Детство... Как давно это... Если сейчас мне 90, а помню я себя 6-летней девочкой, то ведь 84 года назад.

...Весна. Открыто окно. За окном — городской шум. Но есть в этом шуме что-то особенное... Цоканье копыт по мостовой? Да. Мне кажется, что все пролетки едут на дачу, потому что скоро мы тоже поедем. Ах, как ждется! Я, мама, папа, Андриуша и Павлуша поедем в Кострому к бабушке. Наша няня покрывает чехлами мебель. Картины завертывает в бумагу. Так они и будут висеть до нашего приезда. Собираемся. Куклы уже одеты в дорогу. Но надо еще сбегать попрощаться к моей любимой кукле Ашоте, что живет в шкафу. Она не поедет. Будет меня ждать и скучать.

Павел Николаевич Домериков,
костромской чиновник.
Фото конца прошлого века.

Уже известно, что сначала поедем мы на пролетке, потом на поезде, потом на пароме. А на горе нас будет встречать бабушка. Она никогда не спускается вниз, а ждет на горе (речь здесь идет о Молочной горе). И вот Кострома. Вот наш дом. Здесь совсем не так, как в Петербурге. Здесь — большой сад, а в самом конце сада — три дуба, где мы дети любим играть...

— Екатерина Павловна, спустя столько лет вам вручили гербовую бумагу об утверждении вас в дворянстве. Это стало событием в вашей семье?

— Моя дочь приложила много сил и терпения для восстановления того, что, казалось, было безвозвратно утрачено. Нашлись и документы о потом-

Елизавета Андреевна Бекенева.
Фото конца прошлого века.

ственному дворянству моего деда. Теперь мы имеем надежду на то, что генеалогическое древо наших предков будет восстановлено. А если говорить о дворянстве...

Сословного общества в России нет, и больше никогда не будет в том смысле, как оно было. Трое моих внуков никогда не станут “новыми русскими”, но и старыми русскими им уже не быть. Даже если взять прадедову фамилию. Но интерес к истории рода, нашей семье у них есть, и это главное. Свидетельство о дворянстве их бабушки для воспитания уважения к предкам тоже что-нибудь да значит... Знание своих корней, достойной жизни дорогих на-

Ольга Васильевна Бекенева
со своей внучкой Катей (справа).
Фото середины прошлого века.

ших отцов, дедов, прадедов пусть даст им пример на их пути.

* * *

Семья, имеющая “длинную память”, — сегодня все-таки редкость. “Домашние истории” раскрывают время в таких интонациях, подробностях, о которых, как правило, в учебниках не пишут. Может быть, в этом и есть смысл появления “семейных хроник” на страницах журнала. Вспоминает Лидия Владимировна Карпинская.

— У меня была самая обыкновенная жизнь... Хотя случались и чудеса. Бог, судьба, время шадил семейю. Свое раннее детство я провела на руках деда и бабушки Елизаветы Андреевны (Бекеневой) и росла под их влиянием. Меня принесли в светлую красивую комнату, бабушка играла на рояле, а дед не спускал меня с рук. Помню залив, гавань, и корабли, корабли... Дедушка подносил меня то к одной картине, то к другой, надеясь, что живопись защитит меня от влияния пролеткульта, чем была пронизана вся тогдашняя жизнь. Потом уже никогда не довелось увидеть этих чудесных картин: и семейный архив, и богатая домашняя библиотека — все погибло во время блокады Ленинграда. Эвакуация в костромской Кологрив, к родственникам, думалось бабушке и маме, не мо-

жет быть долгой, к осени надеялись вернуться. И поэтому не взяли с собой даже самого необходимого — зимних вещей. Но больше уже никогда нам не суждено было вернуться в Петербург-Ленинград-С.-Петербург. А все оставшиеся родственники, тетушки Анна и Надежда умерли от голода, погибли при трагических обстоятельствах. Еще раньше, до войны, в 1938-м, был репрессирован отец, работавший инженером на заводе “Электросила”. Мне тогда исполнилось восемь лет. Возвращаться в Ленинград бабушка и мама, возможно, не захотели из-за печальных воспоминаний, предпочтя Кострому — город их детства и юности.

— Когда вы говорили о чудесах, вы что-то конкретное имели в виду?

— Ну, да... Вот представьте себе 40-е годы, только что забрали отца. Мы живем в коммуналке. Каждый шаг, жест, слово — на виду. А бабушка Елизавета ничего этого не боится, не боится читать старые царские журналы, ежедневно ходить в церковь. Больше того, она приводит в дом знакомого батюшку и просит, чтобы тот вел со мной занятия по священному писанию, Закону Божьему, по книге “Моя первая священная история”. В 1932-м году кто-то из соседей донес, что у нее спрятаны деньги на черный день. Ее арестовали, но когда бабушка пообещала, что отдаст все, что есть, ее привезли назад и после того, как она отдала все, что было, ее оставили в покое. Это я отношу только к чуду. И разве не чудо, что духовная атмосфера семьи защитила нас, детей, от среды, с революционного романтизма, агрессивных идей.

— Разве это возможно?

— Любовь к русской литературе пришла от дедушкиной библиотеки. Еще когда я была маленькой, он читал мне Пушкина, Толстого. Бабушка читала мне старые детские дореволюционные журналы — “Золотое детство”, “Задуманное слово”, где было много добрых рассказов о животных, поучительных сказок, веселых стихов.

Меня учили молиться, мы ездили с бабушкой в церковь на самую окраину города, в Лесное, хотя совсем рядом с нашим домом стоял действующий Владимирский собор. Дело в том, что в 40-е годы, были распространены в церковной жизни идеи обновления, боролись за упрощение и сокращение обрядовых служб, которые велись в таких

Лидия Владимировна Карпицкая.

храмах не на старославянском, а на русском языке. То есть формировалась некая церковная оппозиция, удобная и власти. Бабушка Елизавета этих идей не придерживалась. Вообще, в ней удивительно сочеталась строгая церковность и природный талант, светскость, умение общаться с людьми. На музыкальные вечера она собирала много интересных людей. И мою маму отдала учиться пению к известному в то время певцу Ивану Ивановичу Касторскому. Сама закончив консерваторию, она сожалела, что дочь ее выбрала чисто мужскую специальность — электротехника. Елизавета Андреевна была таким неприхотливым человеком, никогда особенно не думала об одежде и прочих женских мелочах, но всегда подчеркивала необходимую роль женщины в семье: вносить в дом свет, красоту, гармонию, мягкость. Мама моя тоже — очень светлый человек.

— А как в дальнейшем сложилась судьба семьи?

— Во время войны в Кологриве обожим: и маме, и бабушке — было очень трудно. Бабушка всю жизнь была домохозяйкой, поэтому никакого “трудового стажа” за ней не числилось и ее никуда не брали. Мама с трудом выхлопотала должность судебного исполнителя, чисто мужскую, и не побоялась ее исполнять, так как была единственным кормильцем семьи. Горшки еще лепила в горшечном глиняном цехе. С нами в Кологрив переехал и мамин брат, уже

очень больной. Здесь мы прожили всю войну, а потом приехали в Кострому, в дом, когда-то принадлежавший родителям бабушки — купцам Бекеневым. Домерниковы-Бекенева были известными в городе книготорговцами. Андрей Иванович Бекенев очень дружил с духовными лицами, являлся церковным старостой, в его магазинах продавалось много литературы для духовного чтения. В обеих семьях царил дух истинной православной веры, и не случайно эти две фамилии породнились. Елизавета Андреевна Бекенева вышла замуж за Павла Николаевича Домерникова, двоюродного брата матери. Венчание будущих моих деда и бабушки случилось в 1899 году в церкви Николая Трестино, и в приданое дочь Бекенева получила половину дома по ул. Марьинской, в тесном коммунальном уголке которого ей пришлось доживать в параличе свои последние дни.

Когда семья приехала сюда из Кологрива, дом, разумеется, был уже национализирован, но сохранил свой прежний дореволюционный шарм. Прекрасная старинная парадная лестница с резными балясинами, угловые печи из белого кафеля с зеркалами и голландки, облицованные изразцом и голубой росписью... Можно себе представить, с каким чувством Елизавета Андреевна, дядя Павел и Екатерина Павловна переступили порог этого дома. Здесь же суждено было появиться на свет трем моим сыновьям, которым моя мама дала столько же света, тепла, любви, доброты, сколько в свое время дала мне моя бабушка.

* * *

Екатерина Павловна. На этих снимках ей год и 90 лет. 6 декабря 1906-го, когда у Павла Николаевича Домерникова и Елизаветы Андреевны Бекенева родилась дочь, они уж никак не могли предположить, что это пухленькое, беленькое создание, ангелочек с лукавыми глазками, сделает такой выбор...

Детский бал в частной школе. Катенька в кружевных зеленых юбочках изображает цветочек.

А вот ее кукольный дом: резной шкаф с отделениями и полочками для кукольной одежды, мебели, посуды — здесь живет красавица-кукла Анюта, ростом с Катюшу. Игрушки никогда не раскидываются, а открывается дом этот только по большим праздникам, например, в Рождество Христово. Тогда в

детской появляется Волшебный фонарь, и детям показывают райские картинки, и они ахают и щебечут, как птички, впервые увидевшие жаркие страны.

А еще вот какая игрушка: ангел стоит в звездных одеждах с рождественскими подарками, а перед ним двое малышей — мальчик и девочка.

Когда игрушки и дети заснут, в самый канун Рождества, ночью, взрослые тихононько поставят в детской уже украшенную елку и разложат под пей новогодние подарки. Сколько радостного визга утром! Знали, ведь знали, что ангел их придет, да проспал...

Ангел. Некто загадочный, неписуемый, милостивый и всемогущий. Дед Мороз с красным носом в этом доме не был принят.

Все Рождество Катенька и два ее старших брата, Павлуша и Андрияша, играли в железную дорогу. Она была ~~как~~ настоящая и пролагалась через огромную залу гостиной в детскую, а от туда давила круг назад. Паровозик тоже был настоящий: в него заливался бензин, он сопел, гудел и со свистом катил в страну, куда теперь уж нет возврата. Играть в такую игру разрешалось только под присмотром взрослых, и на главные роли в пей претендовали, конечно, прежде всего мальчики, Павлуша и Андрияша.

Может, в этом соперничестве за право выпустить паровозик все и дело? Катя неожиданно для родителей выб-

рала чисто мужскую специальность электротехника и поступила учиться в наш костромской Чижовский техникум на электроотделение.

— Время такое было, — улыбается теперь Екатерина Павловна. — Хотела папе доказать и всем, что женщина может не хуже мужчины управляться с техникой и выполнять мужскую работу.

— Доказали?

Екатерина Павловна отрицательно качает головой, чуть улыбаясь над своими молодыми, горячими мыслями о равноправии.

Женского на ее долю выпало мало, больше — мужского.

Катюша еще пела в Костроме в хоре большого Успенского собора, а после закрытия его — в церкви Ильи Пророка, пела романсы, как учил ее известный певец Касторский, музицировала со своей матушкой, но время, стремительно и до неузнаваемости меняющееся, готовило ей много непосильной мужской работы.

Однажды сочинили они с Володей Карпинским, однокурсником по “чижовке”, тайную азбуку, свой тарабарский язык, на котором писали друг другу любовные записки и письма. Погода на дворе стояла такая, что эта безобидная юношеская игра могла быть представлена как шпионская диверсия. Беда случилась, правда, позднее, когда у Кати и Володи уже родилась дочь. Сын репрессированного священника, что сгинул где-то в лагерях под Архан-

гельском, Владимир, став инженером, тоже в чем-то predeterminedил свой арест. Мужская работа осталась на Катюшу, которую с семейством спасли Кологрив и Кострома, где они, видимо, затерялись...

Екатерина Павловна рассказывает жуткий случай из своей практики судебного исполнителя в Кологриве. Как застала ее ночь в лесу у деревни, куда надо было пойти, и как слышала она по дороге тихие, вкрадчивые шаги за спиной, особые, без снежного скрипа, что сильнее всего ее ужасало. И почему-то тогда она подумала, что если побежит, то пропадет, хотя не знала, кто ее преследователь. Только молилась... Это были волки. По полудню, собравшись обратно, пройдя этот же путь, она увидела страшные следы на снегу...

А однажды, в 30-тиградусный мороз, сброшенная пьяным возницей с саней, она чуть не замерзла на унженском льду — совсем ооченевшую, ее подобрал случайный обоз с товаром...

После войны, уже в Костроме, свою первую женскую профессию она получила, благодаря Владыке Антонию. До 1936 г. Кострома была под духовным руководством ярославского архиепископа. А в 1946-м — появилась своей. Матушка Екатерины Павловны с ним сразу познакомилась, так как каждый день ходила в церковь.

Екатерину Павловну, за которую хлопотала ее мать, Антоний взял в свою канцелярию машинисткой. Здесь до 84 лет она и проработала, став потом бухгалтером. Сорок пять лет — в Костромском епархиальном управлении. На ее веку служба 13 архиереям, от первого Владыки Антония до ныне здравствующего архиепископа Костромского и Галичского Владыки Александра. За эти годы труды ее были не раз отмечены большими наградами русской православной церкви: орденами князя Владимира и княгини Ольги II и III степеней, медалями Даниила Московского и Преподобного Сергия Радонежского...

— Наша семья благодарна Богу за все, — говорит Екатерина Павловна. — За житие под покровом Федоровской иконы Божией Матери, за пребывание в лоне русской православной церкви, за молитвы наших благочестивых предков.

Вот уже два века дедовы стены нашего дома на бывшей Марьинской хранят их чудесный свет и помогают жить.

Катюше — годик.
Фото 1906 г.

Екатерина Павловна Домершкова.
Фото 1997 г.

«КОСТРОМСКАЯ СТОРОНА»

А время идет, и между тем у авторов "Губернского дома" растут достойные продолжатели. С некоторых пор федерация детских и подростковых объединений Костромской области выпускает историко-литературный альманах "Костромская сторона" (редактор — студентка филфака КГПУ Ирина Головина), где представлено коллективное и индивидуальное творчество юных журналистов, краеведов, поэтов. Предлагаем несколько страничек из альманаха "Костромская сторона", подготовленного к 200-летию Костромской губернии, в оформлении художника Василия Чистова.

Предания старины глубокой

ЛЕГЕНДА О РЕКЕ ВЕТЛУГЕ

В давние времена река носила другое название. Другие дома стояли, и люди другие жили. В одной из деревень, что стояла на берегу той речки, жил богатый купец. В достатке большом, в хоромах дивных проживал, да не один, а с дочерью своей — красавицей Лугой. Красива девушка, говорят, была, добра, приветлива, и полюбила она паренька простого, что работал у отца по найму, большое стадо купца на пастбища гонял. Сиротой паренек был, но не унывал, веселым всегда видели его, а за песни веселые, что пел он, "Ветом — песенником веселым" народ его величал. Полюбили друг друга парень с девушкой. И все было бы хорошо, да не такую судьбу дочери купец гадал да приглядывал. Разозлился он на Вета и слугам велел утопить пастуха в самом глубоком омуте. Исполнили люди злой наказ богатого купца. Сгубили веселого песенника и связанного бросили в самый глубокий омут. Долго Луга плакала, слезы горячие роняла. Не мил белый свет ей был, не было жизни без Вета. В этот же омут по собственной воле следом за своим любимым бросилась она. Как только птицы песни свои перестали петь, волны сомкнулись над головою. Оп-

Художник Василий Васильевич Чистов работает в газете "Костромские ведомости", при этом сотрудничает с "Губернским домом" с его первого номера. Умеет точно и художественно выразительно передать содержание любого материала, будь то произведение зрелого автора или детское творчество.

лакивал народ пару красивую, ругал отца-злодея. Помня о влюбленных, назвали люди реку Вет и Луга. А прошли века — стали звать Ветлугой.

Есть и другая версия: по берегам реки растут ивы, по-другому ветлы. Быть может, они и дали название реке.

ОРЛОВО ОЗЕРО

Уж и не верит никто, а все поговаривают, дескать, бывал в наших краях граф Орлов: то ли жил, то ли мимо проезжал. Времена тогда лихие

были: добро у богатшей отнимали и бедным раздавали. Граф Орлов тоже богат был, золота и драгоценностей имел немало, вот и бежал он через леса да озера. То ли ноша оказалась тяжелой, то ли на пятки погоня наступала, только, говорят, схоронил он богатства свои на дне озера глубокого в дремучем лесу. Мол, вернусь еще, заберу, да так и не вернулся. Вот и лежит сундук или, может, ларец какой на дне озера в тине да в иле — богатство большое скрывает. А озеро то люди Орловым прозвали. Бывали там, говорят, охотники за кладрами, ныряли, да все без толку: глубоко, да и дно вязкое больно. Многим то богатство во сне снилось, а поди — достань.

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ТРАКТ

Уже не легенда, а чистая правда, что через наши леса собиралась проезжать на Урал Екатерина II. Специально для нее прорубили широкую просеку, по краям которой посадили молодые березки, поставили версто-

вые столбы, начали мостить дорогу камнями. Но планы императрицы по каким-то причинам изменились, и она так и не просхла по новой до-

роге. Только и поныне зовут жители эту почти заросшую дорогу Екатерининским трактом. Бывает, грибники летом натываются на участки этой

дороги, вымощенные камнем, и снова вспоминают эту старую историю.

Учащиеся Крутогорской средней школы Павинского района.

Святники земли костромской

«БЛАГОСЛОВЕННА В МИРЕ ДОБРОТА...»

Невозможно жить, не зная истории предков, традиции, веры. Но как сложно воскресить память о том, что исчезло вовсе.

К концу 1817 года деревня Кальтино состояла из 9 дворов, мужчин — 16, женщин — 20. К началу нашего столетия домов было уже 15.

Жизнь в деревушке кипела бурно. С детства приучали детей к работе, любви к земле-кормилице, к деревне, и поэтому она была чистенькая, опрятная. Жители отзывчивые, скромные, трудолюбивые.

Волшебный край. В небольшой прозрачной речке Величенке водилась рыба. В соседнем лесу, совсем рядом, много ягод, груш, рябинок, белых коровок. По берегу Величенки росла смородина.

Но еще всякий, кто жил в Кальтино, сказал бы: “Мы жили недалеко от храма”. И в самом деле: в пятистах-шестистах метрах от деревни в селе Жары, посреди полей, возвышался, как игрушечный, храм в честь Казанской иконы Божией Матери.

Как-то в тридцатые годы появились здесь четыре монашки. Разорили Богоявленский женский монастырь, и неслыханное гонение на христианство отразилось и на их судьбе. Мать Девора, последняя игуменья монастыря, вместе с матушками Анной и Секлетеей, послушницей Аннушкой нашли приют у храма.

Все жители прихода любили этих скромных женщин, так как они были примером нравственности, терпения, трудолюбия. Всем казалось, что они совсем другие, в них было столько неслышанной доброты. Но даже имя их мирское так никто и не узнал. Они умели любить, независимо кто ты, больной или грешный. Отец Александр, добрейшей души человек, заботился о них (потом он сгинул неизвестно куда). С приходом монашек еще больше потянулись люди в храм, так как они сумели объединить вок-

руг себя певчий хор. Монашенка Аннушка искусно звонила в колокола. А звон этот расходился окрест, как круги по воде, и они были слышны всюду, возвещая о жизни, вере и совести.

Но вот впервые за всю историю храма с 1933 года порог переступили люди, не осенившие себя крестом. Это начальник Юрьевоцкого КГБ, начальник НКВД вместе с Егором Федоровичем Балашовым, председателем Лубянского сельсовета, понятым Григорием Михайловичем Кругловым. По горестному зову, как раз была жатва, люди бежали с полей к храму. Гнетущие чувства охватили их при виде такого вандализма. Плакал сторож Дмитрий Михайлович Киреев, у которого потребовали ключи, угрожая пистолетом. На глазах у всех несколько сундуков с церковной утварью погрузили на полторку, забрали дорожные иконы со стен, разрушили иконостас. Более мелкие иконы рубили топором, складывая в кучу. Женщины бросались на разорителей, надеясь спасти хоть одну икону, но их отгоняли палками, били по рукам.

С закрытием храма, а потом полным его разрушением люди стали терять и духовность, и доброту, и милосердие.

Чтобы совсем не потерять веру, жители спешили к матери Вере, которая жила на правой стороне Волги, против Столпина. Матушка Вера была игуменьей Репимской Макарьевской пустыни женского монастыря. Была она известна своим смиренным, добротой и пророчеством.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны обитель закрыли, а сестры до последней минуты стояли за Православие. Игуменья Вера ставила на раскаленную плиту, чтобы отказалась от веры. Но она выжила. Теперь матушка принимала ходоков, сидя на коляске. Слухом земля полнится. За советом спешили и наши женщины из окрестных деревень.

“Что вы какую даль ходите? — удивлялась мать Вера. — Благодать от Бога дана нам обем: матушке Секлетее и мне. Милые мои, ведь она рядом живет”.

И вот теперь все за советом, благословением обращались к матушке Секлетее. У кого-то давно не было весточки от мужа с фронта. Кто-то получил письмо, что муж “пропал без вести”, кто-то — “похоронку”.

Из 15 кальтинских домов на войну ушли все здоровые мужчины. Шесть погибли. Всех успокаивала Секлетее, находила самые теплые слова, в которых так нуждались матери и жены. “Жив, жив твой-то Василий!” А с народом посылала весточку Марии Николаевне Комковой: “Передайте Мане, чтобы молилась Преподобному Сергию, он любит сирот-то”. Ивановой Марии Ивановна говорила: “Не реви, матушка. Придет, придет, а у Бога сирот нет. Все вырастут, не реви”. 84-летняя Мария Константиновна Николаевна вспоминает: “Как хорошо, что жили мы недалеко от храма. Ходили в церковь и стар, и млад. Когда разорили церковь, поставили монашкам “всем миром” дом в Кальтино. Но как-то в сенокос выгорели они. Пока снова всей деревней строили дом, жили все четверо у Клавдии Ильиничны Николаевой.

Мать Секлетее часто ходила к Николе в Кондому молиться. Во время войны все говорила: “Придет в деревню Александр Иванович — за простоту и Василий Николаевич —

за милость". Так и вышло — вернулись. Только Александр Иванович тяжело больной, с простреленным легким.

После смерти матери Деворы и матери Анны Секлетюю приютил Юрьевецкий батюшка, а послушницу Анну тоже увезли в город. О бес-

хитростных, добрых этих женщинах вспоминают старожилы.

Учащиеся Лубянской неполной средней школы Кадыйского района.

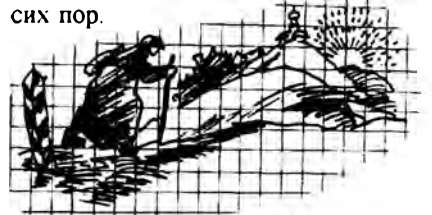
ПАЛОМНИЦЫ ИЗ СЕЛА ПАЛКИНО

Старожилы с. Палкино рассказали, что в 1903-1907 г. Преображенская Анна Ивановна, дальняя родственница Преображенских, совершила дважды паломничество к святым местам пешком до святой горы Афон, что в далеком городе Иерусалиме — нынешней столице государства Израиль. Анна Ивановна, благородная старушка, всю жизнь отдававшая богу, жила на нашем погосте Никола-Дор. Ее домик стоял рядом с нынешним молитвенным домом. В этом доме всегда была изумительная чистота, в углу висела богатая икона с мерцающей лампадой и особым запахом кипариса, ладана и других благовонных смол. На маленьком столике в золоченой обложке объемистая книга — Библия.

В 1947 году на Никола-Дор умирает старейшая учительница Екатерина Николаевна Драницына. В ее доме была богатая библиотека. Сре-

ди толстых книг — объемистая тетрадь в коленкоровом переплете с заголовком "Хождение к святым местам", написанная от руки чернильным карандашом на хорошей александрийской бумаге. Трудно сейчас определить тягу к такому христианскому подвигу. Ее первый путь начал в 1903 году после праздника Святой Пасхи. Паломница доходит до берегов Галичского озера к монастырским стенам Новодевичьего монастыря. Помолвившись, она снова отправляется в дальний путь от монастыря к монастырю. В ее записях упоминаются города, такие, как: Данилов, Ярославль, Кострома. Чудовский монастырь Московского кремля. Запомнилось описание момента встречи святых людей — Святого Серафима в храме г. Чернигова, посещение Киевской лавры. Дальнейший путь проходит по берегу Черного моря. Живописно описывает она город

Царьград (Константинополь), родоначальник русской православной церкви. Она побывала и на знаменитой горе Афон, нашла приют в Русской обители, которая существует до сих пор.

Путешествие туда и обратно длилось 2,5 года. Второй рейд к Святым местам она вновь совершила в 1907 году.

Тетрадь была утеряна, так мы лишились подробностей образа жизни паломницы. Пусть эти строки будут памятью об удивительных людях, живших в нашем селе.

Детская организация "Альтаир" Палкинской средней школы Антроповского района

Творческий порыв

ВОСПОМИНАНИЯ

Опять иду в родном лесу,
Где с детства все знакомо.
Грибов корзиночку несусь
И вспоминаю снова

Сосну с морщинистой корой
И старый черный пенек.
Сюда мы бежали с сестрой,
Гуляли целый день.

Я помню запах тот грибной,
Листву под нашими ногами,
Осенний дождик проливной
Умыл нас чистыми слезами.

И шли из леса мы с сестрой,
Гордясь своей богатой пошей.
И жизнь казалась нам простой,
Такой чудесной и хорошей.

Ирина Архипова, ученица 7-го класса Нагорской средней школы.

НЕРЕХТА

Старый русский городок,
Семь церквей и семь дорог.
Нешироки улицы, старые дома,
Узорчатых наличников
красивая резьба.

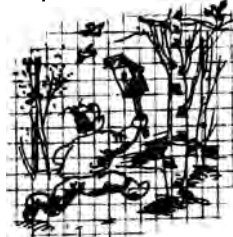
Церкви — залобуешься,
златые купола,
На высоких башенках
звонят колокола.
Речка неширокая
медленно течет,
Травушка зеленая
по берегам растет.
Площади и улицы, парки и сады,
У дома в палисаднике
красивые цветы.

Сергей Катержин, ученик 5-го "А" класса школы-гимназии № 6 г. Нерехты.

ВЕСНА

Прошла суровая зима,
Пришел апрель с капелью.
Наполнились скворцов дома
Веселою свирелью.

Из леса слышится: "Кв-ку!"
Моих годов считалка.
Пошли ребята на реку,
На первую рыбалку.

Светло и весело кругом,
Листочки зеленеют.
Крадется лучик солнца в дом
И, словно печка, греет.

Лиля Шушкова, ученица 7-го класса Нагорской средней школы. "Кладискатели".

Имеет сообщить

В основном отделе журнала САД вместе с мемуарами Леонида Колгушкина, Александра Лаговского, Павла Прибыльского, материалами из творческого наследия Ефима Честнякова, Александра Григорова, Виктора Бочкова, Дмитрия Белорукова помещались исследования ныне живущих краеведов, а также наиболее интересные документы из государственного и частных архивов. Герои публикаций — костромские дворяне, чиновники, купцы, религиозные деятели, просветители, меценаты и благотворители, а также другие известные в России люди, своими родовыми связями и творчеством питавшие культуру нашего края. Рубрика «Промыслы и ремесла» рассказывала о сапожниках, точильщиках, бурлаках, рыбаках, охотниках, кошатниках, а также о разнообразных отхожих промыслах Костромской губернии. Более подробно о пятилетних публикациях САДа на стр. 63.

«ПРОХОЖИЕ И БЛИЗКИЕ»
Фотоконкурс «Губернского дома»

«Вот моя деревня...». Фото Александра Шкалова.

ФЕДОР ГОЛУБИНСКИЙ, УЧЕНЫЙ И МУДРЕЦ

Празднуя столетие Федора Александровича Голубинского, в Московской духовной академии вспомнили рассказ математика князя С.Н. Урусова: "... в молодые годы он был у Шеллинга. Шеллинг спросил его: "Как живет Голубинский?" Князь отвечал: "Я его не знаю". На это Шеллинг заметил: "Не делает вам, молодой человек, чести, что вы не знаете такого вашего соотечественника".(1)

Князя можно понять: ведь в пору его молодости труды Голубинского, по скромности его, практически не издавались, они увидели свет уже во второй половине нашего столетия. Зато укор великого германского философа вполне можно отнести к нам: мы по-прежнему ленивы и нелюбопытны.

Старый добрый Брокгауз сообщал: "Голубинский (протоиерей Федор Александрович, 1797-1854) — основатель русской теистической философии, родился и умер в Костроме". А это значит, что в нынешнем году можно отмечать его двухсотлетие, и именно нам, костромичам, грешно об этом забывать. Правда, переход на новый стиль автоматически перенес юбилей (22 декабря) на следующий год, но не будем все же забывать, что тогда, в 1797 г., это был декабрь, оставалось три дня до Рождества...

А вот место рождения нашего героя так до сих пор точно и не известно. Отец его, Александр Андреевич (1775-1835), всю жизнь прожил близ Ипатья, в приходе церкви Иоанна Богослова, в которой он и начинал причетником в 1764 г. В год рождения сына Федора он служил псаломщиком в Троицком соборе, который, по случаю размещения в Ипатьевском монастыре архиерейского дома, стал кафедральным. (2) Все это позволяет предположить, что именно здесь, при впадении реки Костромы в Волгу, и увидел впервые свет будущий философ.

Старший научный сотрудник музея-заповедника Лариса Ивановна Сизинцева, краевед, автор интересной серии очерков из истории культуры края. Ее материалы всегда отличает свежий концептуальный взгляд и эмоциональность.

Между тем давний знакомый Федора Александровича, С.А. Маслов, ссылаясь на сведения, собранные "на месте", утверждал, что это произошло в Селищах, на правом берегу Волги. В этом тоже нет ничего невозможного, поскольку, по данным того же семейного архива, мать философа, Анастасия Андреевна (1774-1836), была дочерью селищенского причетника.

Конечно, может быть, первый крик младенца Феодора раздался и в Селище, зато с уверенностью можно сказать, что именно близость его отца к архиереям и их резиденции повлияла на то, что Александр Андреевич, сам не получивший образования, дал его всем трем своим сыновьям, — Федору, Евгению и Петру. Ведь во второй половине XVIII — начале XIX столетий

именно костромские архиереи посещали любимое свое детище — Костромскую духовную семинарию, которая была в ту пору самым заметным учебным заведением губернии и ценилась очень высоко. С 1798 г. из-за ремонта на Запрудне семинария некоторое время помещалась в Ипатьевском монастыре, так что можно сказать, что детство Федора Александровича прошло "около семинарских стен".

Восьмилетним отроком он поступил в первый класс — класс "информатории", как это было названо самим Александром Андреевичем в прошении, чудом сохранившемся в Костромском архиве (3). Проблемы возникли с обучением нотной грамоте: "... как оный сын мой, по причине малолетства, великое чувствует затруднение как в хождении за певческие классы, так особливо и в самом обучении такового предмета, которой на первый раз ему, яко малому ребенку, представляется непонятным". Отец берется сам за месяц растолковать сыну ноты.

Видимо, все проблемы, включая и певческие, были решены к 1814 году: семнадцатилетним юношей Федор Голубинский (взявший фамилию при поступлении в семинарию) получил аттестат, подтвердивший: "Дарования имеет изрядные. Во всю бытность свою в семинарии вел себя очень хорошо, ныне отпущен в Московскую духовную Академию в число воспитанников". (4)

Что же воспринял юноша здесь, в Костроме, что увез с собой в Московскую академию? Время его поступления в семинарию — "дней Александровых прекрасное начало" — было отмечено и реформами духовного образования. В семинарии было введено преподавание "первых начал врачебной науки", была куплена гальваническая машина, при помощи которой "были произведены опыты применительно к медицине". Будущих священников

учили прививать оспу, говорить на иностранных языках — в аттестате Ф.А. Голубинского подтверждено, что в языках греческом, немецком и французском успехи похвальные, и это не считая латыни, которая разумелась сама собой.

В России во множестве создавались новые учебные заведения, пополнявшиеся студентами из числа выпускников духовных семинарий (где иначе в то время было взять такое количество юношей, знавших главный язык науки — латынь?). Федор Александрович мог выбирать: запросы приходили из Петербургского педагогического института, медицинского педагогического академии. Младший брат его, Петр, выбрал по окончании семинарии военную карьеру, а по выходе в отставку стал полтмейстером... Федор выбрал Троицкую академию, и это трудно объяснить иначе, чем воспитанным в семинарии вкусом к философии и богословию (по этим предметам отмечены успехи "отличные").

Московская духовная академия тогда только что перебралась из Москвы в Троице-Сергиеву лавру и тоже испытала на себе воздействие реформ. Новая академия быстро уходила от традиционного догматизма в обучении. Лекции по философии, которые только начинали читать студентам, были живыми, несмотря на то что читали их на "мертвой" латыни. Особенно любим был профессор философии В.И. Кутневич. "студенты доходили при нем до увлечения в изучении науки мудрости". лучшим же учеником его был Ф.А. Голубинский.

Благодаря Кутневичу, ежегодно библиотека академии пополнялась новейшими трудами европейских философов — Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби... Студенты с увлечением следили "за ходом развития мыслящей силы рода человеческого".

В августе 1818 г. молодой костромич закончил академию магистром "с способностями отличными, прилжанием неутомимым и поведением отлично честным". (6) Это было фундаментальное гуманитарное образование: новые и древние

языки (еврейский, греческий, немецкий, французский) — "превосходно", история, богословие, философия, словесность — "отлично". Были еще физико-математические науки, в которых знания Голубинского были охарактеризованы словечком "довольно".

Древние языки, история, словесность доставляли опору в прошлом, философия позволяла усвоить навыки абстрактного мышления, новые языки открывали путь к общению с мыслителями Европы. В стенах обители преподобного Сергия было сделано все, чтобы подготовить Ф.А. Голубинского к той миссии, которую он с блеском исполнил. Она состояла в том, чтобы привить дереву отечественной традиции любомудрия ростки европейского философствования, восточных философских систем и найти ее собственное место в этом многоголосии.

Между тем вряд ли сам молодой бакалавр осознавал тогда или позже в полной мере решаемую им задачу. Его ждала обычная академическая карьера: он стал членом Академической конференции, с 1822 г. — экстраординарным, с 1824 — ординарным профессором. (7) С августа 1820 г. к преподаванию философии добавился курс немецкого языка, и занятия его превращались в уроки новейшей литературы и философии, студенты учились самостоятельно мыслить и критически относиться к прочитанному. В 1824 г. Кутневич ушел из Академии, и Голубинский остался его преемником, отдав преподаванию философии 36 лет (1818-1854) и оставив кафедру лишь из-за одолевших его болезней.

Однако за внешней канвой оказалась скрытой еще и история его внутренних поисков и разочарований, глубокая внутренняя работа. Это было связано с малоисследованной пока историей отечественного масонства, которая сегодня чаще становится не столько предметом исследования, сколько поводом для идеологических спекуляций.

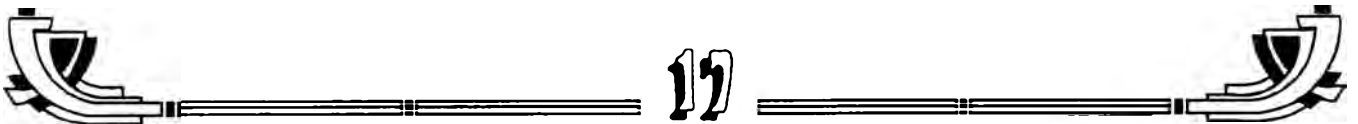
Между тем всякий исследователь, соприкоснувшийся с историей вто-

рой половины XVIII — начала XIX веков, сталкивается с тем, что большая часть интеллектуальной элиты той поры прошла через масонские ложи или как-нибудь соприкоснулась с их членами. Для кого-то это было следованием моде, для кого-то — способом решить вопросы карьеры, но многие пытались все-таки решить таким путем важные общественные проблемы.

Они были очень разными, эти масоны. И все же принято видеть два основных течения, представители которых по-разному видели корни всех зол в нашем отечестве. Первые считали, что причина всех неурядиц — в устройстве общества, которое необходимо изменить, даже если для этого потребуются революционные потрясения. Вторые считали, что необходимо изменить самого человека, и путь к этому лежит через его нравственное самосовершенствование. Первые пришли в конце концов на Сенатскую площадь, а вторые...

Заглянем в дневник Ф.А. Голубинского 1826 года: "Вечер провел у почтеннейшего батюшки Семена Ивановича. Говорили несколько слов о возмущении Спб (т.е. Санкт-Петербургском — Л.С.) — сам человек не может самого себя привести в гармонию и порядок, а хочет поправить других; сам не освободился от страстей, а хочет вне себя устроить порядок". (8) Свободы, равенства, братства предполагалось достичь не путем кровопролития, а путем глубокой внутренней работы, которая, как казалось, не только не противоречила православной традиции, но и вытекала из ее опыта.

Дневники Ф.А. Голубинского 1822 года пестрят тайнописью: "Простившись с батюшкой, возмущен был, много думавши о Родовхо ы хып... Часов до одиннадцати не мог ни за что прилечь; тут освежился, укреплен тою мыслию, что в Союзе нашем не должны мы давать пищи мечтам и воображению, плоти и крови, что это прелятствует благословению Господню, который один укрепляет истинный христианский Союз". (9)

Иерархическое подчинение, неизбежный атрибут всех масонских организаций, переосмыслилось в традициях церковного послушания: “Что ыри гол дыну Д.У. ро кониох ничего делать, и потому письмо мое показывал ему и получил от него хорошие советы (любезная черта! Повинование и уважение к мудрому руководителю)...” Речь на соборной шла о скромности и умеренности, покаянии и самопознании, об “образовании сердца”, о содействии “нравственному образованию других”... Все это вполне согласовывалось с православной традицией.

Те же дневники свидетельствуют, что именно в этих кругах появилась потребность в обращении к трудам Св. Отцев — встречаются имена Антония Великого, Григория Богослова... В этом контексте не кажется удивительным, что именно Ф.А. Голубинский содействовал публикации трудов Паисия Величковского, возобновивших на Руси традицию “умной молитвы”, а с 1841 г. стал и членом редакции, созданной для издания творений Отцев Церкви в русских переводах. Это было сознательное усвоение и осознание собственной античной традиции, протянувшейся от “афинской премудрости” и восточного монашества к отечественной православной традиции.

Десятки лет от роду, по свидетельству знавших Ф.А. Голубинского, он помнил “пять песен Вергилиевой Энеиды”. Основатель Алтайской миссии, давний знакомый Макарий (Глухарев) посылает ему “две книги индейской богословии”. Ю.Н. Бартенев — “трактат Дежерондо о усовершенствовании самого себя”, а в ответ получает из Сергисва посада перевод канонической книги древних китайцев.

Европеец А. Гакстаузен по-немецки беседовал с Ф.А. Голубинским в его кабинете и вспоминал позже: “Я с удивлением слушал суждение русского попа о Шеллинге, Гегеле, о распадении философии последнего на две школы и т.д. Эти суждения произносились с мягкою скромностию, но указывали на са-

мостоятельное изучение предмета”, а на стене приемной в это время висели портреты Тихона Воронежского, Серафима Саровского, Паисия и задонского затворника Георгия. (10)

Федор Александрович Голубинский.

В письме А.И. Тургеневу, сыну масона и брату декабриста, Ф.А. Голубинский писал о счастье “после скитания по системам философским, после кружения в волшебных воздушных замках Пантеизма” вернуться к людям, “в которых с глубокою мудростью соединена жизнь, сокровенная со Христом в Боге”. (11) Среди этих людей были и православные священники, и епископы. Достаточно сказать, что канонизированный ныне святитель Филарет, митрополит Московский, в юности пережил увлечение масонством (12).

Собственно, составляя свою “Историю систем философских”, Ф.А. Голубинский следовал совету Василия Великого, рекомендовавшего при изучении языческих сочинений поступать, подобно пчелам, “ибо и пчелы не на все цветы равно садятся, и с тех, на какие нападут, не все стараются унести, но, взяв, что пригодно на их дело, прочее оставляют нетронутым. И мы... собрав из сих произведений, что нам свойственно и сродно, с истинною, остальное будем проходить мимо”. (13)

“Воспользовавшись полезным, будем избегать вредного”, — не так просто было воспользоваться этим

советом святителя, потому что не сразу удалось распознать опасности и искушения в масонстве. Однако, по словам апостола, бывший искушенным, может искушаемым помочь. А потому значительная часть жизни Ф.А. Голубинского (равно как и митрополита Филарета) была посвящена обращению тех, кто поддался подобным увлечениям.

Тихо, кротко выслушавшая кощунственные высказывания вольнодумцев, Федор Александрович “принимал на себя такой печальный и расстроенный вид, что собеседник его скоро прекращал неприятный ему разговор.” — вспоминал ученик Голубинского М.В. Толстой, давший интересное описание своего учителя: “... я с первого взгляда любил нового гостя, хотя наружность его вовсе не была привлекательна для ребенка: близорукий, некрасивый лицом, неловкий в телодвижениях, он сидел, потупившись, и не обратил на меня никакого внимания”. (14)

Между тем этот человек с некрасивыми чертами лица поражал всех духовным светом, который был результатом глубокой внутренней работы. Профессор Московского университета С. Шевырев, посетивший его в Академии, писал: “Простота и смирение осеняют его мирное жилище... В чертах русского мудреца господствует спокойное самоуглубление. Такова и тихая речь его, которая всегда тепла, но вспыхивает живее при выражении сочувствия и участия”.

В советах Ф.А. Голубинского, которые он давал другим, угадывается собственный опыт философа. Он писал Ю.Н. Бартеневу в ноябре 1840 г.: “Вам известно, что охолоденье дрова чаще в печи мешают, тогда они горят ярче, лучше прогорают, и печь более от того содержит тепла: так и сердце человеческое, чем более тратится, чем больше двигается для проявлений любви, тем более привыкает любить”. (15)

Собственно, именно это и было тем, что внес Федор Александрович в европейскую традицию из отече-

ственного опыта: философия никогда не оставалась для него умением рассуждать, создавать некие абстрактные системы. А.Н. Введенский отмечал позже: "Согласно с лучшими историческими традициями, он видит в философии не теоретическую доктрину, но — "мудрость жизни", именно жизни. Эту ЖИЗНЕННУЮ задачу философии он действительно никогда не терял из виду. Он приводит ниже и утверждение самого Голубинского: "Нужно объятие познаваемого всем существом, не только разумом, но и волею, и чувством". (16)

Для того чтобы следовать этому совету, необходимыми оказываются не только навыки абстрактного мышления, но и опыт монашеского делания, и опыт, осознанный и сформулированный в святоотеческом наследии. Это органическое сплетение и стало вкладом отечественной философии в европейскую традицию, проявившись главным образом в XX веке.

Жизненная мудрость не раз помогала Федору Александровичу в его обыденной жизни. Люди, знавшие его, в один голос отмечали его бескорыстие, способность ради других забыть собственную усталость, умение услышать другого. Ученики вспоминали, как в их работах Ф.А. Голубинский старался уловить мысль, если даже она была выражена неясно или путано, помогал найти нужные слова. Ни различие сословий, ни уровень образования не влияли на его отношение к человеку: во всех он пытался найти нечто доброе, для каждого был готов добрый совет, участие, помощь.

Совершая ревизии, он старался оправдать промахи, отметить хорошее. Жил скромно, охотно давал деньги студентам, не ожидая их возвращения. Поддерживал многочисленную костромскую родню и словом, и протекцией, и денежными посылками.

М.В. Толстой высказался, пожалуй, точнее других: "В числе родителей его главное место занимало смирение. Окруженный всеоб-

щим уважением, он никогда не ставил себя выше других, самого себя судил строго, но ко всем был снисходителен".

В 1828 г. он был рукоположен во священника, через год стал протоиереем. Был "пастырь добрый". А вот семейная жизнь его была исполнена утрат. Женившись на дочери своего учителя, В.И. Кутневича, Ф.А. Голубинский рано овдовел, в одиночку воспитывал дочь и троих сыновей. В начале 1852 г. почти одновременно умерли двое из них — Сергей и Петр. Митрополит Филарет (Дроздов) утешал философа: "Ныне время показать плод любомудрия, много лет вами проповедуемого, и не поколебаться лишением видимого и временного, в созерцании невидимого, во уповании вечного". (17) Но силы, видимо, оставляли Федора Александровича.

В 1854 г. он вместе с сыном Дмитрием поехал навестить родные места. После панихиды на могиле родителей, похороненных в ограде Богословской церкви, Ф.А. Голубинский "посетил дом, где они жили, прослезился, взмолил и на светелку, вспомнил о родительском благословении перед поступлением в Академию". — вспоминал сын. Это было

Могилы Ф.А. Голубинского на кладбище около церкви Иоанна Богослова.

14 августа. А уже через неделю, проболев всего день, он тихо скончался. "Это было во втором часу пополудни в день воскресный 22 августа 1854 года".

Похоронили рядом с родителями, на том же Богословском кладбище. Один из его друзей, С.А. Маслов, заказал ограду на шиповском заводе, другой (судя по некоторым обмолвкам, М.В. Толстой) сочинил эпитафию: "Словом учил любомудрию, примером жизни — смирению". В нашем суетливом и суетном мире осталось ли место любомудрию и смирению? Если да, то Голубинского будут помнить.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Введенский А.Н. Профессор философии протоиерей Федор Александрович Голубинский. Сергиев посад, 1898. С. 2.
2. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 76 Голуб. 1. П. 22. № 1. Л. 1-8. (Далее — ОР РГБ...)
3. Государственный архив Костромской области (далее — ГАКО). Ф. 432. Оп. 1. Д. 20. Источник указан И.Х. Тлиф.
4. ОР РГБ. П. 36. № 9. Л. 1.
5. Смирнов С.И. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814-1870). М. 1879. С. 46.
6. ОР РГБ. П. 36. № 9. Л. 2.
7. Там же. Л. 9-12.
8. Там же. п. 1, № 2, л. 1 об-2. Семен Иванович, как можно предположить, — это московский священник С.И. Соколов, близкий "Дружескому обществу". — См.: Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М. 1868 (Далее — Сушков Н.В.). С. 11 и др.
9. ОР РГБ. П. 1. № 1. Л. 5 об.
10. Смирнов С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский. М. 1855. С. 13, 23; Голубинский Д.А. Макарий, основатель Алтайской миссии, по бумагам Ф.А. Голубинского // Душеполезное чтение. 1890. Т. 31. Ч. 3. С. 563. Переписка Ф.А. Голубинского с Ю.Н. Бартевым // Русский Архив. 1880. С. 408.
11. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 501. Тургеневы. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.
12. Сушков Н.В. С. 258.
13. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кессарии Каппадокийския. М. 1993. Ч. IV. С. 349 /репринт издания: М. 1846/.
14. Толстой М.В. Хранилище моей памяти: Голубинский Федор Александрович // Душеполезное чтение. 1891. Ч. 1. С. 204-205.
15. Русский Архив. 1880. С. 422.
16. Введенский А.Н., с. 9, 21.
17. ОР РГБ. П. 15. № 88.

ДРЕВО, ПИТАВШЕЕ ЭЛИТУ

В последние годы мы все больше ощущаем себя обитателями пространства, измеряемого не несколькими десятками лет, а столетиями. Щедрое время выводит на страницы костромской летописи героев, обустроивавших некогда жизнь этого края и оставивших нам в наследство примеры великодушия, трудолюбия и терпения. Среди множества прочих замечательных имен было бы в ней немало и представителей духовенства, получивших образование в Костромской духовной семинарии.

Скромная епархеская школа, с трудом собравшая в 1747 году первых учеников, нынче отметила свой 250-ти летний юбилей. Она наполнила храмы губернии образованными проповедниками и пастырями, напитала открывшиеся в конце XVIII начале XIX вв. учебные заведения учителями и наставниками, дала грамотных чиновников государственным учреждениям. Костромская семинария участвовала в создании духовной и интеллектуальной элиты России. Из ее стен вышло немало крупных церковных иерархов: Митрополит Киевский Арсений, Симбирский Епископ Евгений, Архиепископ Владимирский Сергей, Епископ Костромской и Галичский Никодим, Константин Арсеньев, Федор Голубинский, Николай Страхов, Евгений Голубинский — в ней учились: Алек-

Научный сотрудник Костромского государственного архива Ирина Халидовна Тлиф — автор цикла материалов по истории Костромской духовной семинарии и о судьбах ее выпускников.

сандр Островский, Василий Розанов, Павел Флоренский — связаны с ней несколькими поколениями своих предков.

Преподаватели и выпускники семинарии немало сделали для развития местного краеведения. Сельский протоиерей Михаил Яковлевич Диев написал историю костромской епархии; смотритель Макарьевского духовного училища

Иван Капитонович Херсонский посвятил свой досуг изучению рукописей Макарьево-Унженского монастыря; ректор семинарии Иоанн Яковлевич Сырцов оставил в память потомкам историю вверенного ему учебного заведения... Благочинные и приходские священники, ежегодно представлявшие в консисторию подробные отчеты о быте и нравах своей паствы, естественно, пополнили ряды Губернской учебной архивной комиссии и научного общества по изучению местного края. Собранные ими книги, предметы, документы послужили основой для создания крупнейших областных культурно-исторических центров: государственного архива, научной библиотеки, музея изобразительных искусств, историко-краеведческого музея-заповедника. Доброе семейное наследие Сильвестром (Кулебякой) в 1747 году и терпеливо передаваемое его последователями, стало мощным деревом, питавшим своими плодами не одно поколение костромичей.

В этом году семинария, упраздненная Декретом ВЦИК в июле 1918 года, вновь открыла свои двери. Это, безусловно, знаменательное событие внушает надежду на новое духовное возрождение костромского края. Доброго пути сегодняшним семинаристам, наследникам богатых традиций своих предшественников!

150-ти летие Костромской Духовной семинарии 1897 год

Стопятидесятилетний юбилей семинарии был отмечен празднично и торжественно. Вся губерния чествовала старейшее на костромской земле учебное заведение. Поток поздравительных телеграмм от выпускников, проживавших в разных местах Российской империи. В

“Епархиальных ведомостях” был напечатан исторический очерк, подготовленный ректором семинарии И.Я. Сырцовым к знаменательной дате. Его же инициативой в память 150-ти летия было образовано Общество вспомоществования нуждающимся ученикам семинарии.

*“27 ноября 1897 года
И.Е. Беляеву.*

Получив при письме от 10 сего ноября от бывшего ректора К.д. семинарии ныне епископа Балтского Менаандра пожертвованные Вашим Превосходительством на образование в семинарии в память

150-летия ее существования стипендии 500 рубл., правление Семинарии ... постановило... хранить их... до того времени, когда образуется при Семинарии Попечительство о бедных семинаристах в память 150-летия семинарии или стипендия... Почтительнейше уведомляя об этом Ваше Превосходительство, Правление семинарии... приносит Вам глубокую благодарность за означенную жертву.

Правление семинарии”.

Иларию Ефимовичу Беляев — тайный советник Собственной Его Императорского Величества канцелярии, выпускник семинарии 1852 года.

* * *

И.Е. Беляев — ректору семинарии И.Я. Сырцову.

Досточуважаемый
Отец Протоиерей
Иоанн Яковлевич!

Приношу Вам усерднейшую благодарность за присланные книги. Сочинения Ваши читаю с большим интересом. Ознакомился также с сборником материалов по истории рода Романовых. Что касается мысли Вашей о вступлении в число членов Костромской архивной ученой комиссии, то, не принадлежа к сонму лиц, получивших высшее образование, я не считаю себя в праве принять на себя звание члена ученой комиссии.

В поднесении о. Иоанну Кронштадтскому звания Почетного члена попечительства, с просьбою благословить начинаемое дело, я не вижу никакой назойливости. Смее думать, что он сочувственно отнесется к Попечительству и примет поднесенное ему звание...

...В заключение желаю полнейшего успеха в осуществлении Вашей инициативы об учреждении Попечительства, имею честь быть с истинным уважением и искренней преданностью

Вашего Благословения
покорнейший слуга
Иларию Беляев”.
5 июля 1898 года.
Старая Русса.”

* * *

Его Высокоблагословению
о. Ректору
Костромской Семинарии
Получивши сегодня известие от Тайного Советника Илария Беляева об учреждении Попечительства (о бедных) воспитанниках Костромской семинарии, спешу как воспитанник оной (приветствовать это), при сем на столь благое дело... не отказываюсь на будущее (вносить) и членский взнос.

Вашего Преподобия
покорнейший слуга
Протоиерей Иоанн Соболев
Сентябрь. 18. 1898.”

Иоанн Соболев — протоиерей, настоятель Исаакиевского Кафедрального Собора в г. Санкт-Петербурге.

* * *

“Ректору Костромской
Духовной семинарии
Протоиерею И.Я. Сырцову.

Ваше Преосвященство оосточимый отец Иоанн Яковлевич! Препровождаю через Астраханское отделение Государственного Банка сто рублей... и прошу принять сии деньги для образования попечительства в Костромской семинарии по случаю 150-летия, (...которому положил начало Иларию Ефимович Беляев), в пользу бедных воспитанников семинарии. Аще живу — не отказываюсь жертвовать по мере сил...

Желаю Вам и сослуживцам Вашим здоровья, мира и благоденствия, имею честь быть Вашего Высокоблагословения покорнейшим слугою

бывший воспитанник
и учитель Костромской
Д. Семинарии
Сергий, Епископ Астраханский”.

15 января 1899 года Костромским губернатором был утвержден “Устав общества вспомоществования нуждающимся студентам в Костромской Духовной семинарии”.

Ф. 432. Оп. 1. Д. 3902.

100-летие Костромской Духовной семинарии 1847 год

“...После пожара, истребившего 6 сентября Семинарские здания, книги, принадлежащие фундаментальной Семинарской Библиотеке, были вывезены по приказанию Его Преосвященства в Ипатьевский Монастырь и складены в зале старого Архиерейского дома, а архив Семинарского правления вывезен и складен в зале Архиерейского дома, что при Кафедральном Успенском Соборе. Так как по настоящее время волнения и страхи, произведенные в

Костроме злонамеренными людьми и препятствовавшие приводить в порядок спасенное от пожара имущество, несколько утихли, то благоволил Семинарское правление учинить распоряжение касательно разбора книг фундаментальной Библиотеки и Архива Семинарского правления, а равно и озаботиться составить описи Семинарского имущества, сохранившегося от пожара”...

26 сентября 1847 г.

Ректор Арх. Агафангел”.

* * *

Донесение

Учителей семинарии Павла Розова, Николая Андронникова, Библиотекаря Ксенофонта Бронзова.

Определением Семинарского правления... поручено было нам с возможною поспешностью заняться разбором с проверкою книг фундаментальной Семинарской библиотеки, хранящейся ныне в Ипатьевском монастыре, с тем, чтобы по окончании сего поручения,

мы донесли Семинарскому правлению, все ли книги сохранились во время пожара и если не все, то какие именно утратились. Во исполнении сего, честь имеем донести, что мы разобрали, поверили и привели в порядок все книги фундаментальной Семинарской биб-

лиотеки. При чем — , некоторых книг, принадлежащих Библиотеке и значущихся в двух библиотечных каталогах, не оказалось... Предполагать должно, в торопливое время пожара и перевозки книг в Ипатьевский монастырь в ночное время (книги перевозимы были от 6-

ти часов вечера до 2-х часов по полуночи), они могли и утратиться и особенно утратить свой переплет, оставшись в разрозненных листах, которых оказалось довольно много при разборке книг...

...1847 год"

Ф. 432. Оп. 1. ЛД. 1245.

50-летие Костромской Духовной Семинарии 1797 год

Указ нового императора Павла I о благоустройстве церквей, монастырей и духовных учебных заведений совпал с первым юбилеем Костромской семинарии, сообщив ему особую праздничность.

“УКАЗ НАШЕМУ СИНОДУ

Копия

Попечение о благоустройстве церкви и призрение к служащим ей почитая одною из главнейших обязанностей царствования, признали МЫ за благо сделать на пользу оной следующие распоряжения.

Первое. Как просвещение и благонравие духовного чина способствуют просвещению и утверждению добрых нравов и в мирских, то и полагаем начальнейшею надобностью устройство в лучшем по возможности виде духовных училищ, и для сего повелеваем сверх бывших до ныне двух Духовных Академий в

Москве и Киеве, учредить таковые же Академии в Санкт-Петербурге при Александровском монастыре и в Казане вместо находящихся там семинарий, снабдя их всем званию сему соответствующим и для преподавания наук потребным; а дабы и все духовные училища не скудное имели содержание, определили МЫ помянутым Академиям и при разных епархиях семинариям достаточные суммы, как то в приложенной при сем росписе изъяснено... Исполнив таким образом зависевшее от НАС, просим Бога Всемогущего, да благословит все сии распоряжения для пользы церкви и для блага верных НАШИХ подданных: от усердия же Синода НАШЕГО и прочих духовных ожидаем, что радением и трудами своими не пристанут они способствовать, дабы таковые намерения НАШИ достигли доброго успеха.

Декабря 18. 1797 года

Кострома.—Kostroma. № 18.
Духовная Семинария.

Костромская Духовная семинария. Фото начала века.
(Сейчас корпус педуниверситета).

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества Рукою тако: Павел”.

Ф. 432. Оп. 1. Д. 5.

“...Государю Императору Павлу Петровичу... преданнейшая жертва во время прибытия Его Императорского Величества в губернский город Кострому от Костромской семинарии всеподданнейше приносимая...

ОДА

Какой от славных вод балтийских
Величественный ФЕБ встает
И в северных струях Российских...
...Природу мертвую живит,
Из уст зефиры испуцает,
Все в юну нежность облекает,
В рубинах, яхонтах горит.

* * *

Откуда весел шум несется,
Народов тьма во град спешит;
В дубравах эхо раздается,
Орадай, плуг забыв, бежит.
От стогов пыль столбом крутится
И клубам свившись вверх стремится.
Почто народ в движеньи весь,
И как бы чудом пораженный,
И вид имея изумленный,
Желает видеть — что-то-днесь?

* * *

Осенни бури не шумите,
Пушистый иней в дождь излейсь;
Немейте травы, вихри спите,
Росою молния упейсь;
Целуйтесь шумы с тишиною,
Нептун с седою бородою
Престань стихии колебать —
Се ПАВЕЛ Богом предызбранный,
Златой короной увенчанный,
Грядет блаженства рай создать.*
1 июня, 1798 г.

Ф. 432. Оп. 1. Д. 7.

* Ода безымянного семинарского автора (или авторов) дается в сокращении.

ВОСКРЕСИТЕЛЬ ВЕРЫ

“Как с солнцем неразлучны свет и теплота, так с лицом иерея должны быть неразлучны святость, учительность, любовь, милосердие ко всем; ибо чей сан носит он? — Христов. Кого он столь часто приобщается? Самого Христа Бога, Его тела и крови. Потому священник должен быть тоже в мире духовном, в кругу своей паствы, что солнце в природе: он должен быть светом для всех, живительною теплотою, душою всех...”

*о. Иоанн Кронштадтский (Сергиев)
“Моя жизнь во Христе”.*

Великим праведником и молитвенником, нравственным авторитетом, всероссийским пастырем, хранителем веры Христовой называли почитатели протоиерея Андреевского собора г. Кронштадта о. Иоанна Ильича Сергиева (19.10.1829 — 20.12.1908).

Его самое известное сочинение “Моя жизнь во Христе” неоднократно публиковалось и переводилось на разные языки мира. Его мысли и поучения и ныне соседствуют в церковных сборниках с высказываниями отцов церкви: Иоанна Богослова, Феофана Затворника, Иоанна Лествичника, Нила Сорского, Серафима Саровского.

Он прославился необычными богослужениями, самозабвенными молитвами, приковывавшими к нему внимание тысячной толпы.

Обладая чудодейственным даром целительства, с помощью молитвы, исповеди и причастия врачевал он тела и души.

Его знали как благотворителя и попечителя десятков приютов, богаделен, церковных братств, странноприимных домов.

Нравственное и физическое здоровье его называли сверхъестественным: его рабочий день продолжался иногда до 20 часов и почти всегда на глазах многих людей, всегда с людьми.

По словам В.В. Розанова, о. Иоанн был явлением поразитель-

Заместитель директора Костромского государственного архива Ольга Юрьевна Кивокурцева — автор материалов серии “Имя в истории края”, где поиск интересного источника и архивного документа обычно открывает что-то новое.

ным и величественным, “воскресителем православной веры”, невероятно поднимавшем “волну религиозности в народе”.

В то же время кронштадтский пастырь не отгораживался от окружающей его жизни монастырскими или келейными стенами. И его захлестывали политические страсти, и он метался, мучился и страшился меняющейся жизни, по-своему закрывался от правды.

Его политические опыты, обвинения “яснополянского безумца” были лишь бледным отголоском собственных же глубоких, стройных и цельных высказываний о боге, молитве, человеке и его душе.

Он призывал народ к смирению и покаянию, ратовал за порядок и стабильность, не представлял Россию без православия.

Но порядка и стабильности не было подчас и среди его почитате-

лей, а слепое обожание толпы становилось нередко для пастыря настоящим голгофским крестом...

* * *

О чем думал о. Иоанн, покидая темным осенним вечером 5 октября 1902 года Кострому? О ком молился?

Может, вспоминал свой первый приезд 5 лет назад, в 1897 году?

То посещение было кратким, однодневным. О. Иоанн приехал в Кострому 19 июля на пароходе. (1)

Именно тогда состоялась его встреча с преосвященным Виссарионом епископом Костромским и Галицким, который подарил о. Иоанну 2 своих сочинения и предложил отслужить литургию в кафедральном Успенском соборе. Что и было сделано.

Богослужения, особенно литургии, в разных храмах во время путешествий о. Иоанна Кронштадтского по России были его настоятельной духовной потребностью.

“Я угаसाю, умираю духовно, — писал он, — когда не служу в храме... и возгораюсь, оживаю духом и сердцем, когда служу, понуждая себя к молитве не формальной, а действенной, духовной, искренней, пламенной...” (2)

После литургии о. Иоанн был приглашен на братскую трапезу, где предложил всем присутствующим помолиться и совершил водосвятный молебен.

Несколько раз о. Иоанн подходил к окну и благословлял народ, который его везде сопровождал.

О. Иоанн посетил Ипатьевский и Богоявленский монастыри и даже дома некоторых костромичей.

Затем отправился на пристань и продолжил путешествие свое в Рыбинск...

* * *

Не мог не вспомнить о. Иоанн и дорогое для него имя костромички Параскевы Ивановны Ковригиной, которая сыграла особую роль в его жизни. “Благочестивая”. “прекрас-

ной души женщина”, “отдавшая себя на служение ближним”, — говорил о ней о. Иоанн.

Именно она впервые попросила о. Иоанна помолиться о выздоровлении заболевшего прихожанина.

Проникнутая горячим состраданием к ближнему, молитва принесла больному исцеление. О. Иоанн поверил в свои силы.

С тех пор молитва стала не только лекарством для больных и

страждущих, но и воспитателем души самого пастыря: “Ощущал я тысячекратно в сердце моем, что после причастия святых Тайн или после усердной молитвы... Господь... или сама Владычица... давали мне как бы новую природу духа, чистую, добрую, величественную, светлую, мудрую, благодатную... Я много раз изменялся чудным великим изменением на удивление самому себе...” (3)

* * *

Может быть, вспоминал о. Иоанн все события дня 5 октября? Как служил утреню в Ипатьевском монастыре, а затем позднюю литургию в Богоявленском женском.

Как, еще раз подивившись красоте внутреннего убранства храма церковного, обратился к затанувшим дыханием слушателям со следующими словами: “Благословие этого храма... дает мне повод поговорить с вами о необходимой красоте храма духовного, как сквернится этот храм живущим в нас грехом!...” (4)

После литургии побеседовал о. Иоанн с игуменьей Анной, затем отправился к костремскому губернатору, где служил молебен.

Побывал в спархияльном женском училище и пансионе при нем.

“Благословил пчеловодческие труды” и дом губернского пчеловода П. А. Кузьмина.

Особую радость принесло посещение Костромской духовной семинарии. Ученики и преподаватели встретили о. Иоанна в храме

После совместной молитвы кронштадтский пастырь обратился к присутствующим с наставлением: “Вера в Бога вложена в самую природу человека, она — одно из проявлений образа Божия в человеке. Она только часто заглушается нашими страстями и похотями и исчезает под их давлением. Ее трудно приобрести чрез одно изучение духовных наук, но она есть дар Божий, который возгревается нашей молитвой и стремлением к благочестивой жизни, возрастает, когда мы сами открываем свои сердца для воздействия благодати Божией. “Просите и дастся вам, ищите и обрящете”. Храните, друзья, свою веру, берегите это сокровище. В нем наша сила, наш покой, наша радость...” (5)

После семинарии о. Иоанн направился к соборному старосте А. Ф. Днепрову, затем побывал в приюте слепых детей.

Вместе с губернатором посетил воспитательный приют Н. П. Клирикова, оставив там пожертвование в 100 рублей.

Св. Иоанн Кронштадтский.

О. Иоанн закончил день обходом домов больных костромичей.

* * *

Скорее всего, мысли о. Иоанна, отягощенные тяжелыми раздумьями, витали вокруг главной цели его нынешней поездки в Кострому.

Святейший Синод предписал все-российскому пастырю посетить Солигаличский уезд Костромской губернии для обличения лжеучения крестьянина д. Хорошево Ивана Артамонова Пономарева.

Сей крестьянин, будучи отходником-маляром и иконописцем, неоднократно посещал Андреевский кронштадтский собор, слушал проповеди о. Иоанна, был на проводимых им общих исповедях, слышал о многочисленных исцелениях по молитвам кронштадтского священника.

Все это произвело столь сильное впечатление на набожного Пономарева, что он стал почитать о. Иоанна как новое воплощение Иисуса Христа.

Сюжеты Ветхого и Нового Завета, продолженные и видоизмененные, были представлены в его сочинениях.

В его доме собирались односельчане, которым он читал Евангелие, жития святых, обучал молитвам. Крышу избы Пономарева венчал крест, в одной из комнат он устроил часовню.

Приходской храм Пономарев посещал, но от духовного наставничества местного священства отказывался категорически.

Все эти поступки были расценены как ересь. Обличения епископа, местного епархиального миссионера, влияния на упряма не оказали. (6)

После сочинения им акафиста в честь о. Иоанна Кронштадтского дело костромского крестьянина рассмотрел синод.

Все это и привело 73-летнего старца в костромские пределы.

Весть о приезде высокого гостя разлетелась мгновенно, и, кроме д. Хорошево, его ждали в каждой деревне по пути следования.

О. Иоанн прибыл в Кострому вечерним петербургским поездом 30 сентября. 1 октября отправился в путь через Буй и в 6 часов вечера 2 октября остановился в волостном центре — селе Плещееве, в доме местного священника Николая Махровского.

Здесь его ждал епархиальный миссионер И. Иванов, которого о. Иоанн стал тут же расспрашивать о Пономареве. Во время рассказа “пришел в сильное нервное волнение: то глубоко вздыхал, то крестился, даже слезы были заметны в его глазах...” (7)

Затем послали за Пономаревым. В ожидании о. Иоанн подробно расспрашивал о службе миссионера, о том, какие секты есть в Костромской епархии, давно ли он состоит священником, велико ли его семейство.

Все это время дом был наполнен народом. Люди обращались к о. Иоанну за советом, благословением, освобождением от недугов. И о. Иоанн расспрашивал, врачевал, благословлял.

Специально приехавшим депутатам г. Солигалича отказал в посещении, но передал жителям заочное благословение и благопожелание.

С появлением главного виновника все отправились в местный храм, чтобы встреча состоялась в присутствии большого количества слушателей.

В храме зажгли все местные свечи, певчие встретили о. Иоанна тропарем в честь храмового праздника Казанской Божьей Матери.

Затем о. Н. Махровский обратился к уважаемому гостю с речью: “Ваше высокопреподобие, досточтимый о. Иоанн. Строем Божим и велением Святейшего Православного Синода вы призваны в наш край, отдаленный и темный, для прекращения возникшего в нашей приходской жизни нестроения... Велико ваше значение в глазах народа, властно ваше слово и действительна молитва ваша перед Богом.

Призри же милостливо на предстоящий народ, чающий от тебя благодатного утешения, обличи

вкрадшуюся в среду его кознию врага нашего спасения неправду, утверди в православии, помолись за нас и благослови!” (8)

“Братие и сестры! — обратился о. Иоанн к прихожанам. — Святейший Синод послал меня к вам. У вас появился новый лжеучитель... Его учение — ужаснейшая, богохульнейшая ересь. Меня, обыкновенного грешного человека, хоть и священника, он называет троией. Объявляю всем вам, что по такому учению Иван Артамонов — злейший еретик. Не слушайте его!.. Не имейте никакого общения с ним по вере!.. Оставьте его!.. Удаляйтесь от него!..” (9)

Закончив речь, о. Иоанн направился в алтарь, но снова возвратился к амвону и снова повторил последние слова своего выступления. Затем вновь направился к алтарю, но возвратился и спросил, здесь ли Иван Артамонов? Заметно было его “сильное нервное возбуждение”.

Вышел И.А. Пономарев и стал говорить, видимо, заранее приготовленную приветственную речь.

Но отец Иоанн перебил его и стал обвинять в самозванном присвоении права учительства, которое дано только служителям церкви.

Сколько ни оправдывался Пономарев, говоря, что посещает церковь, исповедуется и причащается, но о. Иоанн его уже не слушал.

А на просьбу Пономарева причастить его на завтрашней литургии ответил: “Нет, не причащу. Сломай крест на своем доме”.

После этого о. Иоанн вышел из храма и в сопровождении народа прошел к дому о. Н. Махровского. В толпе Пономарев все время пытался быть рядом и что-то объяснял.

В доме священника уже ждали просители. О. Иоанн “со всеми говорил ласково, всех расспрашивал о их семейном положении..., тут же совершал импровизированную молитву...”

3 октября в 6 часов утра началось всенощное бдение. По желанию о. Иоанна, оно было посвящено храмовому празднику в честь Казанской иконы Божьей Матери.

О. Иоанн назвал литургию “приирительной” и совершал ее сам. Ему помогали буйский протоиерей Н.И. Гусев, благочинный священник с. Понизья о. Н. Ювенский, епархиальный миссионер И. Иванов, о. Н. Махровский, священники с. Пилытина Н. Изюмов, с. Залесья В. Соколов, с. Раменн Н. Соколов, г. Солигалича И. Семеновский, дьяконы И. Касторский и М. Красовский.

По словам очевидца, читал о. Иоанн громко, нервно, как будто отрывал “от сердца каждое слово отдельно”.

Вдруг Пономарев, поддержанный матерью и другими женщинами, вскричал: “Причасти нас, дорогой батюшка!”

Но о. Иоанн отказал ему в причастии, пока тот не принесет покаяния.

А к народу обратился с поучением о целостности и единстве православия, о том, что любое новоизмышленное учение должно быть предано анафеме, отлучено от церкви, от Христа, от кого бы оно ни исходило. Здесь о. Иоанн упомянул и графа Л.Н. Толстого.

“Вот и среди вас появился подобный же еретик, — продолжал пастырь, — о Господи! до чего я дожил! — который меня... грешного человека, хотя и священника, назы-

вает тронцей и судьей вся Вселенная... Его обманула слава моя. Да, меня прославляют, но эта слава моя — слава человеческая... Благодать Божия действует чрез меня, недостойного. И не мне принадлежит слава моя, а Богу...”

Разве не довольно всем вам для спасения своей святой веры, в которой мы отродились и которой сколько-нибудь научились? Разве не довольно нашей единой веры и святой соборной и апостольской церкви, в которой проповедуется истинное слово Божие...

И Пономарев, если не бросит своего богохульного учения, если не перестанет противиться церкви и пастырям ея..., будет проклят, отлучен..., предан анафеме”. (10)

После этих слов Пономарев со слезами на глазах закричал: “Все брошу, дорогой батюшка! Все оставлю! Все уничтожу!”

Услышав отречение Пономарева, о. Иоанн воскликнул: “Благодарю! Благодарю! Твое раскаяние — моя радость, венец трудов моих. Благодарю, благодарю”.

“После литургии о. Иоанн долго молился на коленях перед престолом Божиим, преклонив к престолу главу свою. Когда он встал от молитвы, то лицо его было мокрое от слез или от пота..., несмотря на то

что богослужение совершалось в храме холодном и на улице был мороз...” (11)

Затем о. Иоанн снова принимал и причащал больных и страждущих.

В полдень пастырь выехал в Кострому. По дороге заехал в д. Хорошево, посетил дом Пономарева, хотя тот не успел выполнить свои обещания.

О. Иоанн произнес краткую молитву о прощении заблудшего, “но ныне кающегося раба”, благословил и поцеловал хозяина дома в голову.

Еще раз всех благословил, сел в экипаж и отправился в Кострому. Повернув голову, он вдруг увидел бежавшего за экипажем Пономарева...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. “Костромские епархиальные ведомости” (КЕВ). 1897. 1 августа, неофициальная часть. С. 403-404.
2. О. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. // Иоанн Кронштадтский. Сборник. Москва. “Патриот”. 1992. С. 53.
3. Там же. С. 47.
4. КЕВ. 1902. 15 октября. Неофициальная часть. С. 560.
5. Там же. С. 562.
6. КЕВ. 1902. 15 сентября, 1 октября. 15 октября. Неофициальная часть. С. 491-495. С. 519-525, 542-545.
7. КЕВ. 1902. 15 октября. С. 547.
8. Там же. С. 548-549.
9. Там же. С. 549.
10. Там же. С. 552-553.
11. Там же. С. 555.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО (СЕРГИЕВА) НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ СТАТЬ ПОЧЕТНЫМ ЧЛЕНОМ КОСТРОМСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ [1895-1908 гг.]*

*Благодарю за высокую братскую честь, сделанную мне комиссией в [...]** чрез мое недостойнство [...] благословение и моих смиренных недостойных молитв на [вт]орое десятилетие ея достопочтенных трудов на пользу отече-*

ственной истории: да почивает на всех ближних ея и их трудах Божья всемодействующая благодать.

Смиренный молитвенник, Кроншта[дтский] протоиерей Иоанн Сергиев.

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 179. Оп. 2. Д. 4. Л. 1. Подлинник.

* Датировано по содержанию данного документа и смежных документов.

** Квадратными скобками с отточиями и без отточий отмечены утраты текста.

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ЕПИСКОПА ВИССАРИОНА

“Вся земная жизнь человека есть один непрерывный труд и молитва, и праздности здесь нет места”. — так проповедовал и жил преосвященный Виссарион, епископ Костромской и Галичский. Его земные дела и впрямь имели множественное число. По окончании семинарии в Туле, а потом духовной академии в Москве Василий Петрович Нечасев (в миру) преподавал логику, психологию, патрологию, латинский язык, литургику, церковное законоведение, церковную историю и археологию в Тульской, Вифанской и Московской семинариях, имея степени магистра богословия, профессора и позже доктора богословия. Рукоположенный в священники в 1853 году, служил сначала в семинарской церкви в Москве с сохранением профессорской должности, а потом получил приход в Николаевской церкви в Толмачах. Не прерывая священнической деятельности, Нечасев взялся с благословения митрополита Филарета за создание журнала “Душеполезное чтение” в 1860 году и редактировал его на протяжении 30 лет. Сочинение богословских трудов, проповедей, наставлений и т.д. послужило для избрания его почетным членом трех духовных академий — Московской, С.-Петербургской и Казанской. Кроме этого, он стоял у истоков учреждения противораскольнического братства св. Петра и миссионерского общества в Москве, был председателем Кирилло-Мифодиевского братства, увещателем комиссии военного суда...

После смерти жены в 1889 году принял постриг в монашество с именем Виссарион и получил сначала сан архимандрита Московского Богоявленского монастыря, а полмесяца спустя хиротонисан в епископа Дмитровского.

На семидесятом году жизни Виссарион приехал в Кострому в качестве главы Костромской епархии. Немногие из его предшественников

Старший научный сотрудник Костромского государственного архива Любовь Антоновна Поросятковская не раз публиковала в “Губернском доме” интересные архивные документы и комментарии к ним.

приступали к обязанностям со столь подробного обследования состояния своего духовного ведомства. В 1892-1896 годах владыка посетил практически все церкви и монастыри губернии, о чем “Костромские епархиальные ведомости” печатали обстоятельные отчеты под заголовками “Обозрение церквей и монастырей Макарьевского, Варнавинского, Кологривского, Галичского и Костромского уездов епископом Виссарионом”, “Второе путешествие преосвященного Виссариона для обозрения церквей Костромской епархии”... По пути архипастырь без усталости проводил службы, которые непременно заканчивал проповедями и наставлениями, без числа собиравшими окрестных жителей. Его интересовали церковно-приходские школы, духовные училища, Кост-

ромская семинария, где он присутствовал на занятиях и экзаменовал учеников. Активное участие в жизни приходов и прихожан Виссарион Нечасев принимал до конца своих дней.

Сотрудничество с “Душеполезным чтением”, редактирование которого с отъездом в Кострому он передал своему зятю протоиерею Дмитрию Касичину, сочеталось с постоянной публикаторской деятельностью в “Костромских епархиальных ведомостях”. Начиная с седьмого номера 1897 года и по одиннадцатый 1905 года, неофициальная часть каждого выпуска этой газеты открывалась поучениями архиерея. Темами становились грядущие православные праздники либо евангельские чтения с толкованием священного писания. (Одно из поучений, опубликованное в октябрьском номере Ведомостей 1903 года приводится ниже с сокращениями).

С именем Виссариона связано обустройство в епархии более 50 церквей и открытие нескольких новых приходов в раскольнических селениях, а также разработка проекта об установке часовен в отдаленных от приходов уголках для совершения пастырями служб по-походному. О трудах по созданию епархиального женского училища, главного детища Нечаева на костромской земле, сохранились воспоминания протоиерея Успенского собора Иоанна Поспелова (приводятся ниже). Вольное обращение автора к имени владыки объясняется их товарищескими отношениями со времени совместной учебы в стенах Московской духовной академии. Записи, сделанные по смерти Костромского епископа, представляют его живым, деятельным, не лишенном изъянов человеком и помогают восстановить его биографию к предстоящему 175-летию со дня рождения 15 (27) марта 1998 года.

ПРЕУСПЕЯНИЕ В УСВОЕНИИ УЧЕНИЯ ВЕРЫ

Поучение Преосвященнейшаго Виссариона в нед. 21-ю по Пятидесятнице

*Семя есть слово Божие
(Лук. 8, 11)*

В притче Христовой о сеятеле, предложенной нашему вниманию в нынешнем евангельском чтении, под образом семени или зерна наглядно изображается различное действие на слушателей слова Божия: семя есть слово Божие. Почему слово Божие называется семенем? По

сходству слова Божия с вещественным семенем. В чем состоит это сходство? Вещественное семя, посеянное в земле, дает жизнь растению; от семени рождается росток, стебель, цветет и плод. Подобное значение слово Божие имеет в жизни духовной. Воспринятое душою,

оно полагает в ней начало жизни духовной, возбуждая веру в виновника этой жизни Христа Сына Божия. Как возникает эта вера? Вера от слуха, слух же глаголом Божиим (Рим. 10, 17). Наученный вере во Христа вступает в теснейшее общение с Ним в крещении, которое есть духовное рождение. Рожденный в крещении благодатию Св. Духа для жизни духовной становится членом царствия Божия, т.е. святой Церкви, по слову Христа Спасителя: аще кто не родится водою и Духом, не может внити в царствие Божие (Иоан. 3, 5). Таковым дана власть быть чадами Божиими, ибо они "не от крови, не от хотения плоти, не от хотения мужа, но от Бога родились" (Иоан. 1, 12, 13). Говоря о начале христианской жизни, мы имеем в виду людей, обращающихся к христианству в зрелом возрасте из язычников и иудеев. Дело происходило в первые времена христианства так. Являлся в среде неверующих проповедник Евангелия. К нему собирались слушатели. Он оглашал их словом истины, призывая их к покаянию и к вере во Христа и свидетельствуя, что без этой веры спастись нельзя. В первые дни христианства с этою проповедию соединялись чудеса. Веропрповедники, наделенные чрезвычайными дарами Святаго Духа, подкрепляли чудесами истину своего учения. Вслед за этим оглашением без отлагательства совершалось крещение. С течением времени чрезвычайныя дарования Святаго Духа, облегчавшыя и проповедникам труд приготовления слушателей к крещению, и слушателям труд усвоения евангельскаго учения, становились явлением редким, а между тем случалось, что принимавшие крещение после краткаго приготовления являлись христианами только по имени, нетвердыми в вере. Тогда, именно с начала второго века, принято было за правило не прежде преподавать

Епископ Виссарион. Фото начала века.

крещение желающим принять оно, как по испытании искренности их веры, более или менее продолжительном, в состоянии оглашенных, т.е. приготовляемых к крещению устными наставлениями.

Что же касается до младенцев, то они крещаются по совершении над ними огласительных молитв, но без огласительных наставлений — крещаются по вере родителей и восприемников, с тем, чтобы те и другие, по раскрытии в детях понятливости, позаботились о научении их вере. Заботливые родители и восприемники действительно исполняют эту обязанность: или дома обучают детей вере и благочестию, или отдают их в школы. Но в большинстве случаев это бывает редко: родители и восприемники неграмотные, как сами невежествуют в вере, так и детей оставляют невежественными, если только дети не поступят в школу. К сожалению, и школы, не только низшие, но и высшие, не всегда спасают крещеных людей от религиозного невежества.

До какой степени может доходить невежество в вере даже образованных людей, поразительным доказательством тому служит следующий случай. Два года тому назад (1901 г. — Л.П.) приезжало в Россию Абиссинское посольство. Везде, где ни появлялись абиссинцы, они принимаемы были с великим радушием и почестями. Все газеты, описывая их пребывание в России, относились к ним с великим сочувствием, ссылаясь в объяснении его на "единоверие" их с нами, не отличая их от православных. Какое нелепое и возмутительное объяснение! Абиссинский народ совсем не принадлежит к православной Церкви. Он единоверен не с нами, православными, а разве с монофизитами, или евтихианами, ибо, подобно им, абиссинцы превратно понимают догмат о воплощении Сына Божия. По учению православной Церкви, воплощение Его состояло в том, что в лице Его Божеское естество соединилось с человеческим неслитно, так что оба естества остались самостоятельными, не смешавшись одно с другим. Не таково абиссинское

вероучение. Оно тождественно с ересью евтихианскою или монофизитскою. По учению Евтихия, человеческое естество в лице Иисуса было поглощено Божеским, так что Христос только по внешнему виду был человек, на самом же деле Он был только Бог, имел одно Божеское естество. Таким лжеучением ниспровергался догмат искупления. Христос искупил нас Своими страданиями и крестною смертью, следственно, Он пострадал и умер за нас плотью. Но если бы во Христе плоть слилась с Божеством до утраты своей самостоятельности, как утверждал Евтихий, тогда Его страдания и смерть за нас были бы одним призраком, потому что Божество страдать и умереть не может, следственно, страдания и смерть Христовы, как призрачные, лишены были бы значения искупительной жертвы. Вот почему учение Евтихия осуждено на пятом вселенском соборе, как еретическое, и это осуждение до сих пор лежит на последователях Евтихия, к числу которых принадлежат и абиссинцы. Одно только Российское священноначалие знало неправоту их веры и потому не допускало к священнослужению в православных храмах духовенства, бывшего в составе Абиссинского посольства. Как же объяснить то, что просвещенные миряне принимали абиссинцев за единоверцев с нами? Что это значит, как не то, что эти просвещенные люди знакомы только с мирской мудростью, а в деле веры круглые невежды. Причин этого невежества может быть не одна, а несколько: мы укажем только на одну — на пренебрежение катехизического учения. Оно по выходе из школы не только не должно быть забываемо, но паче и паче должно быть укореняемо в нашем сознании. Только под этим условием вера наша может быть твердою и непоколебимою. В противном случае она может поколебаться от всякого ветра лжеучений. Невежеством в отношении к вере пользуются враги православной веры и легко уловляют в свои сети невежествующих, не могущих дать им отпор по недостаточному знакомству с учением своей веры. Посему если мы дорожим истиною, то дол-

жны не только помнить учение истины, содержащееся в православном катехизисе, но более и более преуспевать в усвоении этого учения. "Не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте" (1 Кор. 14, 20), то есть в нравственном отношении будьте незлобивы, как младенцы, но бойтесь остаться в младенческом невежестве относительно познаний Христовой истины, старайтесь достигать большего и большего совершенства в усвоении ее умом. А для достижения сего совершенства каждый должен непрестанно руководствоваться учением Церкви, которая есть столп и утверждение истины. Совершенство в познании истины состоит не в том, чтобы прибавлять к ней что-нибудь или видоизменять ее, а в том, чтобы яснее и отчетливее усвоить ее и чрез то избежать опасности уклонения от православной веры. Для сохранения ее в целостности и в чистоте мы должны проверять свою веру как можно чаще с катехизисом. "Себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте" (2 Кор. 13, 5). С сим увещанием апостол обращается к Коринфским христианам. В недостатке веры, казалось бы, нельзя было заподозрить их, о ней свидетельствовали проявлявшиеся среди коринфян обильные чрезвычайные дары Святаго Духа: дар языков, дары исцелений, пророчеств. В их обществе процветала не простая, обыкновенная вера, а чудодействующая. Несмотря, однако, на это, апостол заповедует им испытывать себя, пребывают ли они в вере, тверды ли в ней, не грозит ли им опасность поколебаться в вере при встрече с искушениями и соблазнами. Что же теперь сказать о нашей вере? Не гораздо ли ближе эта заповедь апостола относится к нам? Нет ли причин гораздо больше опасаться за нашу веру? — Будем, братья, всегда следовать руководству катехизиса, если дорожим верою, устроая в то же время жизнь по вере для спасения души.

Костромские епархиальные ведомости. 1903. 15 октября. № 20. С. 585-590.

КОСТРОМСКОЙ УЕЗДА В ЖИЗНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

Имя гениального русского художника Андрея Рублева известно во всем мире. Он родился около 1360 года. Примерно 40 лет своей жизни прожил в миру. Уже в это время его искусство получило признание, а имя — известность. Рублев стал мастером московского княжеского дома. Связей с великокняжеским домом Рублев не порывал и позднее, после принятия монашеского сана.

Андрей Рублев был тесно связан с другими придворными мастерами. Большинство из них, как считают ученые, имели земельные пожалования от князя в Костромском уезде, в ту пору только что присоединенном к Москве. Известна надпись на древнем распятии графа Мусина-Пушкина: “Ц.Е.И.А. Рублева, делал Афанасий Парамшин, коего золотой оклад весит 224 золотника”. (1) Парамшин являлся создателем “Иконы золотом ювана Парамшина дела” (2) и “креста золот Парамшеньской” (3), в числе самых дорогих реликвий наследованных старшим сыном московского князя.

Академик М.Н. Тихомиров доказал, что Парамша получил за свою службу землю в Костромском уезде. Это зафиксировано в судебной грамоте 1498 г. “у Парашинские перегороды Иконничкой земли” (4). Необычное соединение “Иконничье” вместе с “Парашинным” напоминает о Парамше в завещаниях великих князей XIV века, резюмирует М.Н. Тихомиров.

Профессор МГУ В.А. Плугин предполагает, что владения великокняжеского ювелира и иконника Парамши соседствовали с землями других великокняжеских или боярских иконописцев. Среди княжеских слуг, входивших в окружение А. Рублева, называется ювелир Шишка. Невольно вспоминается село Шишкино и деревня Б. Андрейково, расположенные, как и Иконниково, на реке Покше. По старой традиции за землей сохранялось название ее владельца (Парамшинские перегороды, Короваво, Горбовщина и т.д.)

Вернемся к надписи на распятии графа. В.А. Плугин расшифровывает ее так: “Ц(еркви) Е(?) И(нока) А(ндрея)”. И найдя эту неизвестную цер-

Краевед Юрий Васильевич Смирнов, как знаток и любитель древности, многие годы занимается собирательством интересных родовых архивов, документов по истории Судиславского района. Автор небесспорных, но любопытных версий в области детективных страниц костромского краеведения.

ковь, мы, может быть, нашли бы места, очень дорогие для памяти художника Рублева, скорее всего, его родину. Слишком большую ценность представляет вклад. Естественно думать, что он был сделан человеком на закате жизни. Как не вспомнить, что, по данным жития Сергия, в эти последние годы Андрей Рублев был не только славен, но и, по-видимому, богат. Вместе с игуменом Александром на личные средства Рублев построил Андрониковский монастырь. Распятие А. Рублева только по весу заключало в себе килограмм золота. Такие кресты являлись, по обычаю того времени, вкладами знатных людей в церковь.

Итак, где взял граф Мусин-Пушкин распятие Андрея Рублева? Ответ мы можем предполагать несколько неожиданный: в окрестностях Судиславля, в селе Баране, где ныне находится известный зверосовхоз. В XVIII веке Мусины-Пушкины, как сообщают документы Генерального межевания и ревизских сказок, имели под Судиславлем обширные поместья. Сиятельный коллекционер, по должности имевший власть над церковны-

ми ценностями, не мог не заинтересоваться древней церковью во имя Евангелиста И. Богослова в с. Баране. Ведь, как свидетельствуют документы, это была усадьба знаменитого военного строителя Ивана Выротова, прославившегося возведением Свияжска, сыгравшего главную роль во взятии Казани, а также многих других крепостей. Из грамоты царицы Ирины Годуновой видно, что в богатом селе был иконный двор. Часть редких вещей, собранных по русской провинции, граф преподнес императору, а часть оставил своим наследникам.

Известно, что глава всероссийского центра раскола в Судиславле, богачейший купец Н.А. Папулин, еще в первой половине XIX в. имел сотни древних драгоценных икон, и среди них многие принадлежали кисти Андрея Рублева.

Искусствоведы отмечают, что костромской уезд в XVI-XVII веках являлся законодателем художественного вкуса для таких центров, как: Москва, Ростов, Суздаль, Ярославль. Мы хорошо знаем имена Г. Никитина, С. Савина, Л. Агеева и других костромских мастеров, годовиковских мастеров XVI века, работавших в Ипатьевском монастыре. Это великое искусство могло возникнуть только на высоко развитом местном направлении, которое зародилось в XIII-XIV веках. Лучшими и древнейшими иконами в коллекциях костромских музеев являются иконы из судиславских церквей “Архангел Михаил в одеждах русского воина XVI в.”, “Богоматерь Тихвинская” XVI в., “Успение Богоматери” XVII в. Иконы из бывшего папулинского собрания частью погибли, а частью украшают лучшие русские музеи.

Вслед за авторитетными московскими учеными мы с достаточным основанием можем утверждать, что Андрей Рублев родился на территории Костромского уезда и дал свое имя известной деревне на реке Покше — Андрейково. Приставку “Большое” деревня получила позднее, для отличия от основанной Андреем Бурко между 1494 и 1501 г. деревни Ондревское на реке Сендеге.

«ЗЕМЛЯ В МЛАДЕНЧЕСТВЕ»

Из американских дневников Павла Петровича Свинына (1811-1813 гг.)

8 июня 1787 г. в сельце Ефремове Галичского уезда Костромской губернии жена Петра Никитича Свинына Екатерина Юрьевна родила сына, окрещенного Павлом.

Свиныны были небогатыми дворянами, отчасти поэтому Петр Никитич после смерти жены выбрал для своих старших сыновей Петра и Павла благородный пансион при Московском Университете.

После завершения учебы Павел Свинын направился в Петербург, где в 1806 г. был назначен переводчиком для политической переписки при начальствующем дивизию флота, отправляющегося в Адриатическое море. Копию с назначения, где также указана и сумма его содержания — 30 руб. в месяц, Павел Петрович сохранил. Этот документ положил начало тому, состоящему из различных документов, хранящемуся в Государственном архиве Костромской области.(1)

Эскадра адмирала Д.Н. Сенявина, при котором состоял Свинын, участвовала в сражениях с турецким флотом.

После возвращения эскадры на Родину Павел Петрович остается при русской миссии в Лиссабоне. Путешествуя по Испании, молодой человек пишет заметки и делает акварельные и карандашные зарисовки.

Лишь в 1809 г. возвращается он в Петербург, но недолго остается здесь. Вновь поманили его голубые дали.

В конце XVIII — начале XIX века между Россией и США складываются дипломатические отношения. Создается Российское генеральное консульство. Павел Петрович Свинын был назначен на должность секретаря консульства и в начале сентября 1811 г. вместе с тремя новыми дипломатическими сотрудниками отплыл из Кронштадта на новое место службы.

Заведующая отделом Костромского государственного архива Лариса Александровна Ковалева — постоянный автор раздела "Свидетельства. Архивы. Документы". В "Губернском доме" публиковались подготовленные ею, ранее не печатавшиеся письма, дневники, мемуары.

Дневник, начатый в сентябре 1811 г. и заверченный в 1813 г., занял свое место в описываемом томе.

Павел Петрович изучает страну с самых разных сторон: устройство городов, домов, гостиниц, трактиров, партийную систему, религиозные верования, благотворительные заведения, тюрьмы, балы, музеи, театры.

Впоследствии эти записи, конечно, помогли Свиныну, служили основой для его статей. В 1815 году вышла его книга "Опыт живописного путешествия по Северной Америке", иллюстрированная 6 гравюрами по рисункам автора.(2) Несколько акварельных и карандашных его работ, сделанных в Америке, подшиты среди дневниковых записей. Они дополняют и оживляют эти записи, свидетель-

ствуют о таланте и наблюдательности их автора.

В предисловии книги, вышедшей в 1930 г. в Нью-Йорке ("Живописная Америка 1811, 1812, 1813 годов в воспоминаниях Павла Свинына...") отмечается, что в Америке нет "других столь содержательных иллюстраций жизни и быта наших предков в столь ранний период."(3) Многие современники и позднейшие критики признавали, что рисование давалось Павлу Петровичу гораздо лучше, чем его литературные занятия, которые он предпочел, испытав успех первых публикаций.

Через несколько лет после возвращения в Россию П.П. Свинын стал издателем журнала "Отечественные записки". В 1818 и 1819 гг. вышли два сборника, с мая 1820 журнал начал выходить ежемесячно. В основном в нем печатались материалы по отечественной истории, этнографии, географии и т.п. Но в 1829 г. здесь увидели свет "Наблюдения русского в Америке (Взгляд на свободные художества...)"(4) В эту работу Свинын включает отрывки из своего дневника и американских писем.

В 1830 г. Павел Петрович приостановил издание журнала и затем вместе с семейством перебрался в Костромскую губернию, купив в Галичском уезде усадьбу Богородское с двухэтажным деревянным домом и каменный двухэтажный дом в Галиче.

Умер П.П. Свинын в Петербурге 9 апреля 1839 г.

Публикация дневников Павла Петровича Свинына начинается со времени его прибытия в США. Дневниковые записи незначительно сокращены.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАКО. Ф-558. Оп.2. Д.185
2. Бочков В.Н. "Скажи: которая Татьяна?!" М. Современник. 1990. С. 48-106. С.60
3. Там же.
4. Отечественные записки. 1829 г. Май-июль.

Из дневника Павла Петровича Свиньина

1811 год. 17 (29) октября. С Нью-Кастелем мы поравнялись уже вечером и, поэтому, я никак не мог его заметить. Мы остановились недалеко от него на якоре, чтобы с первым ночным течением доехать до Филадельфии. До нее отсюда 35 миль земли и около 40 водою.

18 (30) октября. Я проснулся в 7 часов поутру. Было еще темно. Мы стояли против самого города и страдали от нетерпения. Только прояснилось, мы съехали с бота. Не могу описать того удовольствия, которое ощутил, ступая на землю. Конечно, надо побыть сорок дней в море, переплыть в другой свет, чтобы почувствовать его. Филадельфия, с первого взгляда, ничего не обещает, и я весьма обманулся, воображая найти, по словам американцев, богатейший город, выстроенный в новом европейском стиле. Те же узенькие высокие кирпичные домики, какие вы видите в провинциальных английских городах.

Мы прямо пошли в Manthian hays, один из лучших трактиров и лучших здешних зданий. С какою жадностью я напился кофею со сливками — и каждая женщина казалась мне прекрасною. (...)

Вечеру ездили в баню, чем я весьма был доволен. Ужин в трактире нам дали прекрасный.

19 (31) октября. По совету Дашкова(1) мы переехали из трактира в "Бординг гауз"(2), то есть, как у нас в России говорится, на вольные хлеба. Каждый из нас платил за стол, за комнату, за чай 10 долларов, за людей наших — по пяти.

20 (1 ноября) Пятница. Я успел узнать, что здесь нет никаких приятностей европейской жизни, нет никаких собраний. Всякий занимается одной коммерцией — таланты им чужды. Америка разделена на две партии, на федератов и тех, которые думают и действуют против правительства. Каждая партия ненавидит другую. Газеты одной партии не увидишь в доме другой. Богатство нации состоит в кораблях и долларах, запертых в сундуках. Собственность гражданина священна. На днях был весьма странный случай, из коего могут, кажется, выйти последствия. Одно американское судно было взято французским корсаром и осуждено призовою комиссией. После, правительство вооружило его легким военным судном и прислало снова сюда, в Филадельфию. Прежний хозяин его

нечаянно узнал и подал просьбу в суд, который после многочисленных прений — представлений французского посланника, осудил его возвратить прежнему владельцу. Дороговизна на все чрезвычайная. (...)

21. Суббота. Американцы чрезвычайные спекуляторы, уже в самых мелочах. Деньги есть Бог их. Можно ли поверить, что народ, который слывет народом твердым, справедливым, предпочитает их каждую минуту. Например, в торговых делах, побойться, поклясться над Евангелием во лжи, ему есть вещь ничтожная. И те, кои ложным манером банкротились несколько раз есть самые богатейшие люди и свободно наслаждаются своими сокровищами. Как люди заблуждаются. Американцы называют себя вольными, но нигде степень богатства так не уважается, так не отмечается. (...)

Служители здесь нанимаются по неделе. Этим манером они выигрывают две недели в год. Весьма тонкий расчет. Еще пример бережливости: если придет с визитом в дом, где должно оставить четыре билета, то вместо того, погибает четыре уголка на одном, и так далее.

Кареты почти не в употреблении, все ходят пешком, и для того на всех улицах широкие тротуары. (...)

22 октября (3 ноября). Воскресенье. Здесь этот день в большом уважении, никто не работает и не занимается никаким увеселением — он совершенно посвящен Богу. Все идет в церковь, а потом гулять.

Я много встречал прекрасных женщин. Оне вообще весьма стройны, только в лицах нет никакой приятности, и видевши одну американку можешь сказать, что видел всех.

На улицах постоянно видишь квакер (3), кои здесь составляют большую половину жителей. Их разные секты: так называемые траучки весьма смешны. Квакера можно узнать по широкой шляпе, серому или дикому кафтану однобортному, а иные без пуговиц, конечно — это символ их чистосердечия, или доказательство, что нет у них ничего скрытого на сэр-

Фрагмент рукописи П.П. Свиньина.

дис. Они всякому говорят "ты". Жены их также отличаются одеждою от других.

23 октября (4 ноября). Сегодня мы были в театре. Театр расположен на английский манер — в ложи может всякий войти, несмотря что наймешь ея на вечер. Ничего не видел отвратительнее и мерзее, как балет и пенье, которым нас подчевали после комедии. Совсем тем, многие американцы хлопали тансерам, вот доказательство их вкуса. (...)

По вольности они делают все дурачества, грубости несносные для иностранца. Например, если придет наниматься к вам служанка — она сядет на первый стул и станет с вами разговаривать. Говорят весьма странно и отвратительно, копируя народных депутатов, кои в Присутствии сядят против президента, в шляпе, положа грязные запачканные ноги на стол.

24 октября (5 ноября) (...) Был в здешнем музее. Есть несколько вещей очень любопытных. Например, скелет мамонта, найденный на берегах Миссисипи. Величайшее произведение природы. Я думаю, что это ничто иное, как величайший слон, удивительно только, что природа их совсем уничтожила, ибо нигде, ни в Америке, подобных не находят. (...)

Также выставлены здесь портреты всех людей, отличившихся в революцию(4).

Вообще, музей заслуживает любопытства иностранца по многим вещам. Я намерен идти в другой раз и с большим вниманием рассмотреть все. Тем более он удивителен, что принадлежит частному человеку, который употребил 30 лет своей жизни на собиране его — не выезжая из Америки.

25 октября. Четверг. (...) Улицы очень плохо освещены. В 10 часов вечера почти никого уже не встретишь и ни за какие деньги не найдешь кареты.

Для меня ничего не может быть отвратительнее, как видеть маленьких негров, особливо девочек, кои беспрестанно встречаются, словно чертенята.

Акварели П.П. Свищюна.

(26 октября) Пятница. В Филадельфии много французов, но в лучшем обществе оне не принимаются.

Весьма удивительны и несправедливы законы здешние в разсуждении женщин. Например, на кого девка брюхатая покажет, тот должен или жениться на ней, или обязательно, давать известную сумму на воспитание ребенка. Нельзя никоим образом ни оправдаться, ни избавиться. И от того здешние девки всегда показывают на богатых (...)

(28 октября) Воскресенье. Здесь, в Филадельфии, обыкновение, что к приезжающему всегда здешние жители ходят с первым визитом. Я нахожу, что это весьма хорошо и справедливо. (...)

(30 октября) Вторник. Здесь многие обыкновения покажутся странными для европейца. Например, если

кто-нибудь из знакомых приглашает в свою ложу, несмотря на то, вы должны ему заплатить положенную цену за место. Какая подлость и мелочь.

Женщины здесь ходят в каких-то фиолетовых вязанных епанчах (5), а многие из них в больших нарядах перекидывают через одно плечо, как наши цыганки, какую-то повязку, более — белую.

В первых числах начался в Вашингтоне конгресс, и здесь поминутно ожидают перемен. (...)

12 ноября. Среда. Я весьма хорошо сделал, что взял с собою Федьку. Во-первых, здесь люди дороги, и мерзкие слуги и пользуются большой вольностию. Если он вам не покажется, должно за неделю сказать ему, чтоб он искал себе другого места, он же может оставить вас, когда ему угодно. По большей части, черные

отправляют здесь ремесло слуг. Весьма смешно видеть у араба или арабки всю голову заплетенную в плетешки или колечки. У кого получится больше волн, тот прекраснее. (...)

17 ноября. Пятница. (...) Американцы из всего умеют находить барыш. Например, здесь никто не держит у себя в доме более 50 долларов, и то редко, а все наличные деньги отдают в банк, коих здесь несколько. Банк выдает ваши деньги вам или посланнику от вас по нарочно сделанным для сего запискам. Вы обеспечены со стороны всякой утраты ваших денег, а банк им делает разные обороты. (...)

15 ноября. Суббота. Весьма утвердительно можно сказать, что дети здесь гораздо ранее зреют. Например, ребенок четырех лет ходит по всему городу один одинешенек, понимает все вещи и рассуждает весьма ясно. (...) Вообще, они такие прекрасные, здоровые и бойкие.

С нами, в Бординг Гаузе, живут четверо студентов медицины, кои приехали сюда учиться из разных провинций. Здешняя медицинская академия почитается самую лучшую во всей Америке.

Почти под каждым домом находится устроенная лавочка. Пойдите туда, спросите себе устриц и портеру — и вам подадут, так все чисто и порядочно, что приятно зайти сюда прохладиться.

16 ноября. Воскресенье. Я весьма тихо сидел за своим столиком. Вдруг, в 10 часов вечера, необычайный шум, гром и крик поразил меня (...) Насилу мог расслышать "Fige", то есть пожар. И я пошел посмотреть пожар. Горел один дом, то весьма скоро погасили. Здесь нет зрителей, как у нас в России — всякий работает с усердием, как за свою собственность, хотя никто его не понуждает, хотя совсем почти нет полиции — и, по тому, пожару никогда не дадут усилиться. (...)

18 ноября. Серeda. (...) Иногда холод здесь бывает более 20 градусов и продолжается недели две. (...) Все греются у камельков, которые не оставляют никакого тепла в горницу, а греют только ту сторону, которая перед огнем, оттого все здесь страдают от простуды (...). Они весьма удивле-

ны, как мы в России не замерзаем от 30 градусов морозов. Особенно странно для них кажется, что среди зимы в домах наших мы дышим весенним воздухом, самым чистым. (...) Кроме сего, введение печей в здешней земле было бы сопряжено и с большой экономией. Каминны пожигают множество дров, они здесь весьма дороги.

Иностранцы все ужасаются российским климатом, не зная того, что мы менее страдаем от холода зимою, чем они. (...)

В Бостоне, тому сто лет, никто не знал зонтиков — один жид начал первый носить его во время дождя. Наперед, все над ним смеялись — мальчики бегали и дразнили его. Но один благоразумный и весьма уважаемый человек, увидя пользу его, последовал жиду, и таким образом, теперь зонтики в таком употреблении, что все их имеют. Мальчики, арабы, торговки, все, даже верхом ездят с ними, и от солнечного жару также потребляют зонтики. Иногда встретишь солдат американских с зонтиком. (...)

27 ноября. Я видел сегодня двух человек очень интересных: генерала Моро (6) и князя Галицына. Первый, известно, удалился сюда, ибо военная слава его беспокоила Наполеона. Он живет близ Нью-Йорка в прекрасной деревне, а на зиму приезжает туда. Говорил, что жизнь ведет очень уединенную и покойную, мало говорил о политике. (...)

9 декабря. Многие обычаи здешней земли покажутся весьма странными для европейца, например, замужние женщины не составляют более приятностей общества, и в собрании она оберегается говорить с мужчиною — так что если вы слишком займетесь ею, тотчас вам скажет, что есть и девушки в комнате. Женщина, потчас, выйдет замуж, отказывается от света и занимается единственно хозяйством. Оттого здешние девушки не торопятся выходить замуж и пользуются тою свободою, каковою у нас замужние. Например, часто случается, что дочь имеет свои знакомства. Приходят к ней молодые мужчины, коих отцы не знают, и которых она знакомит, когда ей вздумается. Она выходит, куда захотят и никого не спросит. (...)

На третьей улице, против Банку, стоит карет двадцать, запряженных парой прекрасных лошадей. Это почти одно место, где можно найти наемную карету, за час просится 1 доллар.

25 (декабря). День Рождества. Все лавки заперты, окромя лавок жидов и квакеров, кои не празднуют сего праздника. Особенно первые не веруют ни в каких святых и угодников (...). Ночью методисты (7) ходили по улицам и пели какие-то гимны.

26 (декабря). Сегодня масоны празднуют день святого Ивана. Мне удалось видеть процессию черных масонов во всей ее помпе. Они шли по улице по двос рядом. Наперед шел верховный мастер с богатою перевязью и во всем убранстве — так почетнее, церемонимейстер с длинными алебардами, мастер и ученики за плечами их, все в голубых или красных лентах.

Дашкова араб есть один из ревнейших масонов — он поутру был с прочими, а за обедом, как водится, служил с ленточкою в петлице.

27 (декабря). В Бостоне есть весьма странная привычка: называть всех начальными словами фамилий, и когда пьют за столом здоровье-то говорят вместо "Дашков" — Г. Д... ваше здоровье и пьют.

Жители Виргинии — совершенные русские помещики, даже отличаются и в образе жизни — более властительны и имеют рабов.*

ГАКО. Ф-558 Оп.2. Д.185. Лл.103об. 142.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дашков Андрей Яковлевич (1776-1831) — российский генеральный консул (1809) и поверенный в делах в Филадельфии (1810), посланник в Вашингтоне (1811-1817).
2. Анг. (Bording house).
3. Квакеры-члены религиозной христианской общины, основанной в середине XVII века в Англии.
4. Имеется в виду война за независимость от Англии (1775-1783 гг.)
5. Епанча — старинная русская одежда
6. Моро Жан Мари Виктор (1763-1813) — французский полководец.
7. Методисты — протестантская церковь.

* Продолжение следует.

ЗАГАДКА РУБАНОВСКОГО

Осенью 1766 года молодая русская императрица Екатерина II повелела командировать в Германию для обучения юриспруденции, философии и истории двенадцать дворянских отпрысков, шестеро из которых являлись пажам, наиболее отличившимися поведением и успехами в учении. Среди будущих студентов Лейпцигского университета значились и Александр Николаевич Радищев — впоследствии всемирно известный писатель-революционер, и его друзья Алексей Михайлович Кутузов и Андрей Кириллович Рубановский.

Последний был сыном полковника Кирилла Степановича Рубановского, человека совершенно штатского, несмотря на его военный чин.

Он вместе с группой казаков был привезен в столицу по приказанию императрицы Елизаветы Петровны, пожелавшей иметь придворный хор, и оформлен при дворце “воспевальной музыки тенористом”. Красивый, молодой, сладкоголосый, он пришелся по душе государыне, которая за заслуги пожаловала его в 1743 году потомственным дворянством. Честно отслужив пятьдесят четыре года и уйдя в отставку в чине полковника, Кирилл Степанович Рубановский скончался в возрасте 63-х лет и был похоронен двумя сыновьями, Василием и Матвеем, на Лазаревском кладбище в Петербурге. Третий его сын, Андрей, отсутствовал на панихиде, поскольку 2-й год пребывал в Лейпциге. Поплакав над скорбной депешей, он с прежним усердием принялся штудировать учебники.

Русские студенты слушали философию у Платнера (позднее делившегося своими впечатлениями

Старший научный сотрудник Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, краевед Елена Васильевна Сапрыгина на страницах “Губернского дома” всегда неожиданно и интересно исследует связи с костромским краем известных в России людей, будь то графы Мусины-Пушкины или купцы Пановы, декабрист Волконский или писатель Радищев.

об успехах Радищева и Кутузова с путешествовавшим Карамзиным), наслаждались лекциями словесника Геллерта, прилежно внимали профессорам Бемму и Гоммелю, читавшим историю и право.

Если Радищев, Кутузов и Ушаков превзошли чаяния своих учителей, то Рубановский несколько терялся на их фоне, хотя и проводил за тетрадами и книгами по 14 часов в сутки. По свидетельству Павла Александровича Радищева — сына писателя, “... товарищи, узнав, что одна молодая девушка была в интересном положении, имея связь с Рубановским, шутя,

удивлялись, как он мог улучшить время для любовной интриги”.

В ноябре 1771 года, окончив курс обучения, друзья вернулись на родину, в Петербург, и были определены на службу протоколитами в Сенат с чинами титулярных советников. Радищев и Рубановский попали в 1-й департамент Сената, Кутузов же — в 3-й. Как и в Лейпциге, они квартировали вместе, хотя у Рубановского было пристанище в доме старшего брата Василия на Луговой-Миллионной улице.

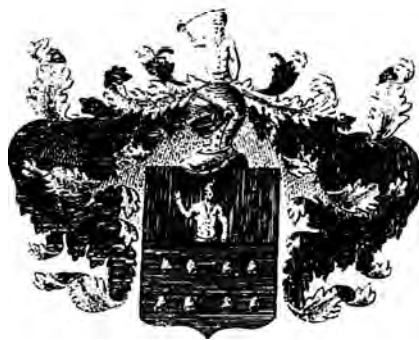
В обязанности протоколистов входило составление экстрактов всех проходивших дел, что требовало отличного знания юриспруденции и законодательства. Молодые люди, имевшие глубокие познания в этих науках, легко справлялись с делами и скучали, желая найти себе более достойное служебное поприще. Уже спустя год они обсуждали планы перевода из штатской на военную службу. В 1773 году этот план был осуществлен: Радищев уволился из Сената 10 мая, Кутузов — 17 мая, Рубановский — 29 мая.

Друзья получили назначения в разные воинские части вне Петербурга, в частности, Рубановский попал в Московский карабинерный полк. Отъезд “друзей души” после 11-летней совместной жизни всех глубоко потряс, особенно А.Н. Радищева, и послужил толчком к написанию его “дневника”.

Служа в армии, Андрей Рубановский так же, как и в Лейпциге, пытался заняться сочинительством, и его литературные опыты не прошли незамеченными от цепкого глаза издателя и литератора Н.И. Новикова, включившего Рубановского в свой словарь современных писателей: “Руба-

новский Андрей, титулярный советник, сочинил на немецком языке рассуждения: 1. О свойствах нейтралитета; 2. О размножении народа: также перевел с французского на немецкий язык из сочинений г. Волтера рассуждения о человеке, поэму “На разрушение Лиссабона” и оду славного Томаса “О должностях общежития”, из коих некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года”. (1) Как видно, искусство и литература не были чужды представителям рода Рубановских.

Богато одарены талантами были и племянницы Андрея Кирилловича Рубановского Анна, Елизавета и Дарья. Две последние являлись воспитанницами Смольного института. В обязанности их отца, имеющего придворный чин камер-фурьера, входили объявления по двору о предстоящих празднествах, спектаклях и других мероприятиях, а потому в кругу его знакомых были известные писатели и драматурги того времени: Д.И. Фонвизин, А.П. Сумароков, Е.П. Елагин и другие. Это не могло не отразиться на вкусах его дочерей. Елизавета Рубановская участвовала почти во всех любительских спектаклях Смольного института, поставленных по пьесам французских авторов. Императрица Екатерина II, курировавшая это учебное заведение и смотревшая постановки, отметила игру Елизаветы, назвав ее лучшей “мадам Крупильяк”. Девушка скорее всего бы была увековечена художником Левицким, создавшим серию портретов смолянок, не будь ее лицо тронута оспой. Факт этот приводил ее в отчаяние, ибо предрекал ей, несмотря на ум и доброту, одинокую, безрадостную жизнь. Кто позарится на рябую дурнушку? Как она завидовала своей старшей сестре Анне, настоящей красавице, к тому же всликопной певице и блестящей музыкантше!

Герб Рубановского.

Дядя Андрей Кириллович познакомил племянницу со своим другом Александром Радищевым, который, пленясь красотой и талантом Анны Васильевны, вскоре сделал ей предложение. Несмотря на ответное пламенное чувство молодой девушки, предложение Радищева встретило противодействие со стороны матери, мечтавшей выдать ее за какого-нибудь знатного придворного, что давало право дочери состоять в свите двора. Однако влюбленные настояли на своем. Брак их, совершенный в 1775 году, был омрачен смертью отца Анны, скончавшегося за несколько месяцев до их женитьбы. Александр Николаевич остался единственным мужчиной в доме покойного тестя (на Грязной ул., д. 4) — защитником и покровителем четырех осиротевших женщин.

Супруги Радищевы жили счастливо в браке 8 лет, у них родилось четверо детей: 3 сына — Василий, Павел и Николай и дочь Екатерина (еще двое умерли в младенчестве). После трудных родов последнего ребенка Анна Васильевна скончалась 3 августа 1783 года. Безутешный муж написал на смерть жены прочувствованную “Эпитафию”:

*О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить, —
Коль будем жить,
то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать,
нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая*

*И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих
я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта,
что сердцу льстит, маяя,
И ненавистный рок
отъял тебя навеки,
Тогда отрады нет,
да льются слезны реки.
Тронись, любезная!
стенаниями друга,
Се предстоит тебе
в объятиях твоих чадо.
Не можешь коль прейти
свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте,
утеши тем супруга... (2)*

Радищев хотел высечь эпитафию на памятнике на могиле жены, похороненной в Александро-Невской Лавре, но “ему не позволили, потому что в ней выражается недостаточная уверенность в бессмертии души”. (3)

Детями Анны Васильевны, по ее просьбе, занялась сестра покойной Елизавета Васильевна, вся не растратенная любовь которой излилась на племянников.

Александр же Николаевич нашел утешение в литературе, в которой растворился без остатка...

Елизавета Васильевна Рубановская сочувствовала литературным замыслам Радищева и поддерживала писателя не только морально, но и материально: в частности, закладывала дома, а деньги отдавала писателю, нуждавшемуся в них для издания “Путешествия из Петербурга в Москву”.

Как гром среди ясного неба, прозвучал резкий отзыв императрицы о книге: “Радищев — “бунтовщик хуже Пугачева”. Последовал арест, заточение в Петропавловскую крепость, следствие и страшный приговор — смертная казнь, замененная, однако, ссылкой в Сибирь, в Илимский острог.

Все это время Елизавета Васильевна поддерживала опального сочинителя. Она продала дом в

Луговой-Миллионной — наследство отца, чтобы одаривать Шишковского, в надежде на смягчение участи арестованного и на устройство свидания с узником. А тот, еще не зная о помиловании, писал в своем завещании детям, будущим сиротам: "Паче всего почитайте и не переступайте велений тех, которые служили вам вместо матери во младенчестве вашем. Помните, что мать ваша, умирая, поставила над вами вместо себя сестру свою и друга, тетку вашу Елизавету Васильевну, которую, доколе живы будете, матерью именуйте..." (4)

После увоза Радищева в Сибирь Е.В. Рубановская с двумя младшими детьми, Павлом и Екафериною (старших взял к себе в Архангельск брат писателя — Моисей Николаевич Радищев), в феврале 1791 года отправилась вслед за изгнанником. Этим поступком она опередила почти на 30 лет своих последовательниц — жен декабристов.

Кто знает, что стало бы с неприспособленным и отрешенным от земных, практических проблем писателем, не будь с ним рядом деятельного и преданного друга, а впоследствии и нежной супруги, приемной матери его осиротевших детей? Не побоявшись положения "незаконной" жены, она не только воспитывала детей Радищева, но и подарила ему еще 3 детей: сына Афанасия и дочерей Анну и Феклу.

Сын Радищева Павел так описывал отношения отца и приемной матери: "В Илимске она не давала ему упасть духом, прилежно занималась хозяйством и чужда была всяких подозрений и капризов, свойственных многим женщинам... В продолжение пятилетнего их пребывания в Илимске они едва один раз имели между собой довольно жаркий спор. Впрочем, она была супруга покорная, с каким-то самоотвержением

и верою в его превосходство, внимала его воле и малейшему его слову, да и он старался предупредить ее желания и редко позволял себе делать ей небольшие замечания или возражения. Это был союз, основанный на взаимном уважении и доверенности к чувствам и характеру один другого, одним словом, она и в заточении делала ему жизнь по возможности приятною. Зато он говорил о ней, что это была женщина с "геройским духом". (5)

А.В. Рубановская, жена А.Н. Радищева.
Портрет работы
неизвестного художника.

Получив 18 декабря 1796 года уведомление о возвращении из ссылки, семья Радищевых, несмотря на страшные сибирские морозы, поторопилась выехать в Россию. В дороге Елизавета Васильевна простудилась и 7 апреля 1797 года умерла.

На другой день Радищев сообщил другу А.А. Ушакову: "Сопутница верная моего бедствия, дружкой Елизавета Васильевна... скончалась в Тобольске. Я истинно могу сказать про себя, что я осиротел... Я несчастливее теперь себя чувствую, нежели как то я был в Илимске". (6)

Пять лет еще просуществовал на земле Радищев с осиротелой своей душой, и, как знать, решил-

ся бы он на тот отчаянный шаг, когда выпил залпом стакан серной кислоты, сводя счеты с жизнью, будь рядом с ним ангел-хранитель Елизавета Васильевна Рубановская?

Располагая столь интересной информацией о представителях дворянского рода Рубановских, мы, естественно, не могли пройти мимо еще одного Рубановского (костромского) и не ответить на вопрос: однофамилец он или родственник вышеупомянутых?

Документы ГАКО касаются штабс-капитана Владимира Андреевича Рубановского, участника костромского ополчения 1812-1815 годов. Одно из дел включает в себе материалы о внесении Рубановского в дворянскую родословную книгу костромской губернии. (7) Из него можно извлечь некоторые биографические сведения о нем: Владимир Андреевич Рубановский происходит из древних дворян, хотя и не имеет об этом на руках документов. Жил в Петербурге. Воспитывался в морском кадетском корпусе. Из кадет выпущен в гарнизон прапорщиком в 1798 году, в следующем году получил чин подпоручика, а спустя еще 2 года, в 1801 году, переведен в Великолуцкий мушкетерский полк поручиком. 13 января 1805 года уволен от службы по прошению в чине штабс-капитана. В то время ему исполнилось 24 года, следовательно, дата рождения Владимира Рубановского — 1781 год.

Причина отставки неизвестна, но неожиданна: в таких молодых годах немалый чин штабс-капитана обещал скорую и благополучную карьеру...

Из дел, однако, следует, что молодой человек получил в наследство от своего покойного дяди Кирилла Александровича Сытина в Костромской губернии Галичской округи усадьбу Острецово с прилегающими деревнями Се-

менково, Митиха, Первушино и До-рино — всего 46 мужского пола душ.

Год смерти К.А. Сытина неизвестен (между 1805 и 1812 годами). В 1812 году, не успев вписать себя в родословные книги костромского уезда, Владимир Андреевич вступил в костромское ополчение и был приписан в 4-й пехотный полк старшим адъютантом при генерал-лейтенанте Бардакове — начальнике костромского ополчения.

Как известно, костромские ополченцы выступили в поход в декабре 1812 года, а к месту назначения — крепости Глогау — прибыли лишь 18 сентября 1813 года.

Впечатления от места пребывания ополченцев, как и В.А. Рубановского, наверно, совпадали с впечатлениями других очевидцев — их современников, один из которых писал в своих походных записках: "Глогау, старый обширный город, окружен крепостью Вобановой системы: ее можно взять не иначе, как траншеями с осадною артиллериею, или Голландскими червонцами, или тесно и продолжительною блокадою. Улицы узкие, дома высокие, почерневшие, тяжелой архитектуры". (8)

Глогау — прусский город, был отобран французами, и конечной задачей как русских, так и пруссаков значилось отбить крепость, принудить ее к сдаче.

Русский корпус под командованием барона Розена включал в себя, помимо костромских полков, сибирские и артиллерийскую роту башкир.

В приказе Бардакова — начальника костромского ополчения — от 16 сентября 1813 года говорилось: "При штабе моем за дежурного управляет старший адъютант Рубановский за рукой коего по отдаваемым от меня приказаниям чинить войскам мною командуемых должное исполнение". (9)

Не надо думать, что Владимир Андреевич довольствовался лишь сидячей работой дежурного офицера, выписывая наряды другим. Он выезжал по поручениям начальства,

ходил в караулы и на передовые посты, участвовал в боевых операциях.

Недаром в числе награжденных в боях при Глогау есть и его фамилия. К ордену Святой Анны его представил генерал-лейтенант барон Розен "за отличную храбрость, в делах при блокаде крепости Глогау оказанную", а к ордену Святого Владимира 4-й степени с бантом представил генерал от инфантерии граф Толстой. (10)

В начале апреля 1814 года после полугодовой осады крепость сдалась, но костромские ополченцы вернулись домой лишь в начале 1815 года. Из 10000 добровольцев в живых осталось 3622 человека, и те далеко не все были здоровы.

Возвратясь домой, капитан Рубановский начинает заново хлопотать об утверждении в правах дворянства и, наконец, завершает дело. 12 ноября 1817 года в костромском дворянском депутатском собрании слушали прошение галичского помещика штабс-капитана и кавалера Владимира Андреева сына Рубановского о внесении его в дворянскую родословную книгу и постановили внести г. Рубановского во 2-ю часть родословной книги под № 306, признав его доказательства удовлетворительными.

Итак, 36-летний отставной обер-офицер и кавалер становится галичским помещиком и завидным женихом для местных красавиц. Но, похоже, они не покорили его сердца, ибо в графе, где указывается число членов семьи, стоит единица. Он живет один и почти отшельником, лишь изредка в "Костромских губернских ведомостях", например, в № 3 1839 года, можно встретить сообщение о присхавших в Кострому с 11 по 19 января: "Из Галичского уезда, помещик Рубановский".

Потомства он не оставил, и после смерти его в 1853 г. (?) имение наследовал некто Тяпунин Владимир Александрович, лишенный позже прав состояния, а имение перешло к Арсению Ефремовичу Сири-

ну, имевшему к Тяпунину денежные претензии. (11)

Сопоставляя материалы о петербургских Рубановских с документами галичского однофамильца, утверждаемся во мнении, что это были довольно близкие родственники. Помимо одной и той же довольно редкой фамилии, у них одно место жительства — Петербург, где проросли их родовые корни. Есть соответствие и в датах. Друг Радищев, Андрей Кириллович, был ровесником писателя, т.е. год его рождения 1749 — или 1750. В год рождения его сына Владимира ему было 30-31 год, что вполне вероятно. Наводит на размышление и выбор военной стези у обоих — как бы семейная традиция.

Но самый главный аргумент, доказывающий близкое родство 2-х Рубановских, — это то, что жена Василия Кирилловича, родного брата Андрея Кирилловича, Акилина Павловна Ушакова в девичестве носила фамилию Сытина.

Как мы помним, от Сытиных же поступило наследство Владимиру Андреевичу Рубановскому. Такого совпадения не могло быть, если бы оба Рубановских не являлись ближайшими родственниками.

Итак, галичский помещик, герой костромского ополчения Владимир Андреевич Рубановский приходится родным сыном друга Александра Николасвича Радищева и двоюродным братом жен писателя — Анны Васильевны и Елизаветы Васильевны Рубановских.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Опыт исторического словаря о русских писателях. // Николай Новиков. Избранное. М. 1983. С. 446.
2. А.Н. Радищев. Сочинения. М. 1988. С. 302.
3. Там же. С. 650.
4. Там же. С. 593.
5. Александр Татаринцев. Радищев в Сибири. М. 1977. С. 182.
6. Там же. С. 181.
7. ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 680. 1817 г.
8. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. артиллерии полковника И... Р... М. 1835. С. 12.
9. ГАКО. Ф. 812. Д. 1. Л. 222.
10. ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 680.
11. ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3735. 1869 г.

УНЖЕНСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

В текущую навигацию постоянный флот Унжи увеличивается на два парохода. Н.И. Корнилов строит хозяйственным способом в своих мастерских пароход "Елену". Район работы — верхний плес Унжи, от Кологрива до села Шартаново.

Крупный местный торговец, купец Н.И. Корнилов купил у Юрьевского пароходоладельца г. Рябини-на буксирный пароход "Ермак", теперь переименованный в "Север". Затем лесопромышленник Н.Я. Смирнов покупает полупассажирский пароход в Ярославле, но еще ничего определенного неизвестно.

Весь состав постоянной Унженской флотилии к навигации 1913 года выражается в таких цифрах: Макарьевское павое товарищество имеет два парохода, Калинин — 1, Лапшина — 1, Н. Перфильев — 3, Плесский — 1, Корнилов — 1, Немков — 5, Н.Ф. Лапшин — 1, преем. Крепыша — 10. Всего 25 паровых судов. Грузовой караван всех пароходоладельцев составляет более 100 судов. Кроме этих пароходов, с открытия навигации рейсирует около 50-ти волжских буксиров.

За последние годы судоходство по Унже, в смысле удобства публики и грузоотправителей, заметно улучшается. В крупных центрах имеются пристани и склады под грузы. Пароходы строятся нового типа — классные помещения наверху, но, без сомнения, Унженский пароход по комфорту еще очень далек от захудалого волжского парохода древней постройки. Но уже самый факт стремления пароходоладельцев к более сноскому устройству классных помещений заслуживает всякого внимания и поощрения.

"Поволжский вестник", 30 марта 1913 г.

УСИЛЕННАЯ СКУПКА ЛЬНА

На местном рынке замечается усиленная скупка льна агентами Миндовского, Сенкова, Кашина, Зотова и муромских фабрикантов. Цены в зависимости от качества льна и количества предлагаемого товара колеблются от 3 р. 50 к. до 6 р. 20 к. за пуд. На одном из последних ковернинских базаров

Научный сотрудник, заведующая библиотекой Костромского государственного архива Марина Сергеевна Недомарацкая — ведущая рубрик "Хронограф" и "Подобности жизни", знакомит читателей с тем, о чем писали старые костромские газеты.

замечался усиленный своз льна, благодаря чему цены на все его сорта понизились на 50 коп. в пуде. То же явление наблюдалось в Пучеже и Городце.

Но, вообще, урожай льна в ковернинском крае в текущем году был, безусловно, плох... В мануфактурной торговле замечается полный застой, купцы жалуются на "плохие времена и выручку".

Значительным подспорьем в местном крестьянском хозяйстве являлся "грибной" промысел, но нынче выдался полный неурожай и на этот продукт.

"Костромской листок". 1900 г.

ГДЕ ВЗЯТЬ ДРОВА

Ныне 26 окт. крестьяне более чем 13-ти деревень: Редьна, Шишова, Ильина, Рожкова, Селянза, Мизгирева, Настасьина, Пушкарева, Домова, Рыжкова, Блудова и др., — не спросив согласия схода,

начали рубить дровяной лес в разных участках крестьянского надела на жерди и топливо, которое теперь трудно достать, потому что близлежащий Брантовский лесопильный завод, где крестьяне больше 10 лет покупали дрова и жерди для изгороди, минувшей весной сгорел, у местного же землевладельца Лицова, кроме сырого и мозглого хворосту, за который он берет большие цены, других дров почти нет, а жерди не продаются совсем. Прежде чем начать рубку, крестьяне неоднократно заявляли вол. старшине Головину, чтобы он созвал сход для разрешения рубки. Но сход был созван только 2 ноября. Крестьянская же нужда не терпит. К тому же здесь со дня на день ждут мобилизации, и запасные нижние чины хотели своевременно сделать запасы дров для своих семейств. Но главная причина напряженного обсуждения события лежит не в самом факте порубки, а в том загадочном поведении старшины Головина, который в минувшую зиму тайно от общества срубил 5 десятин крестьянского наделного леса и продал его на шпалы Лицову.

"Костромской листок". 26 октября 1904 г.

ДЕРЕВЕНСКАЯ БЫЛЬ

Невольно удивляешься психике русского человека... Молодой парень (д. Сашино Ветлужского уезда) добывается во что бы то ни стало женитьбы на любимой девушке... Сегодня свадьба с ней. В ночь после венца она внезапно умирает. Через три дня ее хоронят, а гости и "молодой" отправляются прямо с похорон "допировывать": едут к теще, снова к жениху. Те же песни, то же веселье, как если бы все обстояло благополучно...

Пир, наконец, закончен. "Молодой" идет в "беседу" к девицам и принимает в ней совершенно такое же участие, как его неженатые сверстники.

А через полторы недели он уже повенчан с другою.

М.

"Костромская жизнь". 1913 г. № 255.

ВРЕМЯ ГЕОРГИЯ БЕЛЯКОВА

Фотокорреспондент Георгий Павлович Беляков хорошо известен в городе. Он сотрудничает со многими изданиями, не раз был автором персональных выставок и дипломантом областных, республиканских, международных. А еще он фотолетописец костромской епархии: серия работ "Возрождение" получила высокую оценку в церковных кругах.

Костромская старина, красота архитектурного облика города, лирический сельский пейзаж — вот самые любимые его сюжеты.

Но сегодня мы представляем Георгия Павловича в несколько ином качестве. Фотоконкурс нашего журнала — "Прохожие и близкие". Стремление запечатлеть собирательный образ уходящего времени в лицах людей. Это оказалось близким и нашему постоянному автору. Вот девочка с акварелью и бабушка с воспоминаниями, вот дети под дождем и мудрые люди под градом и благодатью своих лет... И сам молодой автор этих работ, который, оказывается, 50 лет назад сделал первые свои фотографии.

С юбилеем первого снимка вас, Георгий Павлович!

«Раздумье».

«Первая акварель».

Автопортрет. 1947 год.

«Двое под зонтиком».

Исследователь дворянских родословий Александр Григоров.

Предводитель костромского дворянства Василий Дигилев.

“ЛЕСТНИЦЫ В ЗАВЕДЕНИЯХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ С ПЕРИЛАМИ”

О трактирном промысле в губернии

До введения казенной продажи питей в губернии было 1539 заведений с продажей спиртных напитков, из них трактиров — 832, винных лавок — 114, оптовых складов по продаже крепких напитков — 59, постоянных дворов с продажей вина — 59, буфетов — 38, складов русских виноградных вин — 12, ведерных лавок — 10. (1)

Из всех питейных заведений наибольший доход давали трактиры, в которых торговали крепкими напитками, виноградными винами, кушаньем разного рода, чаем, сахаром. Обстановка в трактирах была разной. В солидных трактирных заведениях соблюдался чинный порядок, царил атмосфера деловитости. “Сидят все люди почтенные, ведут речи степенные, гнилого слова не сходит с языка: о торговых делах говорят, о ценах на перевозку кладей, о волжских мелях и перекатах... Двое, сидя за селянкой, ладят дело о поставке пшена из Сызрани до Рыбной: один собеседник — богатый судохозяин, другой — кладчик десятков тысяч четвертей зернового хлеба... Сидит за чаем старик с двумя помоложе, разговор идет у них об отправке к Калужской пристани только что купленной им на пермских ладьях соли”. (2)

В других трактирах посетители вели себя вольно. В нарушение всяких законов допускалось пьянство, доходившее порой до закладывания одежды. “Наслышался он... от степенных мужиков своей деревни, что все эти трактиры и харчевни заведены молодым людям на пагубу, что там с утра до ночи идет безобразное пьянство и буйный разгул, что там всякого, кто ни войдет туда, тотчас обокрадут и обопьют, а иной раз отколотят.. Старухи-келейницы... называли трактиры корчемницами, по действию диаволу

Заведующая отделом Костромского музея-заповедника Маргарита Дмитриевна Шахова — автор материалов по истории торгового дела в Костроме и губернии.

поставленными от слуг антихриста ради уловления душ христианских”. (3)

Довольно много в губернии было винных и пивных лавок, но в большинстве годовые торговые обороты их были скромными. Продажа вин происходила в ренсковых погребах и погребах русских виноградных вин. “Ренсковые погреба — суть места, посещаемые лицами, которые считают для себя неприличным входить в питейный дом”. (4)

В питейных заведениях широко использовался труд наемных приказчиков и работников.

Питейные заведения запрещалось открывать около богоугодных заведений.

В Костроме был известен торговый дом “М. Дуров и К^о”, владевший водочным заводом, на котором в 1900 г. было выработано водок, наливков, столового и обыкновенного вина 105356 ведер, также медоваренным заводом, где было сварено меда 1200 ведер. Ему принадлежал склад пива, которым управлял

приказчик 1 класса. Торговый дом имел в Костроме 3 трактира, 3 ренсковых погреба, 4 винные лавки, которыми управляли приказчики 1 класса. Кроме того, у него было 2 ренсковых погреба в Гостином дворе, в которых работало по 4 приказчика. (5)

Купец И.П. Третьяков был владельцем винокуренного завода, на котором было изготовлено в 1900 г. хлебного винного спирта 156048 ведер. К тому же ему принадлежали оптовый винный склад и ренсковый погреб в Гостином дворе с годовым торговым оборотом в 22937 руб. (6)

М.А. Румянцеву принадлежали пиво-медоваренный завод, 2 трактира, ренсковый погреб в Гостином дворе.

Заведения по продаже крепких напитков были распространены во всех уездных городах губернии. Познакомимся с наиболее крупными владельцами. В Кинешме И.Л. Думин имел пиво-медоваренный завод, оптовый склад вина, 2 ренсковых погреба, 3 харчевни.

В Галиче оптовый склад вина, трактир, ренсковый погреб принадлежали М.Я. Архангельскому. А.С. Громов был владельцем водочного завода, трактира и двух ренсковых погребов.

В Ветлуге О.В. Баранцева располагала оптовым складом вина, ренсковым погребом, трактиром; С.А. Чиркин — оптовым складом вина, 3 ренсковыми погребами, в каждом из которых было по приказчику.

В Кологриве надворный советник М.И. Катенин имел оптовый склад вина, питейное заведение, ренсковый погреб и 2 ренсковых погреба в деревнях.

Питейные заведения находились в торговых селах и деревнях. (7) Так, владельцу оптового склада В.С. Михалкову принадлежало 6 ренско-

вых погребов и трактир в разных деревнях.

Купец Н.В. Вскшин имел винную лавку в с. Красном, которой управлял приказчик 2 класса (крестьянин Смирнов) и винную лавку в дер. Борисово. В с. Красном находился также трактир, состоявший из 8 комнат, которым управлял приказчик 2 класса (крестьянин Журавлев). В услужении было 4 работника.

Торговый дом Красильникова и Бобылькова в Макарьевском уезде имел 3 пивные лавки в г. Макарьеве, в с. Ковернино, в с. Сокольское, которыми управляли приказчики 1 класса.

А.И. Завьялову принадлежали в с. Парфеньеве Кологривского уезда трактир из 7 покосов, питейное заведение, кроме того, 3 трактира в селах и деревнях.

А.Г. Каменщиков владел 2 трактирами и ренсковым погребом в с. Вичуга и трактиром в с. Тезино.

В кон. XIX — нач. XX вв. вышли обязательные постановления губернатора, регламентировавшие торговлю спиртными напитками. Эти постановления были опубликованы в местных газетах (8) и касались прежде всего порядка работы заведений. В будние дни торговля в заведениях, имевших целью продажу питей и кушаний, табака и курительных принадлежностей, должна была производиться 15 час. в сутки. Во все двенадцатые праздники, в дни 1 января, второй день Пасхи, второй день Рождества Христова трактиры, пивные лавки и ренсковые погреба могли торговать с 1 час. дня до 4 час. дня, в остальные воскресные и праздничные дни питейные заведения могли производить торговлю как в будние дни, кроме распивочных пивных, которым было позволено торговать с 12 час. дня до 10 час. вечера. Костромским полицмейстером было отдано распоряжение приставам, полицейскому фабричному надзирателю и всем чинам полиции строго следить за временем работы заведений.

Выходили обязательные постановления костромского губернатора о внутреннем устройстве в городах

С.-Петербург 1911 г.

Золотая медаль.

ВИНА ЯГОДНАЯ
ПЛОДОВИЯ
БАРКОВОЙ.

Кострома, Велѣхвятская, соб. домъ.
ПРОДАЖА:
Кострома—въ виноторговляхъ и
при соб. домѣ.
Плесь—у насл. Бакакина.

Реклама начала века.

и селениях губернии частных заведений с продажей крепких напитков, о порядке торговли в них и соблюдения благочиния. Суть их сводилась к следующему:

Заведения обязаны были освидетельствоваться полицией при участии акцизного надзора, в городах также городским врачом для дачи заключения о его санитарном состоянии (соответствовало ли данное заведение своему назначению).

Лестницы в заведениях должны быть с перилами и в вечернее время освещены.

Все места торговли снабжались соответствующими вывесками. Открываться они могли только в местах, указанных в разрешении уездного присутствия.

Заведения могли быть устраиваемы не выше второго этажа, ренсковым погребам дозволялось находиться в подвальном и первом этажах.

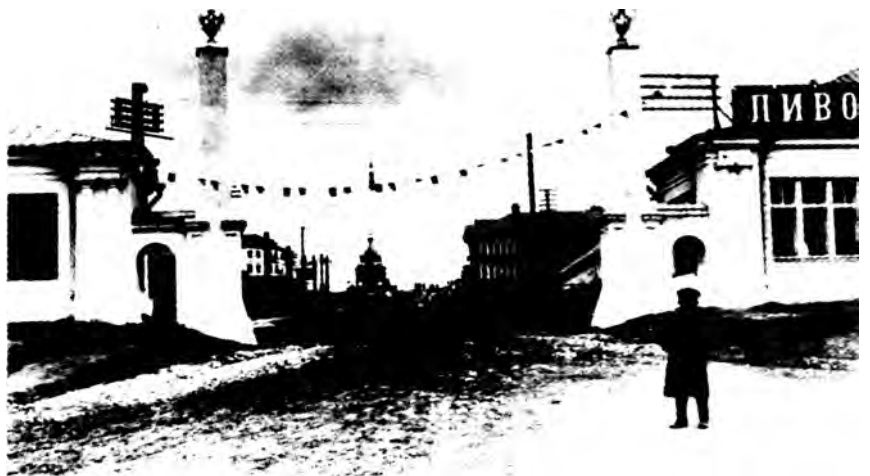
Предъявлялись требования к чистоте и опрятности. Стойки, шкафы, столы, стулья предписывалось покрасить масляной краской, допускалось обивание столов и стойки светлой клеенкой.

Позволялось помещения украшать дозволенными картинами, бюстами, статуями.

Игра в шашки и постановка граммофонов разрешалась губернатором тем заведениям, которые рекомендовали себя в отношении благочиния и порядка.

Крепкие напитки разрешалось продавать только за наличные деньги. Запрещалось продавать их в долг, в счет будущего урожая, под заклад вещей, променивать на хлеб.

Патент на торговлю спиртными напитками, прейскурант с указанием цен на напитки и закуски должны были вывешиваться в рамке под стеклом на видном месте. Продажу следовало производить по указанным ценам. Брать особую плату за оказанные прислугой услуги запрещалось.

Заведение у Московской заставы. Фото начала века.

Пиво А.Ф. Ермолаева. Фото начала века.

Обязательными постановлениями устанавливалась регламентация продажи крепких напитков. Для заведений трактирного промысла предписывалось:

1. Продажа крепких напитков могла производиться как распивочно, так и на вынос (при наличии разрешений).

2. Трактир должен был иметь не менее 2 комнат для посетителей и располагаться только на 1-2 этажах.

3. В трактирах не разрешалось иметь шкафов и прилавков с деревянными дверцами. Для хранения посуды и предметов, необходимых для торговли, использовались шкафы со стеклянными дверцами, прилавки — со стеклянными створками.

4. Трактирное заведение должно было иметь куб для горячей воды, достаточное количество столов и посуды, содержащейся в чистоте.

5. Для изготовления кушаний рекомендовалось использовать свежие продукты, продавать напитки без вредных примесей.

6. Содержателям трактиров вменялось в обязанность наблюдать за порядком и благочинием в заведениях, держать в услужении людей благонадежных, учредить внутренний присмотр о недопущении беспорядков и воровства. О всяком нарушении порядка и благочиния немедленно сообщать полиции.

7. Рекомендовалось хозяину трактира выписывать "Сельский вестник" и "Губернские ведомости".

8. Ругательство, произнесение неприличных и бранных слов, крик, шум, пения, пляски в трактирах запрещались. Виновные в нарушении постановления должны были удаляться из заведения при содействии полиции.

В пивных лавках разрешалась продажа лишь пива, портера, меда, также только холодных закусок. Запрещалось смешивать пиво разных заводов и сортов, разбавлять его водой, сливать в посуду остатки пива из бутылок и кружек. В пивных лавках запрещались музыка, пение, танцы, разные увеселительные игры, а также игра в карты, шашки и пр. Пивные лавки с распивочно-выносной торговлей не могли занимать помещение в подвальном этаже и выше второго этажа.

В ренсковых погребах продажа крепких напитков допускалась только на вынос. Погреба пользовались правом разлива вин и продажи в любом количестве как в опечатанной, так и в неопечатанной посуде. Запрещалось держать в погребах посуду для питей (стаканы, кружки) и приспособления для откупоривания бутылок (штопор). Продажа и приготовление в погребах кушаний, закусок, чая не разрешались.

Винные лавки должны были состоять из одной комнаты, с одним ходом, без внутренних сообщений с другими помещениями. Продажа допускалась только на вынос, поэтому запрещалось в лавках иметь предметы, указывавшие на потребление питей распивочно (мебель для посетителей, посуду, закуски и т.п.). Стойки и полки для хранения питей должны быть открытыми, шкафы запрещались. Винные лавки не могли быть открыты в одних зданиях с чайными заведениями.

В постоянных дворах продажа винных изделий чаще всего происходила на вынос.

Вышло обязательное постановление костромского губернатора о запрещении публичного распития крепких напитков в городах и селах. В нем, в частности, указывалось, что в чайных, кофейных, пирожных, закусовых лавках, также в мебелированных комнатах продажа и распитие крепких напитков не допускались.

На практике требования постановлений нарушались, что порой создавало питейным заведениям весьма сомнительную репутацию ("безнравственных и неприличных заведений", "притоны бесчинства и разврата"). "Ныне питейные дома, как уже дознано на опыте, нисколько не соответствуют стремлениям правительства предотвратить вредное влияние питейной продажи на общественную нравственность". (9)

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Костромской листок. 1901. № 79.
2. П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Пермь. 1984. Кн. 2. С. 49.
3. Там же.
4. И.Г. Прыжов. История кабаков в России. М. 1992. С. 245.
5. ГАКО. Ф. 200. Оп. 8. Д. 95. Л.л. 364, 382.
6. ГАКО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 1296. Л. 7 об. Д. 1310. Л. 1 об, 7. Д. 1308. Л.л. 1 об, 8 об. Д. 1314. Л. 5 об.
7. ГАКО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 1314. Л.л. 8, 5. Д. 1296. Л. 16 об. Ф. 200. Оп. 8. Д. 125. Л.л. 156, 158, 160.
8. Поволжский вестник. 1907. №№ 277, 283. Костромские губернские ведомости. 1886. № 45. 1893. № 50. 1907. №№ 5, 27.
9. И.Г. Прыжов. Указан. работа. С. 245.

ГЕНЕРАЛ С СОЛДАТСКИМ ГЕОРГИЕМ

В дни празднования в Костроме трехсотлетия царствования Дома Романовых 19-20 мая 1913 года в числе других воинских частей в городе находился 13-й лейб-гренадерский Эриванский Его Императорского Величества полк, специально вызванный с места своего расположения, урочища Манглис Тифлисской губернии. Для полка это была высокая, но заслуженная честь. Старейший из российских регулярных полков, он был учрежден в 1642 г. под именем Московского выборного солдатского Бутырского полка, в 1786 г. 1-й и 2-й батальоны Бутырского полка вошли в состав Кубанского Егерского Корпуса, из которого в 1797 г. был выделен 18-й (с 1801 г. — 17-й) егерский полк, 12 февраля 1816 г. за отличие переименованный в 7-й карабинерный, 27 октября 1827 г. названный Эриванским карабинерным. Наименование лейб-гренадерского полка также получил за отличие. 14 ноября 1850 г. шефом полка был назначен Наследник Цесаревич Александр Николаевич, и со дня его вступления на престол шефом полка был царствующий Император. В 1913 г. в списках полка числились также Наследник Цесаревич Алексей Николаевич и Великие Князья Михаил Николаевич и Александр Михайлович. Во время торжеств перед Императором Николаем II склонялось Георгиевское знамя с надписью: “За отличные подвиги при поражении 36000 Турецкого Корпуса на Баш-Кадыклярских высотах 19 ноября 1853 г., за отличия, оказанные в войну 1854-1855 годов, за Кавказскую войну и за взятие Ардагана 4 и 5 мая 1877 года”, мундиры офицеров и нижних чинов полка были украшены петлицами, полученными за

При участии известного в С.-Петербурге коллекционера-исследователя Евгения Витальевича Лозовского два года назад “Губернский дом” опубликовал забавный документ — о рекрутском наборе в г.Галиче, сегодня же публикует серьезный материал, тоже на военную тему.

отличис в русско-турецкую войну 1877-1878 гг., а на головных уборах сияли знаки с надписью: “За храбрость”, пожалованные за подвиги в войне с Персией 1826-1827 гг. Полковые трубачи держали в руках две Георгиевские и одну серебряную трубы, пожалованные за войну с Турцией 1828-1829 гг. и Георгиевский сигнальный рожок с надписью: “За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году”.

Эриванцев хорошо знали на Кавказе, где прошла почти вся боевая жизнь полка. Современник, видевший полк в строю вскоре после получения им наименования Эриванского, вспоминал, что его солдаты были “увешаны крестами”. Свою боевую славу они позднее подтвердили на фронте Великой войны. Лейб-гренадерский Эриванский полк входил в состав II-го Кавказского корпуса, на долю которого выпали самые тяжелые бои, в которых — небывалое явление — врагу не было оставлено ни одного орудия, никаких трофеев. С первых же своих боев в Августовских лесах кавказские гренадеры получили от врага прозвище “желтых дьяволов” из-за цвета гренадерских погонов.

Вот с этим-то полком и связана судьба человека, ставшего единственным в русской армии генералом, имевшим солдатский Георгиевский крест 1-й степени. А начиналась его биография очень

мирно. Юный черногорец Иван Попович-Липовац приехал в Россию, чтобы получить образование в Московском университете. Однако в 1875 г. в Герцеговине началось восстание против турок. Бросив учебу, Попович-Липовац уехал в Костайницу, где был тогда центр организации, сформировал чету и жег турецкие пограничные блокгаузы, отличившись в ряде дел и приобретя себе репутацию храбреца. Во время сербско-турецкой войны он сражался в рядах черногорских войск и за отчаянную храбрость был удостоен высшего в Черногории знака военного отличия — золотой медали Милоша Обилича, а также сербской медали “За храбрость”.

В 1877 г. Попович-Липовац вернулся в Россию и 4 июля был зачислен рядовым на правах охотника (добровольца) в С.-Петербургский местный батальон, откуда перевелся на Кавказ и 21 августа 1877 г. был зачислен в 13-й лейб-гренадерский Эриванский Его Величества полк. До начала военных действий он успел выдержать в Тифлисском пехотном юнкерском училище офицерский экзамен и в чине портупей-юнкера выступил в поход.

В сражении под Авлиаром 30 сентября 1877 г., командуя охотниками, он первым взшел на укрепленную Авлиарскую высоту, за что был награжден солдатским Знаком отличия Военного Ордена 4-й степени. 23 октября под Деве-Бойну он ночью со своими охотниками захватил у турок 8 орудий и 32 зарядных ящика, переколов и взяв в плен всю прислугу при них. Для получения Знака отличия достаточно было одного захваченного орудия, поэтому такой успех был отмечен сразу 1-й степенью, а описание подвига попа-

ло на страницы петербургских газет. Прошло чуть больше полугода, и Высочайшим приказом 27 июня 1878 г. Попович-Липовац “за отличие в делах против турок” был произведен в прапорщики в лейб-гвардии Гренадерский полк, а 30 августа — в подпоручики. Теперь в официальных документах он уже именуется Иваном Юрьевичем.

Едва началась Ахал-Текинская экспедиция 1879-1880 гг., Попович-Липовац был уже там. О его мужестве говорит наградное представление генерал-майора Борха начальнику экспедиции генерал-майору Ломакину: “В деле 28 августа подпоручик Попович-Липовац по моему личному приказанию во главе охотников в числе 165 человек впереди штурмовых колонн первым бросился на укрепленную позицию при Денгле-Теке и занял вал; бросился в находящиеся за ним и защищаемые неприятелем кибитки, чем значительно облегчил наступление штурмовых колонн. Оставаясь до конца дела в занятых им позициях, он отступил последний, пробившись сквозь массу окружающего его неприятеля штыками, а потому ходатайствую о награждении его орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом”. Участник этой экспедиции В.А. Туган-Мирза-Барановский в своих воспоминаниях писал, что охотники Поповича-Липовца, идя на штурм, пели: “Ах, вы сени”.

Орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом — очень высокая награда для молодого офицера, к тому же дававшая право на получение российского дворянства, поэтому многим волей начальства приходилось довольствоваться наградами рангом ниже, однако указом Капитулы Орденов 26 августа 1880 г. награждение Поповича-Липовца было утверждено.

По возвращении из Закаспийского края И.Ю. Попович-Липовац поступил в Николаевское инженерное училище, однако в 1882 г. покинул и училище, и русскую службу, чтобы принять участие в восстании в Боснии и Герцеговине против

Австрии. Его деятельность в это время была отмечена в Турции орденом Османе 2-й степени, а в Австрии заочным смертным приговором, отмененным только в 1901 г. После подавления восстания Попович-Липовац оказался в руках проавстрийского сербского правительства, заключившего его в тюрьму в Ужице. Вырвавшись из заключения, он вернулся в Черногорию, где стал личным адъютантом черногорского князя Николая и сумел достичь чина бригадного генерала.

Полковник Попович-Липовац.

На это время приходится пик его литературной деятельности. В “Гласе Црногорца” и “Црногорке” появляются его патриотические песни. Наибольшую известность получили его поэмы “Барьяктар” (“Знаменосец”) и “Манита Майка” (“Сумасшедшая мать”), имевшие антиавстрийскую направленность, вызвавшие дипломатический протест со стороны Австрии. В России вышли его книги “Россия и Черногория со времен Петра I”, “Македонский вопрос”, “Обычаи черногорского народа”, “Обычаи ахалтекинцев”.

Не исключено, что именно настойчивость австрийцев, требовавших высылки Поповича-Липовца из Черногории, заставили его вернуться в Россию. В 1893 г. он, отставной подпоручик лейб-гвардии Гренадерского полка, владелец имения в Бердянском уезде Таврической губернии, состоящего из четырехсот

десятин земли, названного Деве-Бойна, пожалованного ему за службу 17 октября 1878 г., ходатайствует о получении российского дворянства по ордену Св. Владимира.

Таврическое дворянское депутатское собрание 12 января 1894 г. признало его “в потомственном дворянском достоинстве, со внесением в третью часть родословной книги Дворянства Таврической губернии”, о чем Губернский предводитель дворянства 15 января донес рапортом Правительствующему Сенату. Сенат же, рассмотрев это дело 24 февраля 1894 г., постановил решение Таврического дворянского депутатского собрания отменить на том основании, что Попович-Липовац не является русским подданным, поскольку воинская присяга, принятая им, не является присягой на подданство. Это, в общем-то, чисто формальное препятствие было устранено принятием им 1 июня 1898 г. присяги на подданство России, а 5 ноября того же года Правительствующий Сенат “приказали: Признавая правильным постановление Таврического Дворянского Депутатского собрания 28 июля 1898 г. о внесении отставного подпоручика Ивана Юрьева Поповича-Липовца в третью часть дворянской родословной книги... означенное постановление утвердить...”

Получив сенатский указ, Попович-Липовац уже 11 января 1899 г. обратился с прошением в Департамент Герольдии: “Желая воспользоваться правами, которые дает потомственное дворянство, и прилагая при сем квитанцию Главного Казначейства... на шестьдесят восемь руб. и квитанцию Губернского Казначейства на пятнадцать рублей за изготовление герба, честь имею покорнейше просить распорядиться изготовить мне таковой. Составление его предоставляю на усмотрение Гербового Отделения, только прошу при составлении его по возможности, чтобы в герб попали лев в красном поле, сокол в золотом и панцирная рука с мечом с девизом старославянскими буквами: “Смелым Бог помогает!”.

Попович-Липовац тяготился ролью таврического помещика, он мечтал вернуться на военную службу. Но тут возникли определенные затруднения: бригадный генерал в Черногории, в России он был всего лишь отставным поручиком лейб-гвардии. Обращения к высокопоставленным знакомым, в числе которых был начальник канцелярии Министра императорского двора генерал А. А. Мосолов, привели к тому, что 6 января 1903 г. состоялся Высочайший приказ, которым он был определен в службу "... с назначением в распоряжение начальника Главного Штаба и с зачислением по гвардейской пехоте, полковником...". Он был прикомандирован к лейб-гвардии Гренадерскому полку, где командовал батальоном для получения ценза на командование отдельной частью.

С началом русско-японской войны Попович-Липовац был назначен состоять в распоряжении командующего войсками Манчжурской армии "для выполнения задач особенной важности и доверия". Одной из таких задач было приведение в порядок расстросненного во время Тюренченского боя 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Перед Вафангоуской операцией командующий Манчжурской армией, счи-

тая Поповича-Липоваца опытным в горной войне, отправил его в распоряжение генерала барона Штакельберга. Командуя при отступлении арьергардом отряда генерала Гласко, Попович-Липовац выдержал упорный бой, в котором был ранен в голову, но остался в строю, сохранил артиллерию и дал отряду возможность в порядке отступить.

18 июля 1904 г. в бою у Кангуалина, когда русские войска отступали под напором сильнейшего неприятеля, Попович-Липовац вызвался штыками выбить японцев из отнятой у нас позиции и, действительно, выполнил эту задачу, потеряв из находившихся в его распоряжении войск 930 нижних чинов и 63 офицера. За эту отчаянную атаку Попович-Липовац получил орден Св. Георгия 4-й степени. Когда во время боев на реке Шахэ понадобилось занять важный стратегический пункт — "гору с кумирней", генерал Штакельберг приказал составить для этого отряд войск и выбрать начальником его такого испытанного и надежного штаб-офицера, "который в действительности готов умереть, а не сдать позиции". Таким офицером был признан И. Ю. Попович-Липовац, который без артиллерии в течение десяти дней оборонял гору против двадцатиты-

сячного отряда японцев, потеряв из отряда в 640 человек 472 человека, и отступил только по приказу. "Оборона горы с кумирней, — доносил генерал Куропаткин, — всегда останется примером в военной истории как одна из самых упорных оборон".

Во время Мукденских боев Попович-Липовац временно командовал отрядом из Царицынского и Верхнеудинского пехотных полков, с которым оборонял Сюятенскую долину. После этих боев он получил в командование Верхнеудинский пехотный полк, а затем первую бригаду 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Упомяну, кстати, что в декабре 1904 г. Попович-Липовац получил предложение принять под команду один из полков, находившихся в европейской России. От этого предложения он отказался, чтобы не покидать рядов действующей армии.

За свои боевые подвиги во время русско-японской войны Попович-Липовац, кроме ордена Св. Георгия 4-й степени, получил чин генерал-майора, золотое оружие, ордена Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 3-й степени, оба — с мечами. 20 апреля 1908 г. он был уволен со службы по болезни.

В 1912 г. с началом славяно-греко-турецкой войны Попович-Липовац отправился на Балканский полуостров и находился в рядах родных ему черногорских войск при осаде Скутари. Великую войну Попович-Липовац встретил в рядах русской армии. Он командовал бригадой в дивизии Корнилова и был тяжело ранен в карпатских боях. долго лечился, ведь был он уже далеко не молод. После развала русского фронта Попович-Липовац уехал во Францию и умер в Париже в 1919 г.

Вся его необыкновенная жизнь, за исключением небольшого отрезка времени в конце XIX столетия, прошла в походах и боях. Он был шесть раз ранен, но снова и снова возвращался в строй. По-видимому, все-таки "Смелым Бог помагает"!

Эриванский полк в Костроме. Май 1913 г.

ЖИЗНЬ-БЫЛ ИВАН ИВАНОВИЧ

Иван Иванович, бесспорно, жил, в том числе и в городе Костроме, что подтверждается аттестатом зрелости, в котором написано, что “дан сей сыну мещанина города Костромы Ивану Ивановичу Кузнецову, православного вероисповедания, родившемуся в городе Костроме Костромской губернии 12 апреля 1896 года в том, что он, вступив в Костромскую первую гимназию в апреле месяце 1907 года, при отличном поведении, обучался по 25 апреля 1915 года и окончил полный восьмиклассный курс...” Какие познания он обнаружил согласно аттестата, мы упомянем позднее.

Но Иван Иванович не только жил, но и был, что справедливо подтверждается его историей болезни, хранящейся в архиве Костромской областной психобольницы в Никольском, потому что он долго там лечился от болезней как души, так и тела, но в 1968 году умер, что в вышеозначенной истории болезни и зафиксировано. Он умер естественной смертью, как и многие граждане, его пребывание в психобольнице и благоприобретенный туберкулез, как и душевная болезнь, никак не связаны с репрессиями 30-х годов, что могло быть. По учетам соответствующих бдительных органов он не проходил, это я проверил. Итак, Иван Иванович Кузнецов родился, жил и умер — это абсолютно точно, ибо против документов ничего не возразишь.

Но как прожил он свою жизнь, какой след оставил? Не зная его лично и не имея никаких воспоминаний родственников и знакомых, потому что последний его сын Юрий по малости лет почти ничего не помнил, я попытался

Краевед Борис Николаевич Негорюхин, часто путешествующий в известной телепередаче по улицам Костромы, заходит иногда и в “Губернский дом”, принося с собой некоторые подробности из жизни костромичей и прошлого времени, и настоящего.

восстановить страницы жизни этого человека опять-таки на основании документов, которые попали мне в руки. Сразу предупреждаю, что Иван Иванович ни славы, ни известности, ни богатства за свою жизнь не нажил, это был обыкновенный человек, каких миллионы. Но как знать, что с тобой будет, человеку не дано предугадать свою судьбу, тем не менее судьбы многих “простых” людей складываются ох как не просто! Ярким подтверждением этого могут служить некоторые моменты жизни Ивана Ивановича, опять-таки запечатленные в дошедших до меня документах.

Жили Кузнецовы в собственном доме на улице Дебринской, из окон была видна Волга, рядом —

Воскресенский храм, чуть выше на Муравьевке — гимназия, где учился Иван Иванович. Гимназию он закончил неплохо, на пятерки и четверки, а вот по математике было выведена оценка 3. Тем не менее он поехал в Москву и в 1915 году поступил на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета. В фонде МГУ до сих пор хранится личное дело студента Кузнецова И.И., где имеются документы: прошение о приеме в университет, аттестат зрелости, свидетельство о рождении, три фотографии, изготовленные в Костроме в фотографии Н. Куракина на ул. Русина-21, и сведения о прохождении курса учебы. Копии этих документов есть у меня. И еще сохранилась в Костроме книжечка в синем матерчатом переплете, которую я храню и иногда перелистываю. Называется она “Запись студента Императорского Московского университета физико-математического факультета Ивана Ивановича Кузнецова, поступившего в Мос. Университет в 1915 году”. Это зачетная книжка, где с 1915 по 1918 годы отмечены все сданные студентом Кузнецовым экзамены и зачеты. Оценки разные, от “удовлетворительно” до “весьма удовлетворительно”, но поражает то, у кого учился Иван Иванович.

Аналитическую геометрию читал Николай Николаевич Лузин, академик, основатель научной школы по теории функций. Помню, я в 1951 году учился по его учебникам. Общую химию преподавал Иван Александрович Каблуков, специалист по электрохимии неводных растворов, академик. Павел Карлович Штернберг читал

курс описательной и сферической астрономии. Тот самый, один из руководителей Октябрьского переворота, член РВС 2-й армии Восточного фронта в 1918 году, астроном и революционер, профессор МГУ и директор Московской обсерватории. Упражнения по механическим системам вел Сергей Александрович Чаплыгин, один из основоположников аэродинамики, который вместе с Н.Е. Жуковским основал Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ). Сам Николай Егорович Жуковский читал теорию чисел, механику точки, вел семинары по этим дисциплинам. Почетный академик АН СССР, основоположник аэродинамики и основатель ЦАГИ, он вместе с Дмитрием Федоровичем Егоровым, тоже почетным академиком, видным математиком, вошел в историю науки как “отец русской авиации”. Так Д.Ф. Егоров тоже преподавал на отделении, где учился Иван Иванович. И все они принимали зачеты у него, ставили оценки на экзаменах и... расписывались в соответствующей графе зачетной книжки (записи студента). Я вспоминаю, как покойный Игорь Дедков, увидев эту книжечку, с удивлением и восхищением произнес: “Вот это коллекция автографов!”

Разумеется, я назвал не всех преподавателей, учивших Ивана Ивановича в университете, но по крайней мере треть корифеев или будущих корифеев советской науки названо было.

Что еще известно о юных, ученических и студенческих годах Ивана Кузнецова? Сохранился билет второго класса пассажира парохода акционерного общества “Русь”, жаль только, что влага и время не позволяют прочитать название парохода. На нем гимназист Кузнецов совершил путешествие от Костромы до Астрахани и обратно летом 1916 года. Билет стоил 36 рублей в один конец со

скидкой 25%. Еще сохранилась групповая фотография молодых студентов-первокурсников МГУ, сделанная фирмой “Марс” (Москва).

Судя по зачетной книжке, в 1919 году Иван Иванович ушел из университета, не окончив его. Согласно архивной справке из Москвы от 19.04.82 года диплома об окончании университета Кузнецовым в делах архива не имеется, но есть увольнительный билет № 2166, выданный учетным отделом Костромского уездного комиссариата по военным делам и направленный в Московский универси-

Студент Иван Кузнецов.

тет. В билете значится: “На основании ст. 29 Д Пр. 1516 Колм. Град. Воен. госпит. 19 ноября 1919 г. № 3262 уволен вовсе”.

Точно расшифровать эту запись не удалось, но какой-то свет проливает на факт ухода Ивана Ивановича из университета почтовая открытка его сокурсника Бориса, датированная 7-ым апрелем 1919 года: “И письмо твое “объемистое” (если ты считаешь такие письма событиями), и плевков получены, и послано уже тебе бичующее, справедливо бичующее послание, и дай Боже, чтобы оно тебя “проняло”, а то что-то стал ты слишком самоуверен в суждениях. пора образумиться... Б.”

Очевидно, уход из университета был связан не только с болезнью, а с другими, неизвестными нам обстоятельствами, но и болезнь, судя по документам, имела место. С именем Борис мы еще встретимся в дальнейшем, а пока проследим, что же было дальше в жизни Ивана Ивановича.

Начиная с середины двадцатых годов по адресу “Кострома, Россия, улица Кооперации 51-1, к-ад И. Кузнецов” постоянно идут почтовые отправления, преимущественно открытки с изображением Лондона, Аусбурга, Мар дел Плата, Плайя Хира, из Лондона особенно много посланий, но в основном фигурируют три страны: Англия, Австрия и Аргентина. Все открытки написаны на языке эсперанто (был такой искусственный международный язык, изобретенный польским врачом Л. Земенгофом, и пик увлечения им в СССР падает именно на двадцатые годы, когда еще верили в мировую революцию — Б.Н.) Судя по текстам, Иван Иванович не на шутку увлекся этим языком, и переписка шла активно. Вот письмо из Аргентины: “Уважаемый товарищ! Уже несколько дней прошло, как я получил долго ожидаемые прекрасные открытки. Я от всего сердца благодарю Вас.

В моем народе Мар дел Плата есть мало эсперантистов, есть я сам и моя сестра тоже учит эсперанто. Я могу писать плохо, но начинаю понимать все. Я никогда не говорю по эсперанто. 20.1.29.”

Много почты идет из разных мест от активистки международного движения эсперантистов по имени Лилия. Из ее посланий можно понять и узнать некоторые факты жизни Ивана Ивановича в Костроме в те годы.

“11.6.29. Уважаемый товарищ!

Я сейчас продолжаю находиться в Германии и провела счастливые дни. О сигаретах, в которых Вы нуждаетесь, я позабо-

чусь, когда вернусь. Я надеюсь, что Вы хорошо провели отпуск, отдохнули и чувствуете себя здоровым.

Привет. Лилия”

“Уважаемый товарищ!

Я благодарю за Вашу почтовую карточку. спасибо. Члены САТ в западном Лондоне основали группу, мы собираемся каждый вторник вечером, и наша цель есть распространение эсперанто. Как казначей и секретарь группы я несколько занята. К сожалению, британское радио не передает эсперанто-уроки.

Я такого же возраста, как Вы”. (Письмо из Лондона).

“Дорогой друг!

Я нашла Ваше письмо дома после возвращения из Парижа, где я провела пасхальные каникулы (5 дней). Здесь проходило ежегодное собрание и праздник Французской рабочей эсперанто-ассоциации. Я была с САТ-другом и очень наслаждалась нахождением в Париже, но, к сожалению, погода была ужасно холодная, дождливая и даже шел снег.

Я очень сочувствую по поводу смерти твоей дорогой матери. Вы, без сомнения, провели очень несчастное время (как и Ваш отец). Хорошо, что он может хозяйничать и делать домашние дела, это психически (духовно) поддерживает. Мой отец тоже занимается домашними делами, и есть мало чего, что он не может делать. Я также сожалею о сложностях Вашей работы. Надеюсь, дела скоро улучшатся. Извините, что не пишу подробное письмо, но накопилось много дел, которые должны быть сделаны сейчас относительно конгресса. Эту работу я делаю с помощью своих товарищей. Также жилищные дела очень сложны, потому что английские власти не очень интересуются эсперанто, но я надеюсь, что мы победим все. Достаточно большое число членов из СССР заявили об участии

Студенты математического отделения.
Иван Кузнецов — в верхнем ряду
в центре. 1915 г.

в конгрессе, но о их приезде ничего нельзя сказать. Современная регистратура верна капиталистическому классу и боится влияния СССР на дух британского пролетариата.

Сердечный привет по поводу 1 мая от вашей подруги Лилии.”

Этот текст написан на открытке с видом Лондона с тюрьмой Тауэр на заднем плане.

Из этих посланий можно сказать только то, что дела у Ивана Ивановича шли не блестяще, хотя есть данные, что он в эти годы преподавал математику в Совпартишколе, и даже сохранилась фотография его группы. Затем он работал в плановом отделе фабрики обуви “X-й Октябрь”.

16 января 1934 года подали вести друга из Москвы, однокашник по университету Борис и его семейство. Может быть, письма от него были и раньше, я не знаю. Но это письмо удивительно передает настроение счастливого человека, гражданина страны в тридцатые годы.

“Какой сегодня день!!!

Ванька мой хороший, ленивая неисправимая клячка! Я бросаю сегодня все накопившееся за период нашего молчания и пишу только о сегодняшних событиях! 1) Мою Наденьку освободили от (нрзб) с переводом на должность секретаря месткома (по профсоюзной линии). Прощай, “долина смерти”, однообразное житье, усталость. Мы пляшем от большой радости! 2) Мой “нареченный” сынок принес табель успеваемости со сплошными “хор” и “оч.хор.”, (нрзб) за поведение. 3) Получил приглашение от Ксении Дубницкой на вечер, посвященный встрече старых студенческих товарищей (разрыв в связях 10-тилетний). 4) Предстоит штепресная большая работа в КИЖ (Ком.ин-т журналистики) по оформлению выставки политотдела печати. Я полон и окрылен самыми разнообразными возможностями. Порадуйся за нас, милый, и напиши. После 25/1 я сажусь за подробный отчет тебе.

Борис.”

Как дальше складывалась жизнь и судьба Ивана Кузнецова и его друга Бориса, я не знаю. Они родились в годы, когда их судьбы переплелись с войнами и революциями, детьми “страшных лет России” назвал Александр Блок это поколение, и тридцатые годы сделали судьбы многих еще страшнее. Не каждому было дано пережить все, что выпало на долю ровесников XX века, не хватало и сил, и воли, не каждому дано было судьбой закончить путь на земле в мире, здоровье и душевном спокойствии. Но какая бы ни была жизнь у того же Ивана Ивановича, это была его жизнь, его судьба. И ни одну из человеческих судеб нельзя забыть, вычеркнуть из общей судьбы человечества, из ее истории, потому что тогда она будет неполной. Это главная причина, побудившая рассказать о том, что мне стало известно о человеке с именем Иван Иванович Кузнецов.

ТРУХИНЫ ИЗ УСАДЬБЫ ПАНИКАРПОВО

СЕМЬЯ

Усадьба Паникарпово на речке Паникарповке. Еще одно заброшенное "дворянское гнездо", которыми некогда была так богата костромская земля. Старый одноэтажный деревянный с мезонином дом, выстроенный в 40-х гг. XIX в., ветшает. За домом — чудесный липовый парк. Он старше дома и помнит тех, кто жил здесь в конце XVIII — начале XIX вв.: костромского дворянина, надворного советника Алексея Ивановича Скрипицина и сына его подполковника Александра, выстроившего рядом с усадьбой в селе Шахово в 1807 г. двухэтажную каменную церковь, оставив тем самым по себе благодарную память потомкам. (1) Поколение за поколением берегли, отстраивали и украшали шаховский храм. За особое усердие к церкви и стойкость в вере Шахово в 30-х гг. нашего века получило прочное название "церковного контрреволюционного гнезда". (2) Весь церковный актив был выслан в тюрьмы и лагеря, но все же церковь жила. Окончательно ее закрыли и разрушили уже в начале 1960-х гг., да так, что вряд ли найдется Божья душа, способная ее восстановить. (3)

В церковной ограде долгое время сохранялись могилы генерал-майора Ивана Моисеевича Бычинского и его детей Николая и Юлии, в замужестве Трухиной. (4) Они вместе с сестрой Еленой Бегичевой владели усадьбой перед самой отменой крепостного права.

Юлия Ивановна и Алексей Николаевич Трухин, прослуживший "беспорочно" 25 лет и вышедший в отставку в чине полковника, передали Паникарпово по наследству сыну Ивану, родившемуся в 1858 г. (5)

Иван Алексеевич Трухин служил в Первой гренадерской Его Королевского Высочества принца Карла Прусского артиллерийской бригаде. Будучи поручиком, 23 лет он женил-

Ведущий научный сотрудник Костромского государственного архива Татьяна Васильевна Войтюк — автор серии интересных публикаций по родословию известных костромских фамилий, историк "дворянских гнезд" губернии.

ся на дочери потомственного дворянина Сергея Яковлевича Трегубова Надежде. Невесте было 18 лет. Венчание состоялось в Ахтырской церкви села Ахтырки Дмитровского уезда. (6) Очевидно, не имея склонности к военной службе, 29 лет Иван Алексеевич вышел в отставку в чине штабс-капитана и в 1887 г. поселился в Костроме. (7) И.А. Трухин играл довольно значительную роль в общественной жизни Костромы: в 1892-1905 гг. исполнял должность земского начальника Костромского уезда, к 1911 г. имел чин действительного статского советника, с 1913 г. был непременным членом Костромского губернского присутствия. (8) В семье подрастали сыновья Сергей, Иван, Федор и дочь Мария.

Дом Трухиных в Костроме был открытым, хлебосольным. По зимам устраивались Рождественские елки

для детворы, собирались гимназисты, друзья и соученики старшего сына Ивана, а позднее младшего Федора по 1 классической гимназии. Один из соучеников Ивана Трухина на склоне лет вспоминал: "Из других знакомых, часто бывавших у Юнгмейстер, я знал... очень интеллигентное семейство Трухиных. Сам Иван Алексеевич был солидный, с длинными усами мужчина, занимавший какой-то высокий пост. Жена его Надежда Сергеевна — очень гостеприимная и добродушная дама (высокого роста). Были у них дети, из которых в старшем классе гимназии учился старший Иван, был еще студент Сергей. У Трухиных я бывал в Масленицу на блинах да однажды на елке. Помню, что хорошая и богатая была у них елка. Много было гостей, много было подарков!" (9)

Усадьбу Паникарпово, при которой было 715 десятин земли, Трухины использовали не только как летнюю дачу, а пытались в ней наладить хозяйство: часть земли сдавали в аренду, часть использовали для устройства товарной молочной фермы, дававшей неплохой доход. (10) Надежда Сергеевна Трухина была очень предприимчивой и рачительной хозяйкой.

Часть земли в начале века была продана Трухиными костромскому вице-губернатору В.Л. Гуссаковскому. (11) Рядом со старым усадебным домом вырос новый. Семьи Гуссаковских и Трухиных дружили, дети росли вместе, обживая старый парк, шаховские поля и леса. Александр Гуссаковский учился вместе с Федором Трухиным в Костромской классической гимназии, Валентина Гуссаковская в детстве считалась нареченной Федора Трухина. Об этом времени, казавшемся таким спокойным и устойчивым, прекрасно написала в повести "Персиковая коробка" дочь Валентины Гуссаковской (1902-1987) Ольга, познакомив с ней читателей журнала "Губернс-

кий дом”: “Мама вспоминала, что именно в последний наезд в Паникарпово летом четырнадцатого года Федя (Трухин — Т.В.), сидевший рядом с кучером, так его рассмешил, что тот свалился с козел (...) Федя же придумал и название для их общей детской страны — Панголия, где, конечно же, обитали панголины (...) Похоже, стран, подобных Панголии, существовало в книжном мире тогдашних интеллигентных подростков множество. Воля и воображение, взнузданное жестким этикетом, искали выход в безудержном фантазерстве”. (12)

Из интервью с О.Н. Гуссаковской, 18 октября 1997 г.:

“Что мне известно из рассказов мамы и деда о Федоре Трухине? В детстве его называли золотой мальчик. Называли так потому, что ему была дана удивительная гармоничность личности. Он обладал большим умом, обаянием, редким чувством юмора и редким умением ладить с людьми (...)

Гимназисты ссорились из-за права дружбы с ним. Он был, конечно, очень неординарным человеком — человеком, имевшим от природы положительный заряд. У него было огромное чувство юмора и солнечное отношение ко всему”. (13)

Будущее было неведомым, а потому казалось прекрасным. Да вряд ли и возможно было предположить ту судьбу, которая выпала на долю умного, обаятельного, ироничного Федора Ивановича Трухина (1896-1946), которого навсегда, казалось бы, заклеямили как “власовского генерала”, изменника Родины и немецкого приспешника.

Граница между “нынешним веком и веком минувшим” пролегла не столько во времени, сколько в сознании людей. Не миновала она и семейство Трухиных. Глава семьи Иван Алексеевич, согласно справочнику участников антисоветских партий, был правых или умеренно правых взглядов. (14) Забегая вперед, скажем, что за это, а также за то, что до революции был “крупным землевладельцем”, он в 1926 г. был лишен избирательных прав и, согласно справке адресного стола г. Костромы, 21 декабря 1929 г. выбыл в Москву, имея более 70 лет от роду. (15) Старший сын Трухиных — Иван — не принял революцию и в 1918 г. стал организатором и руководителем “контрреволюционного” крестьянского восстания, охватившего несколько волостей Костромского уезда. В журнале следственной комиссии Губревтрибунала “о контрреволюционных

действиях гр. Ивана Ивановича Трухина в Белореченской волости Костромского уезда” записано, что дело против него было возбуждено 11 июня 1918 г., 11 сентября “направлено в трибунал для приостановления впредь до розыска обвиняемого”, а позднее окончено. (16) Скрывали Ивана Трухина бывшие дворовые, крестьяне Кузьма и Гсоргий Беляковы, получившие в 1932 г. срок в том числе и за это. (17)

Второй сын Сергей, будучи студентом, в 1905 г. был привлечен к “формальному дознанию” Костромским губернским жандармским управлением за антиправительственную деятельность, и в 1913 г. ему было объявлено, что особый надзор за ним прекращен. Дальнейшая судьба его неизвестна. (18)

Однако далек всех в поисках истины пошел младший сын Федор. Он был участником революционного тайного гимназического кружка.

Из интервью с О.Н. Гуссаковской:

“Мамин брат Александр Гуссаковский и Федор Трухин состояли в революционном кружке на Нижней Дебре, о котором довольно подробно рассказал в романе “На Нижней Дебре” Всеволод Иванов. Они ушли в революцию. Они хотели делать революцию. Это было убеждение, а не попытка как-то приспособиться к новой жизни. Но, очевидно, разочарование пришло слишком рано. Выхода не было. Выход оказался в армии у Власова”.

КРАСНЫЙ КОМАНДИР

После окончания костромской гимназии Федор Трухин поступил в Московский университет и к 1916 г. окончил 2 курса юридического факультета и 2-ю Московскую школу прапорщиков. Шла Первая мировая война. Последний чин Федора Трухина в Русской армии — прапорщик, выборный командир батальона 181-го пехотного полка Юго-Западного фронта, а с 1918 по 1921 гг. он в составе уже Красной армии принимал участие в боях с петлюровцами, поляками и различными повстанческими отрядами.

Усадьба Трухиных в Паникарпово. Фото А. Гуссаковского. 1908 г.

стремительно продвигаясь в должностях: командир роты, батальона, полка. Окончив в 1925 г. Военную Академию РККА, а в 1936 г. Академию Генерального штаба, Ф.И. Трухин в 1932 г. возглавил кафедру методики боевой подготовки Военной Академии им. М.В. Фрунзе, а позднее преподавал оперативное искусство слушателям Академии Генерального Штаба. Начало Второй мировой войны Федор Иванович Трухин встретил в должности заместителя начальника штаба и начальника оперативного отдела Прибалтийского военного округа. (19)

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР

“Совет Народных Комиссаров Союза ССР Постановляет: Утвердить предложение Правительственной Комиссии о присвоении лицам высшего начальствующего состава Красной Армии воинских званий, установленных Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 7 мая 1940 года.

XIII.

Присвоить звание генерал-майора:

69. Власову Андрею Андреевичу
414. Трухину Федору Ивановичу
Председатель СНК В. Молотов
Москва. Кремль. 4 июня 1940 г.”
(20)

Так судьба впервые столкнула, пока на бумаге, Андрея Андреевича Власова и Федора Ивановича Трухина, нижегородского крестьянина и костромского потомственного дворянина. Позднее имена их свяжутся воедино, переплетутся судьбы, вплоть до смертного часа в Бутырской тюрьме. Они разделят вместе проклятие и презрение одних и благодарность, преданность, восхищение других.

Из интервью с О.Н. Гуссаковской:

“Революция разметала наши семьи. Когда Федор Трухин появился на горизонте нашей семьи уже в качестве красного командира, это был совсем другой человек. Он внутренне изменился, стал замкнутым, пастороженым. А как иначе? Вокруг одни аресты. Отлично

зная свое происхождение, он всегда ожидал той же участи. Он был отличным “военспецом”, но это никого и ни от чего не спасало. Он был в безвыходном положении. Он ни с кем не общался и не открывался, сузил круг своих знакомств.

Мне случайно удалось стать свидетельницей разговора его с матерью. Опять же случайно заговорили они по-русски, а не по-французски, что чаще бывало. Даже я, маленький ребенок, поняла безысходность его положения (...)

Он приезжал в Кострому перед войной. Я помню разговоры о том, что он на какое-то время перевез сюда свою семью. Они жили на ул. Лавровской, в деревянном доме возле церкви. Какова их дальнейшая судьба, мне неизвестно”.

Дело Тухачевского Федора Трухина не коснулось, и к началу войны он занимал пост заместителя начальника штаба Прибалтийского военного округа. Штаб располагался в Риге.

Из воспоминаний Дмитрия Александровича Левицкого, секретаря В.Ф. Малышкина, генерал-майора, сподвижника А.А. Власова:

“Я помню, как Трухин мне рассказывал, что, будучи заместителем начальника штаба Прибалтийского военного округа генерал-лейтенанта Кузнецова, он за два дня до начала войны ездил вместе с ним на линию границы с Германией. Они осматривали аэродромы и тому подобное. Трухин с горечью говорил о том, что генерал-лейтенант Кузнецов ничего не знал о том, что война близко и что армия к этой войне практически не готова.

Вообще же, высокий, представительный, с военной выправкой, настоящий русский офицер, очень патриотичный и очень антисоветский, Трухин имел большое гражданское мужество и отличался от всех других власовских генералов большой замкнутостью и сдержанностью, а также тем, что не был самолюбив”. (21)

Уже самые первые дни войны переломили судьбу генерала Трухи-

на пополам: 28 июня 1941 г. он был ранен и попал в плен, 6 октября 1941 г. приказом Главного управления командования НКО СССР за № 090 был исключен из списков Красной Армии. (22)

ПОРАЖЕНЧЕСТВО

Родина не жаловала своих детей: попавшие в плен автоматически становились “изменниками родины”. Им не приходилось рассчитывать даже на помощь международного Красного Креста, так как Советское правительство не подписало Женевскую конвенцию 1929 г. и “взнос” в Красный Крест не платило. Советские военнопленные и “остарбайтеры” оказались в лагерях в самом тяжелом положении.

Из воспоминаний Александра Семеновича Назарца, бывшего одесского архитектора, офицера РОА, гражданина Америки:

“Не стану описывать жуть двухлетнего пребывания в плену, в лагере, за колючей проволокой и пулеметными вышками. Неотступные, преследующие днем и ночью вши и клопы, голод, холод или удущье летом в тесных бараках, злой, враждебный, обозленный режим против “сталинистов”, какими нас считали. (...) Мы были для них нелюдьми, “унтерменьшами”, носителями грозных микробов “бешенства коммунизма”. (...)

Коричневая лавина Третьего Рейха все больше заливала территории нашей бывшей Родины, где остались наши жены, дети, родные и друзья. Это не могло радовать здравомыслящего обитателя России. Но успехи Красной Армии не меньше удручали: четверть века господствующее в стране рабовладельчество не могло не утопить даже самого нетребовательного обитателя СССР! (...)

С коммунистической красной чумой московских заправил счеты были сведены. Ставаясь в плен массовыми соединениями, по сто и пятьсот тысяч бойцов под Харьковом, Минском и Киевом, русские солдаты Красной Армии выносили смертный приговор ненавистному режиму Сталина. (...)

Коробовские крестьяне-белопашцы в дни празднования 300-летия Дома Романовых.
В центре — председатель уездного земства И.А. Трухин и губернатор П.П. Стремouxов. Май 1913 г.

Шли эти люди из немецких лагерей-клоповников в РОА не на сладкие калачи и не ради "родных российских березок ностальгии", а шли на смерть, чтобы своей грудью солдата освободить родных отцов, матерей, братьев и сестер из сталинского Красного ада, в сердце которых четверть века забивался осиновый кол. (...)" (23)

Все это прошел и Федор Иванович Трухин. Из лагеря Шталурене он попал в лагерь Хаммельбург, затем в Вааль. В октябре 1941 г. он дал согласие работать против Советской власти, предложив сформировать союзную Германии Русскую армию. С октября 1942 г. Трухин становится членом Народно-Трудового Союза, сформированного в 1930 г. в Белграде на съезде представителей молодежных и студенческих организаций российского зарубежья, поставивше-

го своей целью создание народно-трудового, демократического строя в России и борьбу с ленинско-сталинской диктатурой. (24, 25)

"Остарбайтеры", военнопленные, старая русская эмиграция в годы войны разделились на "оборонцев" и "пораженцев". Были эти течения и в Советском Союзе. Первые считали, что в схватке между Гитлером и Сталиным самое главное — победить Германию, а после победоносной войны, рассуждали "оборонцы", власть неизбежно должна будет пойти на уступки: распустить колхозы, ввести новый нэп, прекратить террор, поэтому пока что нужно поддерживать власть.

Иначе думали "пораженцы". Самое важное, говорили они, — это свергнуть сталинскую диктатуру, а, освободившись от своего тирана, народ справится с иноземными завое-

вателями: коммунистическая диктатура убивает душу народа. Наоборот, иностранное нашествие в истории России всегда приводило к духовному подъему, к беспримерному героизму и, в конечном итоге, к поражению противника, поэтому пока что нужно поддерживать немцев. (26)

Но была и третья позиция — позиция НТС: "Ни со Сталиным, ни с Гитлером, а с нашим народом". Члены Народно-Трудового Союза считали, что и Сталин, и Гитлер принесли России море слез и страданий, нужна третья сила — народная.

И хотя эта позиция ставила НТС прямо между молотом и наковальней (члены НТС одинаково гибли и в сталинских застенках, и в тюрьмах Гестапо), она одна лишь виделась им как морально допустимая.

Историки, изучавшие Российское Освободительное движение и исто-

рию создания Российской Освободительной Армии, достаточно убедительно показали антисталинскую природу этих явлений, их антибольшевистский характер. Написаны книги и воспоминания о том, что участники Российского Освободительного Движения не сразу поняли истинную природу нацизма, а надежды на то, что они смогут объяснить свои взгляды и действия мировым державам — Великобритании и США, оказались утопией. (27)

Встает, однако, и другой вопрос. Только ли русские, оказавшиеся за рубежом, надеялись на то, что "запад нам поможет?" Была ли внутри самой страны поддержка этому движению и "пораженческие" настроения, и насколько они были сильны?

Документы неопровержимо свидетельствуют о том, что надежда на помощь иностранных держав в борьбе с большевистской диктатурой была, и особенно сильны эти настроения были в 1929-32 гг. среди крестьянства, доведенного до отчаяния коллективизацией и нарушением единичного хозяйства.

СЕЛО ШАХОВО

Федор Иванович Трухин в плену пришел к мысли, что война может привести к падению сталинской диктатуры и большевизма в России. Жители села Шахова, малой родины, на которой прошли его детство и юность, бывшие дворовые и крестьяне Трухиных, священники, кулачество и торговцы думали так же, как Трухин, не покидая пределы своего села.

Следственные документы по делу о "группировке церковников и кулачества", "антисоветской агитации и развале колхоза" в селе Шахове дают возможность услышать народные голоса, полные отчаяния и безысходности.

Уступалов Флегонт Иванович, церковный староста, зажиточный крестьянин: "*Скоро будет конец света, будет война и колхозников всех перевернут. Япония обязательно объявит войну Советской власти. Советская власть не сумеет воевать, да и воевать-то никто не пойдет,*

Генерал Ф.И. Трухин. 1944 г.

и идти на войну у нас не с чем, нет у нас ни хлеба, ни обмундирования, ни оружия". (1931 г.) (28)

Невская Александра Адольфовна, лишенка-кулачка: "*Зачем вы вступили в колхоз? Напрасно, скоро война будет, Советскую власть сшибут и все колхозы нарушатся".* (1931 г.) (29)

Беляков Кузьма, зажиточный крестьянин: "*Коммунисты — сволочи, дерут последнюю шкуру, налоги стали непосильны, наконец лопнет терпение у крестьян, война будет — крестьяне пойдут против коммунистов, как было раньше — спихнули царя, — так и теперь может получиться. Война будет, так иностранцы нам помогут".* (1931 г.) (30)

Эти высказывания не единичны, их множество. И дело это отнюдь не уникально. Подобные дела можно отнести к массовой документации.

ВЛАСОВСКИЙ ГЕНЕРАЛ

В феврале 1943 г. при встрече с Виктором Михайловичем Байдалаковым, одним из руководителей НТС, Ф.И. Трухин познакомился лично с генералом Власовым, установившим к тому времени контакты с немецкими антинацистами и с теми оппозиционными кругами среди немецкого офицерства (будущие авторы заговора 20 июля и покушения на Гитлера), которые искали возможность придать войне политический характер борьбы с коммунизмом.

К тому времени Власов выразил готовность возглавить Российское Освободительное Движение и Российскую Освободительную Армию. Две дивизии были готовы, но свое оружие немцы не спешили употребить на Освобождение России, они перебросили армию генерала Власова с Восточного фронта на Запад, что совсем не входило в программу Освобождения. История показала, что надежды генерала Власова не оправдались. Заговор 20 июля не удался, и большинство союзников Власова в антигитлеровских кругах немецкой армии было казнено или потеряло всякое влияние. Даже на пороге крушения Германии Гитлер не решился развязать Власову руки. В 1943 г. в местечке Дабендорф появились курсы пропагандистов Освободительного Движения, которые возглавил Ф.И. Трухин. С августа 1943 г. по октябрь 1944 г. он организовал 12 выпусков офицерских курсов для будущих Военных сил Комитета Освобождения народов России (ВС КОНР), которые он фактически организовал и создал, являясь начальником штаба генерал-лейтенанта А.А. Власова.

Для многих армия Власова была единственной соломинкой, способной удержать и дать возможность жить. Так или иначе, были спасены от смерти десятки тысяч человек, которым надеяться было уже не на что. Многие из тех, кому посчастливилось выжить, вспоминали имя Ф.И. Трухина с благодарностью: "*В первые дни душа большинства людей, попадавших в лагеря РОА, напоминала напуганного, свернувшегося ежа... Человек держал свою душу застегнутой на все пуговицы и в каждом собеседнике подозревал провокатора и доносчика... Школа всегда вспоминается с любовным чувством ее питомцами. В создании благоприятной атмосферы переубеждения людей исключительная заслуга принадлежала генерал-майору Трухину. Ежедневно он принимал десятки людей — преподавателей и курсантов, — приходивших с докладами, вопросами и подчас с кляузами и доносами..."* (31)

Формирование Комитета Освобождения Народов России, создание двух дивизий, подготовка Пражского Манифеста КОНР, под которым подписался бы сегодня любой демократ, вовлекли Ф.И. Трухина в напряженную работу. По свидетельству современников, генерал Власов и его соратники рассчитывали на то, что Англия и США “с ходу” перейдут от войны с тоталитарной Германией к войне с тоталитарным СССР. В этом состоял единственный шанс на освобождение родины от сталинской диктатуры. В этом состоял и единственный шанс Российского Освободительного Движения. Об этом совершенно открыто говорили в тесном кругу Ф.И. Трухина в Хойберге, предместье Берлина, где он формировал вторую дивизию РОА. (32)

Однако страшная история репатриации русских и советских граждан свидетельствует о том, что союзники не понимали и не хотели понимать тех русских, которые боролись против сталинской диктатуры. Два миллиона военнопленных, казаков, офицеров старой царской армии, “остарбайтеров”, были выданы Сталину на расправу. Эти выдачи имели место в Англии, США, Италии, Дании, Франции, Германии. Это жуткая быль XX века, о которой на западе не вспоминают, так как союзники имели представление о том, какая участь уготована этим людям в СССР. (33)

Никто не любит вспоминать и о том, что освобождение советскими войсками Праги в мае 1945 г. — не более чем миф. За то, что 22 тысячи бойцов армии Власова освободили Прагу, благодарные “братья по крови” передали их в руки СМЕРШа, а американцы не позволили им перейти в свою зону и посоветовали сдать советским войскам. Был передан в руки СМЕРШа и Ф.И. Трухин. А.С. Назарец в письме ко мне в июле 1996 г. писал: “Выдачи наших первых “борцов за перестройку”, воинов РОА, на пытки СМЕРШу в полтора миллиона голов по воле трех политических злодеев Ялты в 1945 г. обязали меня писать правдиво. Я был в их числе и простить не в силах.

Вы спрашиваете меня о судьбе Вашего земляка, а моего бывшего начальника и экзаменатора генерала Федора Ивановича Трухина? Пошлю Вам 7 штук “зерок” фотографий его для дальних родственников, если они там, в Костроме. Это был честнейший борец за Освобождение Люда от узурпатора Сталина и его клики. В 1945 г. он после помощи чешским партизанам и освобождения Праги от фашистов был чехами выдан советскому СМЕРШу, вывезен в Москву и повешен на крюке бойни вместе с десятком другими генералами армии Власова. Он у нас в полку преподавал “этику офицера”... Это был офицер-аристократ. Американский адмирал Аллан Керк сказал в 1952 г.: “Придет время, когда в России поставят памятники таким борцам за Свободу, как Власов и Трухин!”

На суде Ф.И. Трухин виновным себя не признал и от своих убеждений не отрекся. Он был уверен, что придет время и народ помянет его добром. Он был одним из тех, чье мужество не позволило провести открытый судебный процесс.

Ф.И. Трухин был повешен в ночь на 1 августа 1946 г. в Бутырской тюрьме и, по некоторым данным, похоронен на Донском кладбище вместе с другими казненными власовцами.

Вот и вся история о костромском дворянине, наследнике усадьбы Паникарпово, раскинувшейся живописно вдоль речки Паникарповки рядом с селом Шахово Судиславского района. История, в которую вместились все лихолетье России. Если и были иллюзии у Федора Ивановича Трухина, то он своей кровью заплатил за них, при этом спасая сотни тысяч русских людей от голодного плена и неминуемой гибели. Эта история до сих пор живет в наших домах, вызывая споры, потому что война до сих пор болит в сердцах людей и нет в России дома, которого она не коснулась бы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГАКО. Ф. 138. Оп. 27. Л. 435. Л. 6-7.
2. Там же. Р. 1100. Оп. 1. Д. 7.
3. Воспоминания А.Ф. Войкиной, жительницы с. Шахова Судиславского р-на, 1908 г.р. Запись Т.В. Войтюк. 06.07.96 г.

4. Смирнов Ю.В. Судиславль и его окрестности. Кострома. 1992. С. 118.

5. ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 6735. Л. 20 об. Источник указан сотрудницей ГАКО А. Седых.

6. Там же. Оп. 2. Д. 402.

7. Там же. Оп. 1. Д. 7448; 6735.

8. Справочные календари по г. Костроме и Костромской губернии за 1892-1905 гг. ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 9056; Ф. 161. Оп. 1. Д. 426.

9. Успенский Л.Н. Город Кострома и моя жизнь в Костроме. Воспоминания. Рукопись. Ветлужский краеведческий музей. Копия в архиве автора. С. 27.

10. ГАКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 426.

11. Гуссаковская О.Н. Персикова коробка // Губернский дом. 1994. № 4. С. 59.

12. Там же. С. 60.

13. Интервью с О.Н. Гуссаковской. Запись Т.В. Войтюк. 18.10.1997 г. Кострома

14. ГАКО. Список-справочник № 1 на участников советских партий умеренных правых и правых по архивным материалам ГАКО. 1945 г.

15. ГАКО. Список лиц, лишенных избирательных прав по г. Костроме за 1926 г.; общая картотека лишенных избирательных прав с уточнением по адресному столу.

16. ГАКО. Р. 1269. Оп. 2. Д. 612. Л. 135-об.

17. Там же. Р. 1100. Оп. 1. Д. 7. Л. 234-235.

18. Там же. Картотека Костромского губернского жандармского управления.

19. Трушкович Я.А. Русские в Югославии и Германии, 1941-1945 // Новый часовой. 1994. № 2. С. 169-170. (Далее — Трушкович)

20. О присвоении воинских званий высшему начальствующему составу Красной Армии // Красная Звезда. 1940. 6-7 июня.

21. Воспоминания Д.А. Левицкого, эмигранта из Риги, кандидата в КОНР, секретаря В.Ф. Малышкина. Запись Т.В. Войтюк. 26.04.96. Вашингтон.

22. Трушкович. Указ соч.

23. Назарец А.С. Прелюд Шопена. Воспоминания. Рукопись. Кливленд. 1987. С. 9-11. Копия в архиве автора.

24. Трушкович. Указ соч.

25. На службе России. НТС. Франкфурт. 1978. С. 5, 17.

26. Там же. С. 23-24.

27. Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение // Странник. М., 1993 г.; Николаевский Б.И. Пораженчество 1941-45 гг. и ген. А.А. Власов / Новый журнал. 1948. Т. XVIII. С. 209-234; Т. XIX. С. 211-247.

28. ГАКО. Р. 1100. Оп. 1. Д. 7. Л. 230.

29. Там же. С. 231.

30. Там же. С. 235.

31. Шатов М.В. Материалы и документы ОДНР в годы 2 Мировой войны. Нью-Йорк. 1966. Т. 2. С. 27-28.

32. Там же. С. 154.

33. Науменко В.Г. Великое предательство. Нью-Йорк. 1970.

УЛИЦЫ ГУБЕРНСКОЙ КОСТРОМЫ

Из года в год, как только город обсыхал от зимне-всенней грязи, тотчас оживлялась самая разнообразная деятельность горожан. В хорошо прогретые, подчищенные дворниками улицы и площади приходили малочисленные группы мастеровых людей, ставили огородки-рогатки месту своей деятельности, и, спустя некоторое время, по городу разносился дружный каменно-металлический стук молотков особой стали. Начиная сезон замощений, ремонтов, поправок городских мостовых. Картина обывателям была столь привычна, что они равнодушно взирали на действия мастеровых.

Подле "дела" лежали кучи песка и специального разносортного камня. Иногда предприятие в темное время суток освещалось: к огородам должно было подвешивать керосиновые фонари, с тем чтобы какой-либо зазевавшийся или подвыпивший прохожий не имел неприятностей и извозчика-лихача отвести от беды. Впрочем, о фонарях мастеровой люд обыкновенно забывал: фонарь — устройство затратное, авось обойдется.

Вечерами сколь угодно долго мостовщики работать не могли: отдыхающий обыватель раздражался от работного стука. Весьма часто в отсутствие мастеров их пространство занимала детвора, по-своему употребляя и камни, и песок. Ремонтные и мостовые работы проводились одновременно в разных улицах — островков для игр детишкам хватало вполне.

Чтобы составить некоторое представление о состоянии жизненных артерий города в начале века, приведем весьма точные короткие фрагменты выступлений отцов города — гласных городской думы: "две трети городских улиц являются незамощенными с значительно изменяющимися поверхностями, в других "царит не покрытая мостовой непролазная грязь", в третьих — "ни проходу, ни проезду".

Дороги Костромы всегда были стародавней и неизлечимой болез-

Краеведу и фотокolleкционеру Андрею Александровичу Анохину журнал обязан своим названием, а также множеством ценных исторических фотографий и материалами о бытовой стороне жизни старой Костромы.

нью города с той лишь разницей, что степень страданий в разную пору имела разную силу, но не затихала никогда.

В начале нашего столетия устройство новых мостовых производилось из "общих городских средств", а "содержание мостовых, тротуаров и вообще улиц" составляло натуральную повинность домовладельцев. "Общие городские средства" были столь малы, что, бывало, и по два года подряд "замощения за неимением средств не проводилось", а дорожная деятельность городского управления выражалась в перестилках, поправках, ремонтных работах существующих.

Дорожный недуг, наряду с другими столь же неотложными болезнями, из года в год разбирался в думских заседаниях, гласные ломали головы, изыскивая дорожные средства. Кое-что "наскребали по сусекам" и в

спорах распределяли эти малости, в спорах же устанавливали очередность замощений. Более всего кроили из "запасных капиталов", и всякий раз последними нумерами в очередности оказывались окраинные улицы — действовал принцип нужности улицы в деловом отношении.

Состоятельная часть горожан — купцов, предпринимателей, промышленников, — желая облагородить улицы, в которых они жили, устраивали мостовые на собственные средства. Благодаря им, едва ли не все улицы (фабричного района "окаменели". Промышленники, случалось, не отказывали в займах городу на дорожное дело.

Улицы губернской Костромы имели четыре вида дорожного покрытия: мостовые, смешанные, грунтовые и земляные, а проще говоря, никакие. Дороги со смешанным покрытием — это когда половина полотна — мостовая, другая — грунтовая.

Устройство дорог всегда было делом дорогостоящим, числилось в разряде особо затратных, но и выгодных, конечно, для предпринимателей. Собственной дорожной службы город не имел, однако вел ремонтные работы, и занимались этим служащие из городского рабочего обоза. Они поддерживали исправность дорог, тротуаров, съездов к пристаням, чистили придорожные лотки и каналы. В городе существовало несколько довольно сильных фирм, которые жили получением подрядов на устройство новых дорог от города, который сдавал их с торгов. Самому городу приходилось тратиться на нивелировку, осушение, подготовку будущих мостовых. Иногда часть этих работ подрядчик принимал на себя.

На торгах подряд захватывал тот предприниматель, что давал "крайнюю цену". Цена же назначалась от местоположения в городе и разни-

лась подчас весьма существенно. В 1905 году, например, стоимость работ была такой: “За замощение Рукавишниковской (Осыпная) улицы — 3 руб. 90 коп. с квадратной сажени (4,5 кв.м) из своего материала с нивелировкой, Ильинской (Чайковского) улицы — 3 руб. 35 к., подъезда на пристанских участках — 4 руб. 40 к., за перестилку (в разных городских местах) — 40 коп. с квадратной сажени с материалом от города”. Стоимость бульжного камня в зависимости от сорта была от 20 до 25 руб. за кубическую сажень (9,66 куб.м). Если при надобности ранее замощенный участок улицы или площади подвергался разломке для новоустройства, то выбранный мостовой камень употреблялся для новых мощений или шел в ремонтные работы, оставшуюся часть обращали к продаже.

В Костроме в начале века улицы мостили обычным российским способом: по подготовленной земельной поверхности выкладывалась постель из песка толщиной не менее 17 см. Затем на песок особым способом укладывалась каменная масса. После утрамбовки каменная выстилка укатывалась катком. У рабочих из городского обоза было несколько катков, один из которых был чугунный “весом 24 п. 5 ф. (385 кг)”. Затем вся поверхность засыпалась мелким битым камнем, вновь укатывалась, и

ПРОДАЕТСЯ БУЛЬЖНИКЪ

веколотый: уголь Пятацкой и
Верхне Набережной улицы № 1—14,
1686—2

последнее — вся поверхность засыпалась хрящом (сорт песка). В Костроме в мостовом деле применялся средней крупности необтесанный бульжник размером не более трех вершков (13,3 см).

От общения с городскими мостовыми страдал не только пеший обыватель — так неуклюжи и дурны были их поверхности, — но и колесная езда в пролетке была далекой от удовольствия. Среди немногих достоинств улиц, одетых в камень, была все-таки прочная поверхность, где грязи поменьше и в летнюю пору не так пыльно.

Относительно городских мостовых местный журналист писал в 1911 году, что если бы ему пришлось быть гидом, то он показал бы гостям в качестве “мелкой редкости”, как не следует мостить улиц и что происходит, если их мостят костромским способом, стараясь камни ставить непременно ребром”.

Придорожные обывательские тропки — тротуары на рубеже веков находились в еще более плачевном

состоянии, нежели проезжие части улиц. Замощенный имелось по крайности мало, кое-где они были выложены из кирпича и гравия в лучшем случае, а более всего в ход шел песок, дерево, всякий строительный мусор — все зависело от вкусов и возможностей устроителей. Тротуарная картина губернского города являла собой неприглядный, жалкий вид. О том, какие неудобства приходилось терпеть обывателю, без преувеличения можно сказать — все.

1902 год можно считать значительной вехой в расцвете тротуарного дела в городе. Желая исправить столь стыдливое положение, власти начали приведение неуклюжих “ходовых обочин” в надлежащий вид с издания обязательного постановления, в котором город разделили на две части и дали полную роспись с указанием, где и каким тротуарам быть. Срок сему положили — пятилетний.

В основе тротуарной росписи отцы городского употребили житейский, практический подход: на улицах, связанных с торговлей, многолюдьем, на тротуары следовало “употреблять асфальт и плитняк”, а на не главных, более спокойных улицах — “кирпич, цемент, щебень с плотной утрамбовкой его и крупный гравий”. Из перечисленных дозволенных материалов гравий как материал более доступный весьма симпатизировал костромичам: “пыли же от крупного гравия почти не бывает, а если немного и попадает пыли, то первый же ветер разносит ее”. Категорически запрещалось в обоих участках применять “необтесанный бульжник, песок или мусор”. Последний был особенно любим горожанами. Кроме сказанного, еще предписывалось: “Тротуары по краям должны иметь всегда исправные тумбы вышиною 12-16 вершков, если они из дерева, и от 10 вершков, если они каменные” (1 вершок = 44,45 мм).

С 1904 года постепенно пешие городские дорожки малыми саженями стали одеваться по-новому. Разумеется, они начинались в центральных частях города: “у сквера на Сушанинской площади, у читальни Ос-

Бульжная мостовая на Воскресенской площади. Дорожка из путиловских плит.
Фото В.Н. Кларка. 1910-е гг.

тровского, против гауптвахты, против главного пожарного депо, в начале Богоявленской и Царевской улиц и т.д.". Всего в тот год было положено асфальта на тротуарах на пространстве 401,73 кв. саж. (1807 кв.м).

Заметим, кстати, что асфальт в городе появился значительно раньше тротуарных употреблений: в фабричных производствах его использовали для наведения полов в помещениях, где работали с тачечными транспортировками сырья и материалов.

Асфальтовые покрытия той поры были весьма недешевы.

Дороговизна таких работ объяснялась методами устройства: асфальтовый слой в один дюйм (25 мм) укладывался на бетонное основание в два вершка (ок. 90 см), приготовляемое из строительного мусора. Стоимость такого покрытия в Костроме была от 4 руб. 20 коп. с квадратной сажени и зависела от местоположения участка в городе.

Что относительно "плитняка", рекомендуемого для тротуаров первого (центрального) участка, то он представлял собой пиленные плиты из известняка (путиловский камень). В удобстве хождения по такому покрытию обыватель, а барышни более всего, смогли убедиться еще в 1895 году. Тогда по предложению городского головы И.Я. Аристова была выложена дорожка из "путиловских плит" через Воскресенскую площадь мимо дома городского общественно-управления к Соборной площади.

Муравьевка. 1910-е гг.

СПЕЦИАЛЬНОЕ

ПРОИЗВОДСТВО

асфальтовых, цементно-бетонных и паркетно-плиточных работ

Николая Ивановича Чурина

работа производится из лучших сызранских материалов, под личным наблюдением.

Продажа асфальта, гудрона и разноцветных метлахских и цементовых плиток по заводским ценам.

Адрес: Власьевская ул., д. Мухина.

781—15

С момента опубликования "тротуарного" постановления устройство покрытий, лежащих против городских, казенных, церковных строений, шло более или менее. А вот с участками, что у домов обывательских, мало что менялось. Состоятельные домовладельцы тротуары устраивали, и фирмы подрядчиков Щербакова, Большакова, Трофимова без заказов не сидели. Горожане среднего достатка и малоимущие выбрасывать деньги на улицу не хотели. Поначалу полиция особенно подгонять люд и не могла, приступить к устройству надо было не позже 1907 года (срок пятилетний). А дальше, со временем, как водится, дело позабывалось.

Упрямый обыватель не только не желал новых денежных трат, но не желал исполнять и "натуральную дорожную повинность", что законом была определена еще в прошлом веке. А должно было обывателю "содержать против своих владений улицу — на половину ширины, а по пло-

щадям — на пять сажен ширины от строений или забора", и "все образовавшиеся на них от времени неровности и выбоины должны быть немедленно исправлены владельцами по первому требованию управы или полиции".

Сколько ни бились чины последних ведомств — уговорами, штрафами, дело пребывало в прежнем положении: чинить улицу обыватель не желал.

На долю домовладельцев в улицах и площадях города приходилось 75386,93 кв. сажени).

К приезду государя в 1913 году за счет специальных займов город существенно улучшил мостовое хозяйство и пешеходных асфальтовых лент прибавилось, но опять-таки облагораживались те улицы, что лежали "по пути следования царской семьи".

Городские власти вполне осознавали, что, как ни устраивай свои улицы, "они никогда не будут приведены в приличный и удобный для проезда вид, пока содержание и ремонт их будет лежать на обязанности домовладельцев, составляя для них натуральную повинность".

В 1910-е годы самоуправление города попыталось выстроить проект по обложению обывателя за ремонт мостовых денежно, но осуществить его не удалось.

С приходом осени, с непогодой, к счастью обывателей, прекращались каменно-металлические звуки: мостовщики уходили с улиц и площадей до будущей сухой и теплой весны. Скоро зима! Она исправит неладность мостовых губернской Костромы, приведет их "в приличный и удобный для проезда вид".

**Господину костромскому
гражданскому губернатору
Командир Отдельного
Гренадерского Корпуса
В г. Москве
31 августа 1857 года
№ 1126**

На основании Высочайшаго Государя Императора соизволения, изложеннаго в отзыве ко мне г-на военного министра, признано необходимым приступить ныне к составлению статистических и военно-статистических описаний губерний и областей империи, возпожив эти работы на гг. офицеров Генеральнаго штаба под руководством и наблюдением корпусных обер-квартирмейстеров.

Вместе с сим приказом г. военнаго министра объявлено, что Его Высокопревосходительством сделано надлежащее сношение с гг. министрами и главноуправляющими частями об оказании вверенными им ведомствами всевозможнаго содействия и пособия гг. офицерам Генеральнаго штаба в успешном исполнении Высочайше возложенных на них работ.

Считаю необходимым присовокупить к этому, что по собрании статистических материалов, описания губернии будут изданы в двух отдельных частях, из которых первая, заключающая в себе описание губернии в общестатистическом отношении, будет изложена в таком виде, чтобы часть эту сделать доступною публике; вторая же часть будет содержать в себе описание губернии исключительно в военно-статистическом отношении для употребления собственно Военного министерства и главных военных управлений.

Все вышеизложенное доводя до сведения Вашего Превосходительства, обращаюсь с покорнейшею моею просьбою не отказать в Вашем содействии причисленному к Генеральному штабу штабс-капитану Крживоблоцкому, который назначен для составления статистического описания вверенной Вашему Превосходительству губернии.

Генерал-лейтенант барон
(Подпись неразборчива)
ГАКО. Ф. 133. Оп. 20. Д. 3387. Л. 116-117.

Старший научный сотрудник областного государственного архива Галина Владимировна Давыдова умеет подобрать для "Губернского дома" такие любопытные и содержательные документы, что комментировать их нужды нет совершенно.

**МВД Чухломскаго мирового
посредника 1-го участка
7 сентября 1865 г.
№ 314-й с. Морозовское**

**Его Превосходительству
г. костромскому губернатору**

Вследствие циркулярнаго предписания Вашего Превосходительства от 15-го июля сего года за № 5-м о доставлении соображений о возможности практическаго применения предположений о привитии оспы в волостях женщинами, честь имею почтительнейше донести, что предположение это, когда я высказывал его крестьянам, не встретило их сочувствия. Крестьяне вообще того мнения, что женщина не может быть способна для общественной деятельности, хотя пример женщин, занимающихся в некоторых селениях обучением детей грамоте, женщин, часто пода-

ющих действительную пользу заблевающим (знахарок), и доказывает противное. По моему мнению, оспопрививательницы могли бы образоваться из незамужних женщин, бобылок, солдаток, вдов — последних так много в селениях нашего уезда вследствие большой смертности в столицах промышленяющих там наших крестьян, солдаток много везде вследствие частых рекрутских наборов: солдатка, вдова умершаго члена семейства, весьма часто не остается в семействе, но в том же селении строит себе сиротскую келью и в ней поселяется. — на таких-то бы женщинах, кажется, и удобно бы было возложить оспопрививание, если не послужат тому препятствием наши пространства и наш климат, при которых необходимо делать объезды, а не обходы для привития оспы: крестьянин-оспопрививатель держит лошадь не для одних этих объездов, но и для своего хозяйства, а потому его объезды не стоят ему почти ничего и не принимаются в расчет при назначении ему жалованья, женщины же бобылки лошадей большею частью не держат, и для постоянного найма их потребовалось бы от волости большое жалованье оспопрививательницам, а потому и увеличение волостных общественных расходов, которые крестьяне стремятся сокращать, а не увеличивать.

Мировой посредник
Доливо-Добровольский.
ГАКО. Ф. 133. Оп. 14 хоз. Д. 2955.

**Министерство внутренних дел
Костромского губернатора
По канцелярии 24 мая 1899 г.
№ 2422 г. Кострома
Г. полицмейстеру
города Костромы**

Относительно бродячих по городу собак Костромскою Городскою Думою постановлено и мною 8 мая 1898 года утверждено следующее обязательное постановление: "Собаки без намордников будут забираться нанятыми от городского общественного управления лицами. Пойманных собак без намордников тотчас не убивать, а содержать в течение трех дней на дворе глав-

ного пожарного депо. С лиц, являющихся за пойманными собаками, взимать плату за прокорм по 20 коп. в день. Ловлю бродячих собак в городе без намордников производить в летнее время от 4 до 6 часов утра.

Между тем, до сведения моего дошло, что ловля собак происходит много позже установленного обязательным постановлением времени, причем ловля нередко сопровождается шумом и криком собирающейся в это время толпы разного люда, что нарушает покой граждан.

Вследствие сего предписываю Вам Высокоблагородию иметь строгое наблюдение за точным исполнением вышеозначенного постановления, а виновных в нарушении его привлекать к законной ответственности.

И.д. губернатора,
в должности Егермейстера
Высочайшего Двора Леонтьев.
ГАКО. Ф. 133. Оп. 23 л. ст. Д. 291. Л. 137.

☞ Получено 20 июля 1904 года
Его Превосходительству
господину костромскому
губернатору

ПРОШЕНИЕ

Честь имею просить Ваше Превосходительство о разрешении устроить мне на мои личные средства ясли для крестьянских детей в деревне Шувалово Пушкинской волости Костромского уезда.

Жена приват-доцента
С.-Петербургского университета
Анна Михайловна Шишмарева
(дочь землевладелицы имения
Караваево Пушкинской волости
А.С. Усовой).
Караваево, 16 июля.

P.S.

Условия для поступления в ясли и условия жизни детей в них следующие:

- 1) Детей принимаю в возрасте от 1 года до 7 лет.
- 2) Дети остаются в яслях от утра до вечера.
- 3) По праздникам и воскресеньям ясли закрыты.
- 4) При детях находится надзирательница, няня и подяни — подростки.
- 5) Дети получают пищу 4 раза в день.
- 6) Дети одеты, по возможности, в платье, принадлежащее яслям.
- 7) Надзирательница занимается детьми — ходит с ними гулять, играет и рассказывает сказки, показывает буквы, игры и т.д. и смотрит за хозяйством.

8) Матери привлечены к участию, они приносят, кто может, молоко, яйца, грибы и стирают на своих детей.

А. Шишмарева.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13724. Л. 210.

**Костромская губернская
земская управа
15 января 1903 г.
№ 401 г. Кострома
Господину
костромскому губернатору**

Губернская земская управа, предположив определить на вновь открывающуюся вакансию помощницы заведующей книжным складом дочь полковника Лидию Паприц, имеет честь просить Ваше Превосходительство уведомить управу, не имеется ли с Вашей стороны препятствий к означенному определению.

Жительство г-жа Паприц имеет: в Костроме, Русина улица, д. Головановой.

Председатель управы
П. Исаков.

ГАКО. Ф. 133. Б/ш. № 865. Л. 40.

**Его Превосходительству
господину
костромскому губернатору
Костромского полицмейстера
РАПОРТ**

На предписание от 20 января за № 163-м имею честь донести Вашему Превосходительству, что дочь полковника Лидия Паприц поведения и нравственных качеств хороших, от роду имеет 40 лет, постоянно проживает в Костроме.

Полицейстер Д. Миславский.
№ 44. 1 февраля 1903 года.
ГАКО. Ф. 133. Б/ш. № 865. Л. 42.

**Его Превосходительству
господину
костромскому губернатору
потомственного почетного
гражданина Ю.М. Крылова
ПРОШЕНИЕ**

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне открыть беспрепятственно в г. Костроме "Кабинет бухгалтерии" для приема и исполнения всякого рода бухгалтерских, счетоводных работ, а именно: составления и проверки отчетов, документов, книг и всего вообще счетоводства, счетоводных экспертиз, переписки и т.п. от частных и общественных лиц, предприятий и учреждений коммер-

ческого или иного типа и для этого, в случае надобности, разрешить нанимать в помощь себе одного или нескольких лиц сотрудников или помощников и поставить соответствующую вывеску.

О последующем распоряжении Вашего Превосходительства благоволите не оставить уведомлением; разрешение желательно получить чрез городское полицейское управление.

Декабря 6 дня 1902 года.

Потомственный почетный
гражданин Юлий Магнович Крылов.
ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 11572. Л. 1.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената господину действительному статскому советнику костромскому гражданскому губернатору Приклонскому. По указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат слушал предложение г. министра юстиции тайного советника и кавалера Дмитрия Васильевича Дашкова, что г. статс-секретарь Танеев, уведомив его, г. министра, что Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 25 ноября, повелено принять по 1-му департаменту для Костромской губернии старый герб на основании последовавшего о том Высочайшего повеления императора Павла 1-го, препроводил к нему, удостоенный Высочайшего утверждения рисунок пуговиц с помянутым гербом, который должен заменить изданный при положении о мундирах. Означенный рисунок пуговиц с гербом Костромской губернии он, г. министр юстиции, предлагает Правительствующему Сенату. Приказали: списки с Высочайшего утвержденного рисунка пуговиц с гербом Костромской губернии препроводить в тамошнее губернское правление к Вам, господину гражданскому губернатору, и к г. министру внутренних дел при указах. Помянутый же список при сем препровождается.

Генваря 3 дня 1835 года.

В должности обер-секретаря.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 23 м.п. 81. Л. 11-13.

У ДУХОВНОГО ИСТОКА

Краеведение на страницах “Губернского дома”

Анализируя содержание журнала за истекшее пятилетие, невольно поражаешься тому богатству и тематическому разнообразию, которыми наполнены его страницы, и вместе с тем радуешься открытиям, большим и малым, когда появляются новые имена в краеведении, а известные события и явления в общественной и культурной жизни края получают новое освещение.

“Губернским дом”, продолжая лучшие традиции краеведческих изданий, помогает читателям ближе узнать свой город, свое село, свою улицу, свой род; знакомит с уникальными памятниками архитектуры и культуры и их творцами, а также с лучшими произведениями литературы и искусства прошлого и настоящего; дает представление о колорите и богатстве народного быта и родного языка, о народных промыслах и мастерах, сопровождая тексты уникальными фотоснимками из музейных, архивных собраний и частных коллекций.

“Губернскому дому” свойственна спокойная повествовательная форма изложения. Событийный ряд основан, как правило, на историческом факте, историческом событии с привлечением архивных документов, оригинальных текстов и свидетельств “живой” истории.

“Мемуары”, “Дневники”, “Воспоминания”, публикуемые журналом, дают возможность погрузиться в мир старой дореволюционной Костромы и уездных городов Костромской губернии, ощутить время в разных его измерениях.

Журналом выпущено много тематических и “юбилейных” номеров, посвященных 380-летию Дома Романовых, 200-летию Костромской губернии, 170-летию со

Заведующая сектором краеведения областной научной библиотеки Нина Федоровна Басова — автор серии публикаций о меценатах и благотворителях.

дня рождения А.Н. Островского и 185-летию Костромского драматического театра, Дням славянской письменности и культуры, 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, 50-летию Костромской области, отдельные номера рассказали нам о Буге, Макарьеве, Солигаличе, Судиславле, а также о костромских меценатах и благотворителях.

“Губернский дом” знакомит читателей с замечательными земляками: великими, чьи имена на слуху, и малоизвестными, жившими в разное время, но объединенными общими истоками, имя которым — род, семья.

О владельцах уникальных краеведческих собраний — Государственном архиве Костромской области, Государственном историко-

архитектурном музее-заповеднике и областной универсальной научной библиотеке — журнал рассказывал неоднократно.

Тема народного просвещения, опыт старой российской школы — одна из главных тем за это пятилетие. Замечательная традиция прошлого нашла отражение в материалах, рассказывающих о Григорьевской женской гимназии, о Чижовских училищах, лицеях, о сельских и городских “обычных” школах, когда учитель показан рядом с учеником, в сотворчестве с ним. Большой популярностью пользуются у читателей краеведческие викторины, их было несколько.

С огромной теплотой журнал пишет о Почетных гражданах Костромы и городов области, о врачах, краеведах, ученых, деятелях культуры и простых земляках, увлеченных каким-либо интересным делом. И есть одна примечательная особенность у журнала: о ком бы или о чем бы он ни писал, всегда главным для него остается Человек с его индивидуальным миром и особым устроением души, с его памятью о прошлом и мечтами о будущем.

* * *

“Губернский дом” уведомляет, что наш уважаемый попечитель — областная научная библиотека — планирует подготовить библиографический указатель-путеводитель по 25-ти вышедшим номерам. Составитель его — Н.Ф. Басова. Указатель поможет читателям быстро найти интересующий их материал. Сегодня публикуется один из разделов с сокращениями в части аннотаций.

Свидетельства Архива Документы

Из библиографического указателя публикаций "Губернского дома"

- 1992
№ 1
Катенин П. Письма А.С. Пушкину. А.С. Пушкину (При посылке "Старой были"): Стихи. С. 19-20.
Сапрыгина Е., Соболева Л., Поросятковская Л. Две эпохи усадьбы Шаево. Толстые — добрые соседи Катенина. С. 15-22.
Войтюк Т. Галера под императорским штандартом: 225 лет со дня утверждения герба Костромы. С. 23-26.
Бочков В. Костромские пруды. С. 26-27.
Костромской кооператор: журнальный архив. С. 28-29.
Чумаков С. Воспоминания костромича. (Продолжение следует). С. 30-40.
- 1993
№ 1
Михаил Федорович Романов в своих отношениях к костромскому краю. С. 17.
Молвитинский крестьянин Осип Иванович Комиссаров и его патриотический подвиг. С. 18.
Белопашцы — потомки Сусанина. С. 19-22.
Путеводитель по местам путешествия Высочайших Особ в Костромской губернии. С. 24-41.
- № 2
Сапрыгина Е. Портретная галерея дворянского собрания. С. 17-22.
Чумаков С. Воспоминания костромича. (Окончание) С. 26-29.
Анохин А. Костромские дворники. С. 30-31.
Дюма А. Берег правый и берег левый: Глава из путевых записок "От Парижа до Астрахани" Александра Дюма, совершившего в 1858 году путешествие по России. С. 34-37. Российская табель о рангах. С. 38.
- № 3
Бочков В. "Наше великолепное Щельково". С. 25-29.
Негорюхин Б. Театр в Костроме: первые полвека. С. 30-35.
Сизинцева Л. Товарищество новой драмы. С. 36-38.
Калинникова М. Воспоминание о городской опере. С. 40-41.
Костромской (Чалеев) Н.Ф. Мемуары. Предисловие Войтюк Т. С. 42-46. Силонова Л. "Когда я взшла в театр..." С. 47.
- 1994
№ 1
Ковалева Л. От удела до губернии. С. 19-22.
Сизинцева Л. "Двинулся и пошел наш крестьянин...": Из истории костромского земства. С. 24-27.
Смирнов Ю. Торговое дело купцов Третьяковых. С. 28-31.
Григоров А. Павел Петрович Свинын. С. 32-34.
Анохин А. Светописец Ефим Честняков. С. 35-39.
Гербы исторических городов. (Из кн.: Троицкий П. Костромской край: историко-археологический очерк. Кострома. 1909 г. С. 40-41.
Сморчков В. С автографом Гумилева. С. 42-45.
Пашин В. Исторические курьезы. С. 46.
- № 2
Черненко Г. Чудо-поезд губернатора Шилловского. С. 21-24.
Колгушкин Л. Кострома начала века. Мемуары. С. 25-30.
Дойков Ю., Сизинцева Л. Питирим Сорокин и Костромской край. С. 31-34.
Войтюк Т. Летопись странника. Дементьев Д.П. Отрывки из дневника. С. 35-39.
Бочков В. Костромские Козловские. С. 42-49.
- № 3
Специальный выпуск, посвященный 50-летию Костромской области и 250-летию Костромской епархии.
- № 4
Пашин В. Скажи-ка, дядя... 180-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова. С. 21-24.
Войтюк Т. Семья Лугининых. С. 25-28.
Негорюхин Б. Иждивением Платона Голубкова. С. 29-31.
Поросятковская Л. Как создавалась "Агентурная сеть на местах". К 75-летию Государственного архива. С. 32-34.
Корнилов И. От Костромы до Соль-Галича: Из воспоминаний о зимней поездке по Костромской губернии в 1857 г. С. 35-39.
Промыслы в губернии: кошатники, бурлаки, рыбаки, охотники. С. 42-44.
Зябликов А. Покушение на губернатора Веретенникова. С. 45-47.
Смирнов В. Клады, паны и разбойники: Из этнографических очерков Костромского края. С. 48-52.
- № 5
Бочков В. Дом над Волгой. С. 29-30.
Иванов В. "Нашу юность мы прожили в мире". С. 31-33.
Сизинцева Л. "Школа — лучший проводник света...": Из истории костромского земства. С. 34-38.
Дьяконова Е. "Домой в Нерехту": Из дневника гимназистки, в будущем известной писательницы. С. 38, 56.
Пушкина О. Образцовая во всех отношениях. О женском училище для образования сельских учительниц. С. 42-44.
Войтюк Т. "А сия книга любити аки камение драгое..." О частных школах для крестьян. С. 45-49.
Новикова Е. Золотой век Костромской духовной семинарии. С. 50-53.
Маклаков С. Русские философы о православии. С. 53.
Ковалева Л. Для блага и пользы ближних. О публичных библиотеках губернии. С. 54-56.
- 1995
№ 1
Сизинцева Л. Народное здравие в Костромской губернии. С. 29-33.
Кошелева-Тимофеева Г. Воспоминания об отце. С. 34-37.
Глушковский А. "Губернатор в Костроме жил, как сыр в масле". С. 38-39.
Епископ Игнатий в Николо-Бабаевском монастыре: Костромские святые. С. 42-46.
Флоренский П.А. Костромская сторона: Стихи. С автографом Павла Флоренского. С. 47.
Корнилов И. От Костромы до Соль-Галича. (Продолжение). С. 48-51.
Тлиф И. Заметки архивиста. О Костромской духовной семинарии. С. 52-55.
Смирнов В. Клады, паны и разбойники. (Продолжение). С. 56-58.
- № 2
Белов Л. Страницы из дневника военных лет. С. 23-31.
Белоруков Д. Я помню... С. 32-38.
Кострома военная. По страницам газеты "Северная правда" за 1942 год. Подг. Н. Басова. С. 38-39.
Из писем с фронта наших земляков. С. 42-44.
- № 3
Колгушкин Л. Семейная хроника. С. 27-32.
Азев С. Звезда Вавилова. Встречи с Чайновым. С. 33-37.
Сокольников М. о постановке драмы Блока "Роза и крест". С. 38-39.
Пашин В. Депутаты Государственной Думы. С. 42-44.
Сапрыгина Е. Неизвестные письма Александра Измайлова Николаю Грамматину. С. 45-47.
Колюпанов Н. Из прошлого: Посмертные записки. С. 48-51.
- № 4
Фигуровский Н. Откуда пошла Соль Галичская. С. 23-28.
Сырцов И. Память о святителе Ионе, митрополите Московском на его родине. С. 29-30.
Макарьевский вал. С. 31.
Ковалева Л. Солигаличские Лихачевы. С. 32-34.
Парийский И. В.И. Засулич в Солигаличе. С. 36-37.
Выписки о древностях города Солигалича о церквях оного. Примеч. Из фондов ГАКО. Л. Поросятковская. С. 38-39.
План-схема г. Солигалича первой половины XIX века. С. 40-41.
Корнилов И. От Костромы до Соль-Галича. Продолжение. С. 42-46.
Жбанков Д. Бабыя сторона. С. 47-51.
Русский резчик. С. 52-55.
Голубинский Е., Скворцов Д., Боговаленский Н., Белоруссов Л. Духовное училище глазами его выпускников. С. 56-60.
Солдовская Т. Подвижники. С. 61-62.
- № 5
Чижов Ф. Духовное завещание. С. 31-32.
Памятник Ф. Чижову. С. 31-32.
Войтюк Т. "По одной только христианской добродетели..." С. 33-39.
Костромские благодетели и меценаты. С. 40-41.
Тлиф И. "Русская благотворительность не любит ничего официального..." С. 42-44.
Дневник попечения о бедных. С. 45.

Ковалева Л. "Да не оскудеет рука дающего". С. 46-50.

Сизинцева Л. Доброе дело в Отечестве нашем. С. 51-53.

Кивокурцева О. Душевная подать: Костромской Красный Крест пострадавшим России. С. 54-57.

Вода для бедных. С. 57.

Колгушкин Л. Нищие, блаженные и кутилы. С. 58-61.

Прошение на щуку. Об уличных нищих. С. 61.

Поросятковская Л. Медная копейка в солдатскую пушку. С. 62-65.

Басова Н. Попечительство о слепых. С. 66

Сапрыгина Е., Корнилов П. Пушное дело Пановых. С. 67-70.

№ 6

Виноградова С. Да ведают потомки. С. 21-22.

Рассади́на Т. "Тут первая проба солдатская была...". С. 23-24.

Сизинцева Л. Исцелить язвы давно уже неболевшие: Из истории Костромского земства. С. 27-31.

В Наполеона грозный век. С. 32-37.

Страницы из дневника начальника Костромского ополчения 1812 года П.Г. Бардакова. С. 33, 35, 37.

Шестинский О. Горталов и Григоров. Две судьбы. С. 38-39.

Кокарев В. Экономические провалы. С. 42-44.

"Тихое море провинциальной жизни было взбаламучено". Из не опубликованной ранее рукописи о Костромском ополчении. С. 48-53.

Грамматин А. Исторические известия о моих предках. С. 54-58.

Негорюхин Б. Синема. Костромской след: к 100-летию мирового кино. С. 63-64.

1996

№ 1

История царских жалованных грамот. Публикация под г. Л. Ковалевой. С. 21-22.

Друлис П. Злополучный обрубок с родословной Романовых. С. 23-25.

Григоров А. Адмирал Иван Константинович Григорович. С. 30-32.

Григоров А. Эскадренный броненосец "Цесаревич". Броненосный корабль адмирал Чичагов и другие военные корабли. С. 32-33.

Дружнева Н. О морском офицере М.В. Казимирове. С. 34.

Казимиров М. Из далекого прошлого. Глава из воспоминаний. С. 35-39.

300-лет Российскому Флоту. Календарь памятных дат. С. 40-41.

Танин Ю. Командировка "Морского сборника". С. 42-43.

Смирнов-Владов В. Федор Чижов и Крайний Север. С. 44-45.

Лаговский А. Из книги воспоминаний о Костроме и костромичах. С. 46-52.

№ 2

Иван Васильевич Баженов: Некролог. Речь перед совершением чиноотпевания И. Студитского. С. 27-28.

Лаговский А. Из книги воспоминаний о Костроме и костромичах. Продолжение. С. 29-34.

Азбука стоила копейку... О костромичах... Первый костромской книгопродавец. Кострома книжная. С. 35-37, 39.

Негорюхин Б. Из библиотеки Корниловых. С. 38-39.

Книжная лавка. С. 40-41.

Перцов Э. Искусство брать взятки. С. 42-43.

Бочков В. "Загадки" Платона Актова. С. 43-44.

Типография в селе Корцове и Костроме. С. 45.

"Книгарь": журнальный архив. С. 46.

Зимин М. Пасха: Этнографический очерк. С. 46-48.

Иванов В. Усиление русской жизни. С. 49-52.

№ 3

Свидетельства официального летописца: Самозванец на Российском престоле. С. 21-22.

Уткин С. Тайна инока Железоборовского монастыря. С. 22-23.

Смирнов В. От Молвитино до Буга. Из записной книжки краеведа. С. 24-32.

Девятый в заднем ряду: Имя в русской истории. С. 33-36.

Друлис П. Как железную дорогу строили. С. 37-39.

Покровский В. Несостоявшийся Сусанин. С. 44-48.

По страницам газеты "Костромской листок". С. 49.

Из эпистолярного наследия Буйского уездного исправника. С. 50-51.

Красна изба пирогами: Обычаи и обряды. С. 52.

№ 4

Бочков В. "Там повсюду прах и ветхость...": Из дневника 1981 года. С. 27-36.

Блинов В. Борьба за трезвость в России и Костроме. С. 37-38.

Петрова А. Прекращение казенной продажи питей. С. 39.

Макеев Н. 300 лет Российскому Флоту. С. 40.

Альтгаузен О. Первооткрыватели. С. 41.

Лаговский А. Из книги воспоминаний о Костроме и костромичах. С. 42-48.

Калашников А. Когда озеро называлось Святым. С. 49-54.

Торопов С. Просветители Лебединские. С. 57-58.

№ 5

Сизинцева Л. Фабричное детство. С. 31-34.

Общество "Помощь детям". С. 34.

Из истории сиротского попечения. С. 35-37.

Яковлева И. За добро платить добром. С. 38.

Иванова П. "Я счастливая бабушка". С. 39.

Посланцы большой семьи. С. 40.

Новикова В. Надежда. Моя родословная. С. 45-49.

Детские игры в Костроме. С. 49.

Лаговский А. Из книги воспоминаний о Костроме и костромичах. С. 50-52.

Басова Н. Чайный король из посада Большие Соли. С. 53-55.

Колгушкин Л. Из очерка истории Костромской школы для слепых детей. С. 56-58.

Державина Т. Сиреневый сад детства. Воспоминает старожил г.Парфеньев. С. 59-60.

1997

№ 1

Специальный выпуск, посвященный 200-летию Костромской губернии. Построен по принципу азбуки от А до Я.

№ 2

Бочков В. "Там повсюду прах и ветхость..." Из дневника 1981 года. С. 37-39, 42-44.

Мраморнов О. Кострома: памяти Виктора Бочкова. С. 44.

Сапрыгина Е. Вступительная статья. Об исследовании рукописей Н. Сумарокова. С. 45.

Сумароков Н. Краткое начертание о первоначалии и приращении г. Костромы до открытия губернии. С. 46-51.

Тороп К. Формирование торгового центра в г. Галиче. С. 52-54.

Голубинский Е. Воспоминания. О Костромской духовной семинарии. С. 55-59.

Степаненко Е. "Память о тебе осталась с похвалами...". С. 59-62.

№ 3

Херсонский И. Из летописи Макарьева Унженского монастыря. С. 25, 30.

Тлиф И. Еще один маяк памяти. С. 29.

Крестные ходы из Макарьева-Унженского монастыря. 90-е годы XIX века. С. 28.

Костромская духовная семинария. Документы из фондов ГАКО. С. 30-32.

Белоруков Д. Из истории сел и деревень. Глава из рукописной книги. С. 33-38.

Акулова М. Из воспоминаний старожила. С. 40-41.

Ковалева Л. Числом более тридцати. Промыслы и ремесла Макарьевского уезда. С. 42-44.

Ярмарки в Макарьеве. С. 44.

Поросятковская Л. Речная гонка: Промыслы и ремесла. С. 45-46.

В руках крестьян. О крестьянских хозяйствах Макарьевского уезда. Из кн.: Материалы для статистики Костромской губернии. Под ред. В. Пирогова. Кострома 1891 г.

Дом Троицких. С. 51.

Гречухин А. Моя родословная. С. 52-53.

Сапрыгина Е. Аристократ в медвежьем углу. Из жизни графа Н.И. Мусина-Пушкина. С. 54-55.

Басова Н. Благотворители Чумаковы. С. 56-57.

По Унже. Путевые впечатления и воспоминания. С. 58-59.

№ 4

Летописи и предания о князе Судиславе. С. 31-32.

Белоруков Д. Из истории сел и деревень. С. 33-39.

Сапрыгина Е. Хозяева и гости сельца Леонтьева. С. 42-45.

Прибыльский П. "Тысячелетняя деревенская тишь": Из записок дворянина Павла Прибыльского. Предисл. Ю. Смирнова. С. 46-53.

Афанасьев В. О судиславских купцах XVIII века. С. 56-58.

Смирнов Ю. Загадка одной жизни: Как купец Папулин раскол чинил. С. 59-61.

Смирнов Ю. Дом Невского: "Имя в истории края". С. 62-63.

Травкин В. Мельницы в жизни крестьян. Промыслы и ремесла. С. 65-67.

Смирнов Ю. Трагедия деревни Иваново. На переломе. С. 68.

Любимов В. "Наш век в сравнении с вечность ничтожен". Из дневника конторщика Василия Любимова. С. 69-70.

Подборка документов из фонда ГАКО. С. 54-55, 58, 61, 64, 67, 68.

Имеет сообщать

Отдел ЛИК был представлен творчеством прозаиков Ольги Гуссаковской, Евгения Осетрова, Константина Абатурова, Олега Каликина, Бориса Бочкарева, поэтов Татьяны Иноземцевой, Михаила Дудина, Вячеслава Шапошниковца, Виктора Лапшина, Сергея Гостехина, Юрия Куранова, других известных писателей, живущих на костромской земле или связанных с ней своим творчеством. Публиковались письма Василя Быкова, Вячеслава Кондратьева, Алеся Адамовича, Григория Бакланова Игорю Дедкову и его дневники, антологии одного стихотворения и литературно-краеведческие викторины. В рубриках "Обычаи и обряды", "Народное красноречие" читатели могли познакомиться с русскими народными играми, приметами, поверьями, фольклором из всех районов Костромской области.

«ПРОХОЖИЕ И БЛИЗКИЕ»
Фотоконкурс «Губернского дома»

Художник Ирина Согласная. Фото Юрия Чеботарева.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕРГЕЯ ЖАРОВА

В юбилейном первом номере за 1997 год “Губернский дом” опубликовал статью Татьяны Войтюк об уроженце города Макарьева, знаменитом регенте русского зарубежья Сергее Жарове и его хоре донских казаков. Статья кончается словами: “Сергей Жаров вернулся в Россию. Вернулся музыкой, вернулся песнями...” И естественно встает вопрос: что вернулось в Россию и какова ценность этого возвращенного?

Прежде чем говорить о Сергее Жарове и его хоре донских казаков, необходимо понять, какое значение в жизни русского зарубежья имело пение, и прежде всего церковное. Известно, как всегда любили на Руси хоры, известно и то, что первые шаги нашей профессиональной музыки были связаны именно с хоровыми жанрами. Понятно также, что церковное пение было всегда самым демократичным — в смысле всем доступным — видом музыкального искусства. В предреволюционную эпоху в этой области произошли крупные перемены: в нее пришло много талантливых музыкантов, и церковное пение в России начала нашего века достигло небывалых высот и развивалось стремительно. Но этот взлет был оборван последующими историческими событиями: ко второй половине 1920-х почти все здесь было разрушено или, по крайней мере, долгие годы находилось под запретом. Однако загубленное в России церковно-певческое движение начало возрождаться за рубежом.

В двухтомнике Петра Евграфовича Ковалевского “Зарубежная Россия”, обзорном труде, рассматривающем вклад эмиграции в мировую культуру, говорится: “Русское хоровое пение не менее других отраслей искусства, а может быть, и больше имело влияние во всем мире и продолжает охватывать самые неожиданные круги на Западе”. Эти строки написаны уже в 1960-х. Из контекста ясно, что речь идет прежде всего о духовном пении, и в компетентности данного высказывания можно не сомневаться: и сам историк Петр Ев-

Доктор искусствоведения Марина Павловна Рахманова живет в Москве, работает старшим научным сотрудником Государственного института искусствознания. В “Губернском доме” публикуется впервые, продолжая тему одного из номеров журнала.

графович, и члены его семьи весьма усердно принимали участие в культурной жизни диаспоры вообще и в церковных делах в частности.

Вопрос, почему церковное пение оказалось столь важным элементом культуры русской эмиграции, совершенно ясен. Людям, перенесшим столько испытаний в годы революции и гражданской войны и заброшенным на чужбину, необходим был дом, кусочек своей земли, и таким домом для многих становилась церковь. Везде, где поселялись русские, они устраивали помещения для богослужения: если удавалось, снимали какой-то дом для храма или строили его заново. И уже вокруг этого храма, часто очень бедного, ютившегося в заброшенном бараке, сарае, гараже, но с любовью убранного, возникали школы, библиотеки, кружки, и, конечно, в первую очередь хоры: ведь православная служба не читается, а всегда — поется. Только один факт: до революции в Париже был один, так называемый “посольский”, Александр-Невский храм, а по всей Франции еще два-три прихода в курортных городах; к 1937 году русских церквей в этой стране возникло до шестидесяти. Разумеется, во всех пели хоры, по большей части, конечно, любительские, и жившие рядом французы (или немцы, итальянцы, американцы) нередко заходили послушать службу. Отсюда — и распространение, и влияние нашей церковной музыки на западный мир. Поистине “не было счастья — несчастье помогло”: до 1917 года о русском православии, русской иконе, русском духовном пении на Западе почти никто и ничего не знал. Таким образом, русская эмиграция выполнила две очень важных исторических задачи:

она познакомила мир с нашей духовной традицией и одновременно сохранила для России историческую преемственность этой традиции.

Уже вернулись в Россию литературные и философские произведения, созданные в зарубежье, хотя, конечно, еще далеко не все; вернулась музыка Рахманинова, Метнера, Прокофьева, Стравинского; мы многое знаем и об исполнительских достижениях — о дягилевских “Русских сезонах”, о Шаляпине, о Кусевичком и так далее. У духовно-музыкального творчества, если говорить не об отдельных сочинениях крупных мастеров, а о целом, положение другое. Во-первых, это искусство синкретическое, входящее частью — употребим выражение отца Павла Флоренского — в храмовое действо. Во-вторых, оно во многом опирается на устную традицию. Следовательно, судить о нем можно в основном по звукозаписям. Таковые существуют и со временем становятся доступными у нас. Однако этих записей далеко не столько, сколько хотелось бы, да и разыскать их зачастую непросто. Поэтому медленно происходит возвращение в Россию хорового искусства русского зарубежья. Тем не менее, оно продвигается, и есть историческая справедливость в том, что началось оно именно с записей хора донских казаков под управлением Сергея Жарова.

По популярности этому хору в свою эпоху не было равных. Жаров, конечно, не единственный крупный регент русского зарубежья: долгое время во всей Европе гремел парижский Митрополичий хор под управлением Николая Афонского, а потом этот регент очень успешно и долго трудился в Америке; знатоки высоко ценили строгое пение парижского Сергиевского Подворья, где хором руководил Михаил Михайлович Осоргин; знаменитый американский хор Свято-Владимирской семинарии был создан выпускником Московской консерватории Борисом Михайловичем Ледковским. И все-таки Жаров

оставался в своем роде единственным — и в силу природного таланта, и в силу великолепной школы, полученной им в юности в московском Синодальном училище церковного пения. Ведь в предреволюционные десятилетия это училище и связанный с ним Синодальный хор были центром обновляющего движения в русской духовной музыке. Синодальным хором руководили знаменитейшие регенты — Василий Орлов, Николай Данилин, Николай Голованов; для него писали великие мастера — Александр Кастальский, Александр Гречанинов, Сергей Рахманинов. Как и все ученики Синодального училища — талантливые дети, собранные из разных областей России. Жаров несколько лет пел в этом хоре, а потом, обучаясь в регентском классе училища, ежедневно слушал его пение. За рубежом Жаров был единственным “синодалом”, то есть профессиональным регентом высочайшего класса. Ну, и кроме того, он регентовал своим хором необычайно долго, около шестидесяти лет, и выступал буквально на всех обитаемых континентах. Успех был всегда грандиозный, что и запечатлели рецензии в газетах разных стран. Притом в России Жарова до последнего времени почти не знали, разве что кое-кто из музыкантов слышал это имя.

Я сама познакомилась с искусством хора донских казаков всего несколько лет назад и при любопытных обстоятельствах. Мальчики поступали в Синодальное училище 7-8 лет, в обязательном порядке жили в здании училища на полном пансионе, получали образование на уровне, приближавшемся к консерваторскому (и к гимназическому по части общих дисциплин), пели в хоре до спадения с голоса, а потом часто становились церковными хормейстерами — регентами. После революции подавляющему большинству из них, конечно, пришлось поменять профессию (причем многие пошли по военной линии), но братство “синодалов” существовало долго, до последних десятилетий. Мне выпала удача быть знакомой с последним из оставшихся в живых “синодалов” — пол-

ковником военно-морских сил в отставке Александром Петровичем Смирновым. И как-то он рассказал мне такую историю.

“Сережа Жаров, — говорил Александр Петрович, — был старше меня, я учился с его младшим братом, но Сережу тоже отлично знал. Он был хороший товарищ — спокойный, серьезный, добрый. Как многих выпускников училища военных лет, его направили по выпуску в офицерское училище, оттуда на фронт, и потом я много лет ничего о нем не знал, хотя, помнится, в 30-х годах по Москве ходили разговоры о каком-то знаменитом на Западе хоре донских казаков. После войны, в 1946-м, я

С.А. Жаров. Учитель пения в гимназии. Макарьев. 1918 г.

попал в санаторий под Ригу и познакомился там с лодочником из местных. Мне было интересно, как жили в Риге в те годы, когда Латвия была самостоятельным государством, и я задавал много вопросов. Однажды лодочник рассказал, что гастролировал в Риге замечательный русский хор Сергея Жарова. Я иногда навдывался на базар посмотреть старые книги и решил спросить у знакомого торговца насчет записей Жарова. Он ответил, что у него есть такие пластинки, продавать он их не хочет, но может дать послушать. Так я

впервые услышал хор донских казаков, помнится, они исполняли гимн “Коль славен наш Господь в Сионе”.

Потом, вернувшись в Москву, Александр Петрович сумел через знакомых переправить в Америку письмо для Жарова и копии фотографий их лет учения. Тот был очень тронут и прислал в Москву несколько пластинок. Эти-то пластинки я и слушала у старого “синодала”. А что касается вышеупомянутых гастролей хора в Риге, то они запомнились, оказывается, не только обитателям латышской столицы, но и самому Сергею Алексеичу. Гастроли проходили в 1923 году — то был год рождения хора как концертного коллектива, его руководителю было тогда двадцать с небольшим. А в интервью к своему 85-летию он говорил именно про те шесть концертов: вблизи от Родины, в городе, где было очень много русских, казакам хотелось спеть и больше, да власти не разрешили. Понятно почему: приезд хора вылился в целую русскую демонстрацию, хор встречало на вокзале несколько тысяч человек, а провожало еще больше. Жаровцы, однако, не растерялись и в ближайшее воскресенье пропели литургию за богослужением в кафедральном соборе. Архиепископ Иоанн благословил регента иконой, всем певцам вручил по Евангелию со своей личной подписью. Как вспоминает далее Жаров, от этого иерарха веяло настоящей духовной силой, через несколько лет он был уничтожен чекистами. Возможно, записывая впоследствии, уже в Америке, на пластинки православную панихиду, Сергей Алексеич помянул и архиепископа Иоанна.

К этому раннему периоду деятельности хора относятся, между прочим, яркие воспоминания знаменитого русского ученого-биолога Николая Тимофеева-Ресовского, наверняка известного читателям по повести Даниила Гранина “Зубр”. Ресовский жил в ту пору в Берлине и имел свой научный семинар по генетике. “Иногда, — вспоминает он, — мы объединялись по субботним дням у Сережки Жарова. Хор донских казаков замечательный был, вообще, лучший

С.А. Жаров управляет хором.

хор, какой я слышал. Люди они все были образованные, интеллигентные. Сам Жаров мог аранжировать все, что угодно: в ладах, в старинных ладах, знал гласы, знал каноны. У них был свой субботний коллоквиум. Иногда кто-нибудь из них либо сам Жаров делал какие-нибудь музыкальные доклады. Потом выступали всякие проезжающие через Берлин русские люди, русские музыканты: Рахманинов, Стравинский, Гречанинов, писатели Бунин, Зайцев, Куприн, из Советской России певцы — Держинская, знаменитый бас Петров, не менее знаменитый тенор Ершов, масса интересных людей. Пели они русские песни, казачьи, солдатские, церковные песнопения и затем всякую мур — романсы в хоровом переложении. Вот “Очи черные” — как они, черти, пели эти “Очи” — просто ужас!”

Воспоминания Ресовского указывают на атмосферу, в которой происходило формирование жаровского хора как профессионального ансамбля, а также на особенности его репертуара.

Действительно, виртуозные эстрадные номера в немалом количестве входили в программы хора донских

казаков. Да и на концертную эстраду хористы выходили всегда эффектно: “Вдруг появляются в темных шароварах с красными лампасами Войска Донского, в черных рубашках военного образца, опоясанных темными кожаными тонкими поясами с набором из серебра, певцы, как сказочные богатыри”, — писала одна из эмигрантских газет. Вообще, ввиду необходимости быть понятным аудитории разных стран, Жаров обычно строил программы по смешанному принципу: отделение церковное, отделение народной песни и избранные образцы русской классики. Все — в специальных виртуозных обработках для мужского состава, которые делал сам Сергей Алексеевич, а потом, в Америке, еще один “синодал”, известный церковный композитор Константин Шведов и некоторые другие музыканты. В имеющихся записях хора представлен ряд удивительных обработок не только песен и романсов, вроде упоминаемой Ресовским феноменальной по трудности хоровой транскрипции “Очей черных”, но и инструментальных произведений, например, фрагмента из симфонической увертюры “1812” Чайковс-

кого и танцев из польского акта “Жизни за царя” Глинки. Это было совершенно новое явление в хоровом деле, лишь гораздо позже получившее распространение в практике западных хоров.

Естественно, подобные “кунштюки” доводили аудиторию разных стран до такого восторга, что, случалось, трещали стулья и скамейки. Но не этим все-таки определялась суть мастерства жаровцев. Дело в том, что Жаров построил свой ансамбль на определенных принципах, и во многом оркестровых. Например, особый эффект достигался, когда половина хора пела с закрытыми, а другая — с открытыми ртами. Диапазон был расширен введением фальцетов, так что партия теноров поднималась до “ми” второй октавы, то есть мужской ансамбль практически мог воспроизводить звучность смешанного хора. Понятно, что для регента-“синодала” художественным идеалом оставался Синодальный хор, где партии басов и теноров исполняли мужчины, а альты и сопрано пели мальчики и звуковое пространство было очень широким, но в то же время очень ровным.

Помнится, я не сразу понял, почему Александр Петрович Смирнов, рассказывая о том, как он впервые услышал записи Жарова, сказал, что сразу признал в нем “синодала”. Существующие немногочисленные записи Синодального хора настолько неудачны, что лишь отдаленно передают стиль его пения. Но вот описание синодальной манеры одним из певцов хора, впоследствии известным регентом и композитором Александром Никольским, сразу проясняет ситуацию. Никольский вспоминает о непревзойденном регенте Синодального хора Василии Орлове:

“От басов он требовал баритонального тембра и совершенной подвижности звука; басы отчасти напоминали своим тоном виолончель. От теноров он требовал мягкости, а не силы; тембр теноровой партии приближался к фальцету. В свою очередь и альты были лишены металличности и силы тона, служа хорошим дополнением к тембру первых сопрано через вторых. Таким образом, Сино-

дальний хор своим общим звуком приближался к струнному квартету. Отсюда особливая прозрачность хорового ансамбля и легкость тона. В отношении нюансов бросалось на вид пристрастие Орлова к пиано. Пиано редко бывало ровным, не давая тона, постепенно растущего и увеличивавшегося; чаще всего нарастание шло порывами, быстро переходя от пиано к мощному форте. Делалось это не потому, что Орлов не мог приучить свой хор к постепенной градации и силе тона, а по более глубокой причине. Форте как выразитель молитвенного подъема не должно и быть строго планомерным, не должно и быть строго постепенным, ибо чувству чужда такая планомерность, оно стихийно.

Орлов требовал и добивался чеканки слов. Хор не безучастно скандировал слоги, а давал “живые” слова, полные мысли и чувства. Некоторые критики говорили, что у хора задушевный тон, все слишком выучено, машинно, что басы слабы, тенора поют фальцетом и т.д. Но Синодальный хор с успехом противопоставлял красоте так называемого “свободного звука” свой прозрачный квартетный ансамбль, легкий и чистый, как серебро”.

Все это можно непосредственно отнести и к Жарову. Понятно, что родственность с манерой Синодального хора отчетливее всего проявлялась в церковной области, где Жаров бережно сохранял благородный репертуар Синодального хора. Такова, например, записанная хором в США литургия (с чтениями и возгласениями), где звучат “Святый Боже” Чайковского, Херувимская, “Верую” и “Милость мира” Кастальского, “Тебе поем” Рахманинова. Это — коренной репертуар Синодального хора, тот, который пел еще мальчиком Сережа Жаров на клиросе в Успенском соборе или на концертных подмостках зала Синодального училища и московского Благородного собрания.

Хотя рецензий на выступления жаровцев существуют сотни и тысячи, за восторгами пишущих редко можно разглядеть, так сказать, музыкальную суть: и рецензенты чаще всего не были музыкантами, и прилив патриотических чувств, который

вызывало пение хора, не позволял сосредоточиться на искусстве. Точно можно сказать, сопоставляя рецензии и записи, что жаровские казаки, меняясь, конечно, в составе (уже к 1950-м годам из первоначального ансамбля оставалось пять-шесть человек из тридцати), твердо держали стиль. По словам критика из “Нового русского слова”, слышавшего Жарова в двадцатых и в начале пятидесятых, “в теперешнем составе хор поет так, как пел в первые годы после мировой войны... Его форте потрясает, пиано — полнозвучно и красочно, фальцеты теноров звучат так, что невольно ищешь в хоре женщин, актависты рокочут органным звуком — словом, все прославленные элементы жаровцев налицо”.

Другой рецензент, обладавший, по-видимому, некоторыми музыкальными познаниями, оставил яркое описание фигуры Жарова-регента:

“Сергей Жаров — своеобразный дирижер. Хор поет без нот. У Жарова нет ни пюпитра, ни капельмейстерской палочки. Если посмотреть на него со стороны зала, то можно подумать, что он не управляет хором, а так лишь стоит и смотрит на казаков. Но если взглянуть из-за кулис, то на его физиономии можно увидеть целую консерваторию. Он сам запекает и тут же дает второй, третий голос другим. Кому-то бросает один палец и получает нужную мелодию, потом выбрасывает три пальца и получает аккорд, затем делает какой-то фокус пальцами и вызывает такое громогласие, что потолок зала готов сорваться и улететь. Никто еще во всем, можно сказать, мире не видел из зала, чтобы Жаров когда-нибудь выбросил хотя бы одну руку по направлению к своему хору. Наверное, Сергей Алексеевич войдет в музыкальную мировую историю как... “безрукий дирижер”. А как управляет и чего достигает”.

В некоторых воспоминаниях о Жарове подобный весьма сдержанный стиль дирижирования связывается с влиянием Сергея Васильевича Рахманинова, который неукуснительно слушал казаков, если они давали концерт в том городе, где он сам находился, и беседовал с регентом на профессиональные темы. Конечно,

воздействие Рахманинова могло быть весьма ощутимым, но описанная в рецензии манера дирижирования — это прежде всего настоящая московская регентская манера: ведь на церковном клиросе неуместно махать руками и “изображать страсти”. Еще интереснее описываемые рецензентом движения пальцев регента, вызывающие из хорового монолита нужный голос. Дело в том, что именно такой особенностью — импровизированным, неожиданным выведением во время исполнения на первый план тех или иных голосов и подголосков — отличался стиль великолепного регента Николая Данилина, под управлением которого пел в детские годы Жаров. Разница в том, что в дореволюционные годы Данилин не исполнял светских произведений и свой стиль выработал на клиросе Успенского собора; Жаров же применил это свободное, органическое дирижирование, делающее пение каждый раз новым и интересным — как для певцов, так и для слушателей — к разным слоям своего обширного репертуара.

И в заключение о проблемах дальнейшего возвращения искусства Жарова в Россию. Во-первых, записи хора донских казаков необходимо издать как следует, скорее всего, в виде комплекта компакт-дисков, с точными указаниями авторов и названий исполняемых произведений, времени и места записи, с грамотными комментариями и, конечно, с необходимой технической реставрацией. Во-вторых, неразрешенным остается вопрос о возвращении в Россию огромного архива регента, который пока хранится в США, в его семье. Этим занимается Музей музыкальной культуры имени Глинки, но пока заметных результатов нет. И еще: знакомясь с жаровскими записями и программами, современные регенты и хоровые дирижеры могли бы, конечно, не имитируя манеру знаменитого “синодала”, усовершенствовать собственный репертуар. Возможно, имело бы смысл провести своеобразный “жаровский фестиваль”, в котором основные номера репертуара хора донских казаков прозвучали бы и в записях, и в исполнении современных коллективов.

ЗАВЕЩАНИЕ

В моем рабочем кабинете часть стены над кушеткой увешана старинными курительными трубками. Сам я их никогда не курил: предпочитал сигареты. Не коллекционировал.

— Так откуда же они у тебя? — интересовались приятели.

И я пользовался случаем, чтобы рассказать им об одной замечательной династии уральских интеллигентов...

С Уралом я распрощался в 1972 году и уже работал корреспондентом ТАСС по Костромской области. Когда однажды в мой адрес пришло письмо из Перми. В нем сообщалось, что недавно умершая Надежда Александровна Теплоухова завещала мне коллекцию курительных трубок. Душеприказчик покойной спрашивал, сам ли я приеду за трубками или выслать их в Кострому по почте.

С Надеждой Александровной, 85-летней старушкой, жившей в небольшом домике на одной из тихих улочек Нижней Курьи — предместья Перми, довелось мне познакомиться, когда я, будучи в то время собкором ТАСС, готовил материал о династии замечательных уральских лесоводов и естествоиспытателей Теплоуховых. Ее родоначальник Александр Ефимович, получивший в середине прошлого века после окончания Дрезденской лесной академии вольную от своего барина графа Строганова, всю свою жизнь посвятил изучению и приумножению лесных богатств Прикамья. Он первым поставил на научную основу уральское лесостроительство, создал знаменитый дендрарий на окраине поселка Ильинского, ныне именуемый "Кузьминками".

Дела отца продолжили два его сына — Федор и Александр. Федор, тоже окончивший лесную академию в Германии, на правах стар-

Писатель и журналист Виталий Васильевич Пашин печатал в "Губернском доме" и серьезные статьи, и юморески, рассказывал о занимательных коллекциях, предлагал редакции забавные документы.

шего принял от состарившегося отца должность главного лесничего Строгановского имения. Он был не только превосходный естествоиспытатель, но и незаурядный археолог, один из основателей Пермского научно-промышленного музея, куда он передал свою богатейшую коллекцию произведений искусства древних народов Прикамья.

За свою научную деятельность и активную помощь ученым различных государств Европы, приезжающих на Урал, Федор Александрович был удостоен многих почетных наград иностранных академий. От себя лично в качестве презентов ученые привозили Федору Теплоухову... курительные трубки.

Со студенческих лет была у него одна слабость: любил он после трудов праведных выкурить трубку хорошего табаку. Для этой цели, как

утонченный курильщик, имел Федор Александрович несколько "курительных приборов", сделанных из различных материалов. И, смотря по настроению, раскуривал он то черешневую, то глиняную, то пенковую трубку.

Несколько трубок из саксонского фарфора, украшенных великолепными миниатюрами, привез Ф.А. Теплоухов из Дрездена. Французский путешественник де-Бай, которого Федор Александрович сопровождал в поездке по Прикамью, подарил ему трубку, сделанную из вулканического материала — пенки, с серебряной откидывающейся крышкой. Другую пенковую трубку с чубуком из рога олененка подарил уральцу английский ученый Эберкромм. Была у Теплоухова трубка, сделанная безымянным русским умельцем из вишневого дерева, инкрустированная бронзовыми украшениями. Была глиняная, наподобие той, которую раскуривали герои "Песни о Гайавате", заключающая мир меж индейскими племенами...

Вот эти-то реликвии, оставшиеся после смерти дяди (в 1905 году) хранила его племянница Надежда Александровна. Она мне показала их и поведала "родословную" каждой.

— Да, такому собранию мог бы позавидовать сам Илья Эренбург! — воскликнул я в восхищении.

— А что, он коллекционирует трубки? — спросила Надежда Александровна.

— Это его давнее увлечение.

— А вы откуда знаете? — продолжала распрос моя собеседница.

— Рыбак рыбака видит издалека. — попытался я отделаться шуткой.

— Значит, вы тоже коллекционер?

— До какой-то степени...

— И вы хотели бы иметь в своем собрании эти трубки?

Видимо, на моем лице появилась выразительная гримаса несбыточной мечты.

— Вот что мы сделаем, — предложила Надежда Александровна. — Сейчас я их вам не отдам по понятным причинам — память. А в завещании укажу, чтобы после моей кончины трубки передали вам.

— Да что вы такое говорите? — замахал я руками. — Нет, уж, пожалуйста, давайте изменим тему разговора.

Этой не очень приятной концовкой и завершилась тогда наша беседа. Изредка бывая в Нижней Курье, я навещался к Надежде Александровне, интересовался, как продвигается ее работа по составлению “Календаря важнейших событий в истории Прикамья со времен проникновения сюда славян”. Этому труду посвятила она последние 30 лет своей жизни. Будучи широко эрудированным человеком (в юности она окончила Бестужевские курсы и до самого выхода на пенсию преподавала в школах историю), Теплоухова собрала и систематизировала обширный материал по интересующему ее вопросу. Теперь она спешила завершить задуманное и беспокоилась только об одном: хватит ли времени...

Потом перевели меня работать из Перми в Кострому. Я уехал как-то очень спешно, забыв оповестить о своем отъезде Надежду Александровну. Со дня на день собирался написать старушке из Костромы, пока сам однажды не получил письмо от племянника Н.А. Теплоуховой с известием о ее кончине и изъявлением последней воли.

За “наследством” я, разумеется, поехал сам. Николай Александрович вручил мне ящичек, в котором аккуратно были уложены десять трубок. Чубуки к ним хранились отдельно на чердаке. От времени почти все они растрескались, а иные пришли в совершенно негодное состояние. Только три чубука я сумел реставрировать, к остальным трубкам пришлось делать новые по образцам, скопированным мною в различных музеях.

Когда я привел коллекцию в надлежащий порядок, развесил трубки в рабочем кабинете. Теперь они всегда перед моими глазами. Как узелок на память. Они торопят меня сделать что-то обещанное, корят за забывчивость, заставляют постоянно заглядывать в тот “долгий ящик”, куда “складируем” мы неспешные дела.

Интересно

В Европе табак был известен в начале века как лекарственное средство, помогавшее против зубной боли, подагры и других заболеваний. Из Португалии, куда его завезли первооткрыватели Америки, он попал во Францию, благодаря посланнику при португальском дворе Жану Нико, преподнесшему порошок из листьев табака в дар французской королеве Екатерине Медичи в качестве лекарства для ее сына. От его имени и произошло слово “никотин”.

Существует бесчисленное множество типов изготавливаемых первобытными народами трубок и головок к ним, начиная с красных и черных трубок, высеченных североамериканскими индейцами из священного трубачного камня, и кончая разукрашенными богатой резьбой глиняными, сланцевыми и деревянными трубками, которыми пользуются различные народы земного шара.

Трубки из коллекции Виталия Пашнова.

НА ТО И ЩУКА...

1977 год. «Надвигается» историческая дата — 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции. По традиции, рожденной Октябрем, нужен спектакль, посвященный «красному дню календаря». После долгих раздумий режиссер Владимир Шиманский останавливается на пьесе А. Корнейчука «Гибель эскадры».

Что за «гибель»? Какая «гибель»? — сурово спрашивает режиссера ведущий идеолог области. — Вам что, изменяет политическое чутье? Такая дата, а вы преподносите народу «гибель»!..

— Это не я, — пытается внести ясность Владимир Феликсевич. — Владимир Ильич дал указание насчет гибели эскадры... После заключения Брестского мира, чтобы Черноморский флот не достался Германии, его уничтожили по личному предписанию Ленина...

— Никакой «гибели» на праздничной афише быть не может! Ищите другую пьесу!..

Так вместо «Гибели эскадры» режиссер Шиманский поставил «Чрезвычайного посла».

Со спектаклем «До третьих петухов» история приключилась совсем драматическая. Его выпустили, сыграли несколько представлений, и вдруг звонок из «красного дома»:

— Снять с репертуара. Немедленно!

— Почему? — только и мог вымолвить режиссер Виктор Симакин.

— Это не телефонный разговор. В личной беседе режиссера-постановщика обрадовали неожиданным открытием:

— Вы намекаете на то, что черти должны взять Кремль?

— Какой Кремль? — пуше пружного удивился Симакин.

— Как же, как же... Эти ваши символы, метафоры, они о многом

Заведующий литературной частью драмтеатра имени А.П. Островского Евгений Тимофеевич Степаненко — автор материалов из большой истории костромского театра, а также маленьких веселых историй из театральной жизни.

говорят. Вот красный телефон в монастыре, которым пытаются завладеть черти... Намек весьма выразительный и откровенный. Такие спектакли нам не нужны.

И запретили.

— И что в том особенного? — скажут иные. — На то и щука в реке, чтобы карась не дремал.

Так-то оно так. Только в этой связи приходит на память и другой эпизод, случившийся 18 февраля 1855 года. По словам известнейшего костромского антрепренера века минувшего Николая Ивановича Иванова, в 6 часов вечера к нему в театр приехал полицмейстер и спросил:

— Много ли сегодня билетов продано?

— На триста рублей с лишком, — ответил Николай Иванович.

— Цифра изрядная, — и торопливо прибавил: — Собирайте как можно скорее актеров и начинайте представление.

— Зачем? — удивился Иванов.

— Не надо расспросов! Делайте, как говорю...

Наскоро собрав труппу, начали спектакль на полчаса раньше объявленного в афишах, естественно, при полупустом зале. В начале восьмого в партере появился полицмейстер и остановил действие, объявив, что скончался император Николай Павлович. После чего он подошел к Иванову и тихо сказал:

— Вот почему я торопил вас начать... Теперь все-таки останется у вас сбор, потому что представление не отменено, а прекращено по требованию властей на половине. Следовательно, теперь никто не имеет права требовать обратно своих денег.

Вот и думаю: «А ведь подобный «образец беспредельной доброты», как отозвался о том случае Н.И. Иванов, — тоже наша история, наши традиции. Так стоит ли их предавать забвению?»

«Что делать? Как себя прожить?..»

* * *

Бывает в душах утонченных
любви болезненная вязь,
когда как будто застеклена
она прохладой слов и глаз,

когда, скрывая искушение,
сердца в боренье без молвы:
одно ждет гордо поклоненья,
другое — равенства в любви.

И утомленная любовь
сквозь годы чувств многообразных,
так и не вызревши, без слов
приходит тайно к неприязни.

* * *

Кто жизни радостей не знал
под вечной мнительности вязью,
тот душу только и питал
бездарной прихотью фантазий,

тот в жизни редкостно желал
удач, собою озадачен,
и часто в ночь уничтожал
себя, как проклятую клячу.

Но только он бывал в глуши,
в краю единственно возможном,
где идеал его души
с ней в простоте был непреложной.

* * *

Эти лица встречной толпы
ты и видишь-то только раз.
Симпатичен ты? Неприятен ты?
Гибнут тайны мчащихся глаз.

И, пожалуй, было б прекрасно
эти тайные знать впечатления,
эти толпы возможного счастья,
что убила боязнь обнажения.

ПОГОДА

Облако худенькое души
едва держалось на свете.
А Мир своим занимался в ночи:
где-то вскипал ветер,

и щупальцы-волны неслышно и зло
шатало облако хлипкое.
Изю всех сил частицы его
друг друга держались с криками.

И вот одна, ослабев совсем,
пальцы разжала и отлетела.
И миг разорвался их круг, и с тем
исчезла душа, не узнав, в чем дело.

* * *

Привет тебе, осенний стог,
души усталой друг и фетиш!
Ты, как и я, сейчас промок
и, съезжась, в сне глубоком бредишь

июньским золотом полян
и соком росного пырея.
Ты был тогда туманом пьян,
а нынче скорбно коченеешь.

Но ты счастливее меня.
В деревне, рядом, у половы,
мечтают о тебе, склоны
главы ушастые, коровы.

А я столбецки одинок.
Друзья ушли, и нет любимой,
отца в могиле червь пожег,
и мать уже покрылась дымом.

И рифмы... Экая печаль!
Какая милая картина!

Я их вяжу любовно в шаль,
а ждет их сорная корзина.

Что делать? Как себя прожить?
Как пролистать пустые числа?
Вот потому с тобой побыть
я рад, как ведра с коромыслом.

Как те, наполнившись водой,
ждут друга, согнутого в лапы,
так я, наполнившись тоской,
перед тобой стою без шляпы.

Ты пошури, осенний брат.
Цавай! А я тебе, как в зале,
спую под слизь и листопад
эклогу ласковой печали.

* * *

В.Гричеву

Художник писал головную боль,
а за окном шло властное:
краснела в корчах немых юдоль —
сентябрь польхал красками.

Художник встал, посмотрел в окно,
застыл со струящимся взором,
налил и выпил, крякнув, вино
и жадно закусил косогором.

РЫБОЛОВЫ

Рассказ

В конце Сосновой улицы, под окнами моей квартиры, — огромный пруд с низкими берегами с кустами и деревцами на берегах.

Весной и осенью бегут в него ручейки со всего поселка, наполняют свежей водой. Воды у нас и без пруда хватает. На улице колонки стоят часто. И в квартирах горячая и холодная, только бери. Ненужным и заброшенным считала я пруд и глубоко заблуждалась.

Одна из моих знакомых, уезжая к детям, благословила мне кота Димку. Крупный, упитанный, шубка густая, дымчатая, а на лапах белые лапки с онучами. И все же мне было не по себе. Другим дарят перчатки, или духи, или еще что-то, только мне — кот или кошку, будто я кошатница неисправимая. Да и кошек и котов набралось у меня больше, чем нужно. Живут в деревне у моего деда. Принесла я и Димку туда же.

Увидели его коты, зафыркали и посовались в углы. Ревут, глазами сверкают. Димка этого только и ждал. Шерсть по спине вздыбил, хвостом крутанул — и началось... Полетела ключьями шерсть, в шкафу зазвенела посуда. Пришлось убрать подарок в свою квартиру.

Но Димке у меня не понравилось. Лаза в подвал нет, форточка от земли высоко, все не как у хозяйки. У той, бывало, выйдет через подвал, вернется через форточку. Прыгнет на завалинку своего дома, встанет на задние лапы, подтянется. А хозяйка уже заждалась, форточку открывает, на руки кота принимает, его белые лапы моет да ветошью вытирает.

Мне с ним нянчиться времени нет. Пою, кормлю — спи в тепле и будь доволен. Зато он хозяйкой своей меня не считает. Заходит ко мне лишь по-дружески, нет ли чего полакомиться — и все.

Сходил кот на старое жильё, проведаль, не ждет ли его там дорогая хозяйка, и поселился на подоконке в коридоре нашего дома. Солнце пригревает, снизу батарея, и лаз в подвал тут же, будто для него, Димки, приготовлен.

Устроился кот с жильем и стал пропадать ночами. Утром явится мокрый, усталый и спит на своем окне, как после ночной смены. К вечеру снова уйдет, иной раз и поесть забудет. Возвращался в хорошем расположении духа, ласкался к малышам, позволял таскать себя на руках. Заходил на кухню пообщаться с хозяйками дома, попробовать, чем же так вкусно пахнет у них сегодня. “Значит, охота была удачной,” — думала я, полагая, что кот охотится в сосняках Лисьей горы на птиц и мышей.

Бывали в его жизни и серые дни. Кот худел, плохо себя обихаживал, злился. Захнет кто-нибудь поиграть с ним, руку к нему протянет, а кот лапу поднимет с когтями наготове и зашипит, мол, не досаждай. “Значит, коту не везет”. — думала я, и мои соседи старались ему не мешать.

Как-то вечером мне захотелось побыть наедине с природой. Я села под берег пруда отдохнуть. Вслушалась в сумерки и почувствовала: я здесь не одна. Заглянула в травы, под ивовый куст, и увидела Димку. Сидит на травяной кочке, взгляд опустил в воду и лапу совочком над водой держит. “И чего он тут? — удивилась я. — Рыбу в пруд никто не пускал, развестись не с чего. Разве что из соседских прудов ручейки весной завели или птицы как занесли”. И я стала наблюдать за котом.

Воздух был влажный, пахло тиной и мятой. В травах загорались светлячки. Откуда-то долетали озорные голоса подростков. Потом все стихло, я уже решила уйти домой и вдруг услышала всплеск воды. Лапа кота опустилась в воду. Из воды, сверкая золотом, шлепнулся на траву красавчик карась и, изгибаясь, подпрыгнул. Кот победоносно прижал его лапой к траве. Когда карась замер, кот отбросил его от воды, подцепив когтями, и вновь окунул свою лапу в воду. Снова сверкнула в воздухе красноперая рыбка. Но пока кот с нею возился, первого карася стащил пятнистый котенок Мери. Кот с сожалением скосил глаза на свою добычу, но не тронулся с места. Не хотел, видно, портить ловлю себе.

С того вечера я часто заглядывала к пруду и открыла целую бригаду рыболовов. Был тут и черный, как ворон, кот Филька. И рыжий с покусанными ушами драчун Сенька. И белый толстяк Фунтик. И серый, полосатый, как зебра, Пушок. И пятнистая Мери, мать вороватого котенка.

Каждый из рыболовов знал свое место, и все у них было тихо и мирно. Порядок нарушал лишь котенок Мери. Он прятался в травах и воровал рыбку не только у Димки, но и у остальных рыболовов. И это прощалося ему.

Меня удивляет терпение и выдержка кошек. В дождь и на резком ветру они рыбачат, словно отвергнутые всеми на свете, ничего не чувствуя и не замечая. Никому из людей в голову не пришло, что есть рыба в пруду, а кошки как-то пронюхали и удят себе по тихой. Давно удят. Готовую, обжаренную в масле рыбу не съедят, а на рыбалку уйдут. Занятие любимое не упустят.

ДЕТАРСКОЕ

ЧУХЛОМСКИЕ ГАРМОНИСТЫ

Задолго до братьев Заволокиных, когда стала забываться гармонь, когда не услышать ее было даже в сельских клубах, не то что в концертных залах, попытался чухломич В.Н. Бахвалов напомнить людям, сколько силы и души в этом инструменте.

Стал Валентин Николаевич в Чухломе собирать гармонистов — и старых, и молодых, сколачивать из них ансамбль. Вывел «Чухломских гармонистов» сначала на сцену районного Дома культуры. Потом ахнули от ансамбля костромичи. А уж когда в 70-м году двенадцать гармонистов выходили на сцены самых престижных концертных залов Ленинграда, успех был просто ошеломляющий...

«Играй, гармонь!» пришла на телеэкраны позднее. И жаль, что в «костромском» выпуске передачи не вспомнили почему-то о том «прорыве» гармошки в начале 70-х. Но Бахвалов был не в обиде. Человек он скромный. Любовь к музыке унаследовал от отца. Всю жизнь Валентин Николаевич учил чухломичей музыке: руководил духовым оркестром, хоровыми коллективами, создавал в Чухломе детскую музыкальную школу, учил ребят игре на баяне. Сейчас, вроде бы, на заслуженном отдыхе, но гармонисты в Чухломе — играют...

«Чухломские гармонисты». Крайний справа — В.Н. Бахвалов. Фото 1980-х гг.

КРАСНОСЛОВИЕ

ОТ НИКОЛЫ ОТ СЕЛА ИДЕТ ТАЛЬЯНКА ВЕСЕЛА

Из чухломского рукописного сборника частушек начала века

От Николы от села
Идет тальянка весела.
По тальянке сметила,
Пошла — поваду встретила.

От Николы от села
Идет тальянка весела.
По тальянке я пляшу,
Сапоги с дырам ношу.

Тятька новые скатает
Али эти подвывает:
Не текут, не промокают —
Только щепки пролетают.

Кострома, наша речка,
Широка и глубока.
Поставим мы скамеечку
Для Яхужи-игрока.

Распашу, распашу
На горе полянку.
Люблю Колю за игру,
Ваню — за тальянку.

Эй ты, Дуня, вздунь огонь —
Куплю новую гармонь.
Гармонь нова, да не стара,
Заиграет, как гитара.

Сыграй, Коленька, в минорочку —
Я песенки спю.
И сама себя потешу,
И тебя повеселю.

Ты играй, гармонь моя,
Сегодня тихая заря.
Сегодня тихая заря —
Услышит милая меня.

Поиграй, тальянка нова,
Пока милая здорова.
Захворает и помрет —
Тальянка разу не споет.

По тальянке песню пела.
В лесу раздается.
Небогатого любила,
А он зазнается.

Посмотрите-ка, ребята:
Кто-то тонет в ручейке
В белой вышитой рубашке
И с тальянкою в руке.

Я с высокого комода
Уронила баночку.
За то я милого люблю —
Горазд играть в тальяночку.

Давай, подруженька, станцуем,
Хоть не больно хорошо.
Хоть не миленький играет,
А тальяночка его.

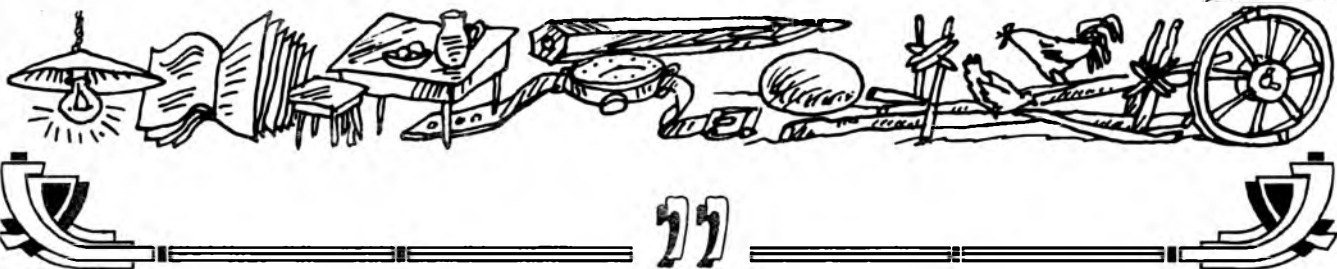
Сегодня тихая заря,
Не пойду домой одна —
Дайте провожатого,
С тальянкой, кудреватого.

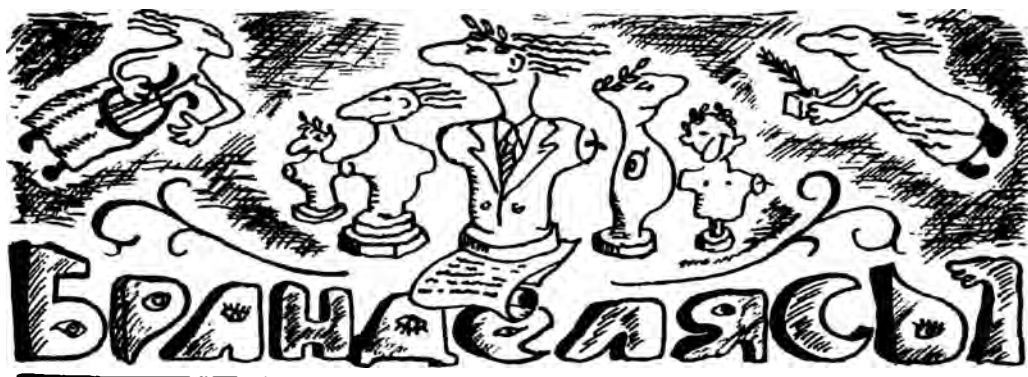
Что корцовскую-то гору —
Я тальяночку под полу.
Ой-е-ей, какая даль —
До чего милого жаль.

Коля колики рубил,
Саша садик городил,
Вася с новой тальянкой
По садику ходил.

Мы с подружкой рядом жали,
Два молодчика бежали;
В голубой рубашке — твой,
При часах с тальянкой — мой.

Тятька рожь молотит,
Я подворовала —
Понемножку, по лукошку,
Все милому на гармошку.

Юрий БЕКИШЕВ

СТЕГОЗАВР УТЯ

Из цикла «Династия»

Однажды копался младший Бамбуков в своем огороде и выкопал яйцо стегозабра.

— На яичницу мало, а для науки — большая удача. — подумал Бамбуков.

Тут дед заявился, калитку чуть не расшиб:

— Что нашел?

— Яйцо стегозабра, однако. — отвечает младший.

— Это хорошо, — говорит дед. — Для науки — большая удача. Соломки ему подстели.

Через день вылупляться стало.

Поначалу махонький был стегозабр, с зубную щетку, но потом подросток саться начал о забор и к соседям подкоч делать. Но младший Бамбуков его любил. Утром выйдет:

— Утя, утя, утя! — кричит.

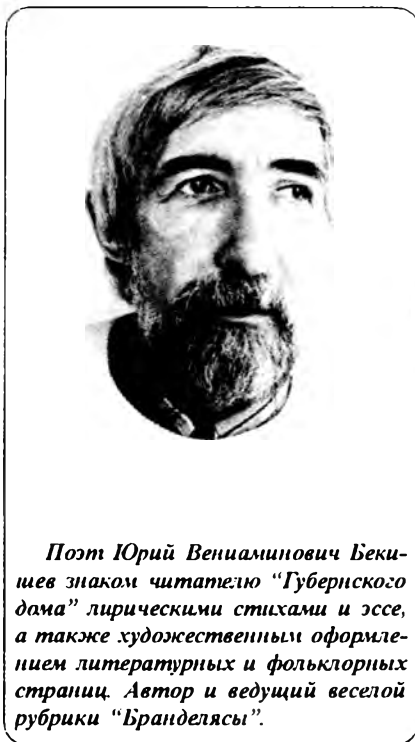
Стегозабр из подкоча щурится: чего, мол, принес?

А он ему и апельсины, и мойву, и анчоусы — все вперемешку, как комбикорм, — любит очень.

Соседи участкаго приводят: не нравится им такая первобытная жизнь. Но есть постановление, чтобы домашний скот поощрять.

А Утя совсем домашний. На оттоманке спит, цветной телевизор смотрит.

— Как далеко техника ушла с тех пор! — удивляется.

Поэт Юрий Вениаминович Бекишев знаком читателю "Губернского дама" лирическими стихами и эссе, а также художественным оформлением литературных и фольклорных страниц. Автор и ведущий веселой рубрики "Бранделясы".

Симпозиум собрали. Все Бамбуковы один к одному, как орехи.

— Скоплять пора, — говорит дед, — а то изнеможестя.

Меньшой возражает:

— Потеря для науки. Музей от экспоната может отказаться. Я уже договоривался.

Дали ему щелбана, чтобы не встречал.

— И вообще, — старшой брательник говорит, — возьму-ка я его к себе. Огород пахать, для круизов приспособлю... У меня гараж в сам раз, а жрать отрубя будет.

Заспорили, конечно. Каждому охота стегозабра держать.

Средний кричит:

— По очереди давайте, по очереди!

Меньшой крылами машет: мол, Утя мне как сын родной, и жилплощадь позволяет.

Вдругорядь ему щелбана дали.

Дед туда же:

— Кто патриарх? Я — патриарх!

Вот кручина!

Так ни до чего и не договорились.

А на другой день помер стегозабр.

К вечеру к младшему Бамбукову дед зашел:

— Что, — спрашивает с оптимизмом. — помер, однако?

— Вам виднее. — отвечает внук. — Ваши, небось, интриги?

— Мои самые, — степенится дед. — Зато никому не обидно!

И пошел.

— А я из шкуры балдахон сделаю! — крикнул велед младший Бамбуков.

Да уж поздно было. Дождь начался.

Григорий КУСОЧКИН

ЕСТЬ У МЕНЯ ХОРОШИЕ ИДЕИ!

Третируют... ругают — ерунда!

Меня надежды юности питают!

Вот напишу поэму, и тогда

Меня еще услышат и узнают!

Мои "Война и мир" —

чуть впереди.

И подождет

"Последний день Помпеи"...

Эй, жизнь, меня улыбкой награди,

Есть у меня хорошие идеи!

Я творчески пока еще не спик

И завоюю не одну победу!

А вот куплю намедни броневик

И... окна бить в издательствах поеду!..

Г.Д. Поздравляем механика-водителя броневика с юбилеем.

Желаем не бить, а быть!

Раннее зимнее утро. Два пассажира едут в троллейбусе. Салон полупустой. Разговорились от нечего делать.

— Как дела?

— Помаленьку. А у вас?

— Тоже.

— Извините, а вы какой наживкой пользуетесь, на что сейчас берет?

— В основном на импорт. Турция, Китай. На польскую можно... но плохо... три, пять, максимум семь зацепишь...

— Не говорите! Прогрессишь на морозе, а идут одни семейные...

— Караси?

— Ага! Точно вы их прозвали — настоящие “караси”! Ходят-ходят вокруг, прицениваются, примериваются, а в самый важный момент — нырк в сторону!

— А я окуней предпочитаю!

— Это такие деловые, спортивные? Еще бы! Они не торгуются! Сразу раз и готово!

— Где окуньки, там и ерши пацуются. Не донимают?

— Что вы! Напасть от них, оканьяных! Настоящий рэкет! Налетят

Павел РУМЯНЦЕВ

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

стайкой, всю наживку обдерут... Иногда даже уходишь от них на более спокойное место...

— На леща?

— Ну, можно так сравнить: такие вялые, апатичные, но уж если что им приглянулось, они своего не упустят.

— Да-а... только приманить их тяжело... Вы чем пользуетесь?

— Для них — только отечественное, из “Лужи”!

— Мотыль — оно, конечно, хорошо. Но этого мало. Нужны свои секреты. Вот вы “на кольцо” не пробовали?

— Как же! На него вся надежда! Запустим по кругу: наживка одна и та же, только у всех дорого, дорого, а у одного чуть дешевле, тут он и хватает!.. Попался, голубчик!

— Да что вы? Я так не пробовал! Надо будет мужиков подбить!

— Я вам говорю: верняк!

— Эх, люблю я наше дело за азарт!

— Это точно!..

...Тут троллейбус подошел к остановке. Пассажиры дружно вышли и направились в разные стороны: один, волоча огромную сумку, — на вещевой рынок; другой, вскинув на плечо рыболовный ящик и ледовый бур, — на пригородный автобус.

Впереди было два выходных дня. Удачи вам, господа!

Народия

Евгений БОЙЦОВ

МОЛНИЕНОСНЫЕ РОДЫ

*Прибавлю звук, и, душу надрывая,
Свобода рассечет напополам.
Как молния родная, шаровая
Шарахнет с разворота по мозгам.*

Александр Бугров.

*Уж если кто шарахнет, так родная!
Хоть весла после этого суши.
Конечно, молния, к тому же шаровая,
И прямо по башке и от души.*

*Да так, что
у беременной свободы,
Свободы творчества,
без схваток родовых
Отходят
поэтические воды,
И новый звук
рождается, и стих.*

*Дитя кричит, мне сердце надрывая,
И рассекает слух напополам.
Спасибо, молния!*

Спасибо, шаровая!

Почаще бей поэта по мозгам!

Галерея

кандидатов в классики
будущего тысячелетия.

Владимира Рахматова
увековечил Василий Чистов.

АВТОРЫ И ГЕРОИ

Обычно веселая последняя страница будет на сей раз серьезной. Недавно в одной уважаемой газете сообщили: нет, мол, у нас в стране гражданского общества, нет личности — нравственной опоры для него, а есть лишь безнравственная власть, оппозиция, рвущаяся к власти, да избиратели, называемые электоратом. Может быть, все так, но ведь гражданское общество не возникает само по себе или по указу президента, оно, возможно, должно сложиться из множества отдельных сообществ. Как, например, лес получается из деревьев или река появляется от ручьев. Речь не о партиях и политических движениях, опять же пекущихся о власти, а о сообществах людей, думающих о культуре, объединенных общим интересом к истории родного края, а следовательно, к истории Родины и ответственностью за ее судьбу. Надеемся, что коллектив авторов «Губернского дома» в течение пяти лет и был таким сообществом.

Журналист Николай Владимирович Муренин в костромской печати с 1981 года. Редактировал газеты «Молодой ленинец» и «Северная правда», журнал «Костромская старина» и альманах «Светоч». С 1992 года — редактор журнала «Губернский дом».

Время сейчас весьма любопытное: можно мало читать, много писать и еще больше себя печатать. Велик соблазн, не утруждаясь знанием, судить-рядить обо всем. И как должно быть, старомодны при этом авторы «Губернского дома», сидящие над каждой строкой в библиотеках и архивах, записывающие рассказ костромской бабушки, которая, по Ремизову, и есть наша Россия. Старомодны, повторим, наши авторы, но такие, как они, сохраняют божественный смысл печатного слова, собирая духовный свет и опыт отдельной человеческой жизни и жизни целой губернии, именно они помогают услышать живые голоса на-

шего времени и лучше понять самих себя.

Внимательный читатель «Губернского дома» заметит: авторы журнала чем-то похожи на своих героев — подвижников и провидцев, собирателей фольклора и хранителей преданий, хозяев старых альбомов и мастеров-умельцев, других талантов земли костромской и просто добрых людей, на ней живущих. Похожи вниманием к народной жизни, желанием сохранить связь времен, делом доказывающие, что провинция — понятие не территориальное, а культурно-духовное. Это благодаря их, авторов и героев, делу уставшая от суеты и шума человеческая душа тянется к чему-то давно желанному, светлому и радостному. Это благодаря их сообществу творческое наследие минувшего времени не пройдет бесследно, оно будет жить и продолжаться в новых именах, новых исканиях и надеждах. В нашем движении на пути к гражданскому обществу.

День рождения «Губернского дома». 22 декабря 1993 года.

*Всем, посетившим
«ГУБЕРНСКИЙ ДОМ»,
сердечное спасибо!*

ГУБЕРНСКИЙ

1/98

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

(26)

Любезные читатели!

В апреле 1998 года исполняется 175 лет со дня рождения драматурга А.Н. Островского и 80 лет областной научной библиотеке. Эти события в культурной жизни области связаны между собой не только по времени, но и по смыслу: Александр Николаевич был страстным книголюбом и библиофилом, областная научная библиотека хранит творческое наследие Островского, в том числе и его книги с автографами.

Итак, следующий номер “Губернского дома” обнимет две этих памятных и близких между собой даты. На страницах журнала можно будет совершить увлекательное путешествие по ценным книжным фондам областной научной библиотеки, познакомиться с новыми материалами и документами о жизни и творчестве великого русского драматурга, о связях его с костромским краем, о продолжении театральных традиций.

К слову

Читатели, как известно, бывают разные. Филолог Ирина Едошина, например, посылает “Губернский дом” в Библиотеку Конгресса США, фермер Александр Бурлуцкий приезжает за ним в редакцию из усадьбы Давыдково, а московский читатель Сергей Дворянцев использует костромской журнал на уроках родиноведения в столичной гимназии.

А еще с “Губернским домом” знакомы читатели и других изданий: газет “Литературная Россия”, “Культура”, “Книжное обозрение”, журналов “Новый мир”, “Знамя”, “Встреча”, альманаха “Дворянское собрание”...

Редактор Николай Муренин

Художники Юрий Бекишев, Василий Чистов

Фото Георгия Белякова, Вячеслава Белоусова, Сергея Калинина,

Александра Шикалова, из фондов областного архива, коллекций Андрея Анохина

Набор — Екатерина Соколова

Корректор Татьяна Бекишева

Компьютерная верстка — Дмитрий Кротков

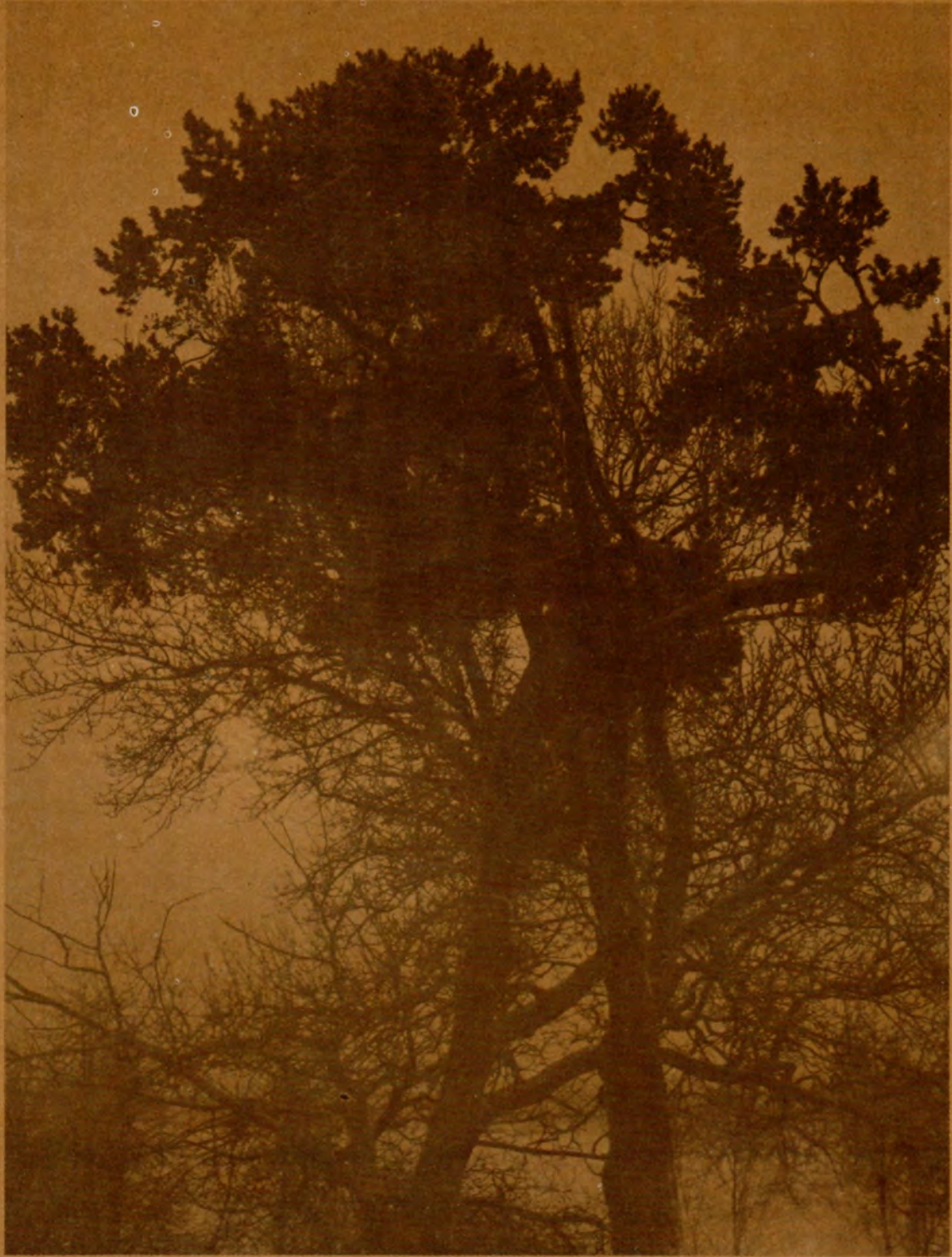
Адрес редакции: 156000, г. Кострома, пр. Мира, 7, тел. 51-67-38.

Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 20.10.97г. Подписано к печати 25.11.97г. Заказ № 7004.

Печать офсетная. Объем 10 п.л. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала “Губернский дом”,
отпечатано в областной типографии им. М. Горького
управления по делам печати и массовой информации администрации
Костромской области, г. Кострома, ул. Щербины, 2.

У беседки Островского. Фото Елены Румянцевой.